

АНГЛИНСКІЯ ПИСЬМА,
или
ИСТОРИЯ
КАВАЛЕРА
ГРАНДИССОНА.

Твореніе Г. РИЧАРДСОНА
сочинителя
ПАМЕЛЫ и КЛАРИССЫ.
Переведено съ французскаго
А. Кондратовичемъ.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmн@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Во градѣ Святаго Петра
1794 года.
Цѣна безъ перепл. 1 р. 10 коп.

Съ дозволенія указнаго.

ИСТОРИЯ
Кавалера
ГРАНДИССОНА.

ПИСЬМО LXXXV.

Милади Ж... къ Миссъ Биронъ.

Въ Лондонъ 5 Сентября, въ понедельникъ.

Поздравь себя, любезная моя пріятельница, пріѣздомъ моего брата. Онъ пріѣхалъ вчера въ вечеру, но такъ уже поздно, что не прежде насъ о томъ увѣдомилъ какъ нынѣшнимъ утромъ. Мы, то есть *Милордъ* и я, съ великою поспѣшностію пришли къ нему, дабы вмѣстѣ у него отзавтракать. Ахъ! душа моя, мы ясно видѣли, что его спокойствіе многими печальми {Текст в книге испорчен}. Онъ сталъ блѣднѣе и худощавѣе передъ прежнимъ. Но всегда тотъ же братъ, другъ и лучшій изъ человѣковъ.

Я думала было, что онъ станетъ меня укорять за нѣкія пылкія мои выраженія; но нѣтъ, ни одного слова такого не вымолвилъ. Онъ намъ наказывалъ весьма много нѣжныхъ выраженій, и когда заговорилъ со мною о моей сестрѣ и ея мужѣ, то почиталъ двухъ своихъ сестрицъ и добрыхъ ихъ *Монарховъ* щастливѣйшими четами во всей Англіи: политика весьма искусная; ибо за завтракомъ вымолвилъ мой мужъ двѣ или три такія дурацкія рѣчи, что я едва ихъ перенесла.

Никакая обезьяна столько не ластилась какъ онъ; но то доброе имя, которое мнѣ братъ доставилъ, служило мнѣ обузданіемъ. Я вижу, что леть наименѣе заслуживаемая можетъ производить хорошія слѣдствія, когда уважимъ мнѣнія ласкателя.

Бельшеръ какъ скоро узналъ о пріѣздѣ своего друга то немедленно къ нему пришелъ, *Милордъ Л...* съ своею супругою, *Емилиа* и *Докторъ Барлетъ* были въ *Колнеброкѣ*, но какъ они наказывали, чтобъ ихъ, какъ скоро онъ пріѣдетъ, чрезъ гонца о томъ увѣдомили, то они и поспѣли къ намъ къ обѣду. Тогда начались новыя обниманія и новыя веселости, *Емилиа*, любезная *Емилиа* дѣйствительно лишилась чувствъ, желая обнять колена своего попечителя. Такой припадокъ его тронулъ. *Бельшеръ* казался также подвигнутымъ, и мы всѣ брали въ томъ участіе. Есть такія ощущенія, кои выражаются внѣшними дѣяніями, есть такія кои не могутъ обнаруживаться словами. Радость моей сестры была такъ сказать, перваго рода, а моя втораго. Но *Милади Л...* привыкла подавать доказательства нѣжности; а я напротивъ того столь чувствительна въ своей нѣжности, что не могу даже выразить оной словами. Но глаза мои за меня говорятъ.

Удовольствіе, какое *Сирь Карль*, *Милордъ Л...* и *Докторъ* взаимно ощущали, что видятъ другъ друга, было велико и нѣжно, и выражалось видомъ мужескимъ. Мой *вѣтреникъ* раза три приходилъ въ восхищеніе, какъ и все собраніе; и съ превеликой своей радости чуть было не сталъ пѣть и плясать. Это ево обычай; а впрочемъ онъ честенъ и весьма хорошаго нрава. Берегись его презирать, *Генріетта*. Онъ воспитанъ какъ одинъ сынъ, коему не преминули внушить, что онъ *Лордъ*, а безъ етаго онъ бы представлялъ твоимъ глазамъ самую лучшую особу. Онъ не имѣетъ недостатка въ разсудкѣ, я тебя увѣряю. Ты сочтешь меня пристрастною: но я думаю, что самое глупое дѣло въ своей жизни сдѣлалъ онъ въ церквѣ Св. Георгія (*). Бѣднякъ! Онъ могъ бы найти такую жену, которая бы больше принаровлялась къ его вкусу и его недостатки моглибъ больше служить къ тому, чтобъ онъ тогда въ большемъ блескѣ показывался. Но не всегда даютъ намъ выбирать то, что для насъ приличнѣе быть должно. Примѣчаютъ, и я о томъ слышала, что темноволосые любятъ бѣлокурыхъ, а бѣлокурые темноволосыхъ. Можетъ быть свойства гораздо лучше согласуются въ своихъ противоположностяхъ. Естлибъ мы всѣ имѣли одинакой вкусъ къ одной и той же особѣ, или вещи; то ссоры былибъ тогда безконечны. Они и безъ того уже очень часты.

(*). Церковь, гдѣ она была обвѣнчана.

Приѣздъ моего братца чрезвычайно меня обрадовалъ. Я такъ весела что всему смѣюсь, и желалабъ, чтобъ и ты смѣялась хотя со мною, хоть надо мною, мнѣ все равно, лишь бы я могла тебя довести до улыбки. Смѣешься ли, моя любезная? Конечно, я въ етомъ увѣрена. [*Тутъ слѣдуютъ многія насмѣшки на ея тетку Леонору, старую дѣвицу, которая рассказываетъ свои сны всѣми смѣхо достойными образами, приличными ея лѣтамъ и состоянію, и другія на ея мужа Милорда Л... кои здѣсь не включаются яко излишнія*] Теперь когда я въ етомъ успѣла; то опять принимаю свой важной видъ.

Мы поздравляли братца выздоровленіемъ его друзей въ Италіи, не называя ихъ именно и не говоря ни слова о той сестрѣ, которую долженъ онъ былъ включить въ нашу фамилію. Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ насъ важнымъ видомъ и кланялся каждому за приносимыя ему поздравленія; но ничего не говорилъ. *Докторъ Барлетъ* намъ сказалъ, что въ своихъ письмахъ къ *Сирю Карлу*, онъ никогда не извѣщалъ его о слабомъ вашемъ здоровьѣ; ибо увѣренъ былъ, что такія вѣсти его бы печаливали. Выключая времени завтрака и обѣда, за коими присудствіе всѣхъ служителей было намъ даже тягостно, столько приказовъ раздавать ему было нужно, что едва имѣли мы случай съ нимъ поговорить. Но послѣ ужина онъ къ намъ пришелъ и обѣщалъ во все остающееся время того дня пробывать съ нами. Общество наше составляли *Милордъ* и *Милади Л...* мужъ мой, *Докторъ Барлетъ*, Г. *Бельшеръ* и наша любезная *Емилиа*,

которая собравшись съ силами, внимательно слушала каждое слово, выходящее изъ усть ея попечителя.

Сперва мы ему всё признались, какъ ты легко судить можешь, что мы читали большую часть тѣхъ освѣдомленій, кои онъ сообщалъ Доктору.

Сколько перенесло ваше сердце смущеній, печалей, разныхъ колебаній и бореній! дражайшій мой *Сиръ Карлъ*, началъ говорить Г. *Бельшеръ*, а въ заключеніе всею какой странной поступокъ оказала такая женщина, коей въ прочемъ не лъзя не удивляться!

Правда, любезный мой *Бельшеръ*. И по томъ началъ разпространяться въ похвалахъ *Клементинъ*. Мы вмѣстѣ съ нимъ ей удивлялись: и онъ казалось великое принималъ удовольствіе въ нашихъ хвалахъ. Это настоящая правда, дорогая моя *Генриетта*. Но ты столь великодушна, что вмѣнишь ему оное въ достоинство.

Какъ давно, спросила меня сестра съ лукавствомъ, не получили вы извѣстія отъ Графини Д....?

Сиръ Карлъ также спросилъ, нѣтъ ли другой Графини Д.... кромѣ вдовствующей? и лице его покрылось прелѣстнымъ румянцемъ. Покорная слуга, любезной братецъ, подумала я въ себѣ; я не сержусь на такой твой пріятной страхъ.

Нѣтъ, Сударь, отвѣчала *Милади Л...*

А желалибъ вы, братецъ, подхватила одна (знакомая тебѣ) бестыдница, чтобъ была другая Графиня Д...

Я желаю щастія *Милорду Д... Шарлотта*. Объ немъ отзываются какъ о такомъ молодомъ чловѣкѣ, который имѣетъ превосходныя качества.

Вы меня не разумѣете, *Сиръ Карлъ*, я въ томъ увѣрена, возразила твоя пріятельница нарочно глядя на него пристально.

Извините, сестрица: я желаю дабы *Миссъ Биронъ* была щастливѣйшею женщиною въ свѣтѣ, по тому что она изъ лучшихъ по своимъ качествамъ, и по томъ обратясь къ *Емилии* говорилъ: я ласкаюсь, моя дорогая, что вамъ ничего не происходило оскорбительнаго со стороны вашей матушки.

Нѣтъ, Сударь; все у насъ въ порядкѣ: и вы во всемъ превозмогли.

Я тому очень радуюсь, моя любезная. Думаетели вы, Г. *Бельшеръ*, чтобъ Батскія воды не принесли пользы вашему батюшкѣ.

Другая увертка! подумала я; но ты отъ меня не уйдешь, проворной братецъ; я за это ручаюсь.

Скажи однако, дорогая *Генриетта*, не тронута ли ты нѣсколько такимъ оборотомъ? По своей разборчивости ты будешь себя почитать оскорбляемою, что я такъ настою въ своихъ вопросахъ. Я вижу, что на миломъ лицѣ твоёмъ появляется румянецъ, показывающій твое негодованіе а въ глазахъ небольшое смущеніе, которое несравненно болѣе еще усугубляетъ твои прелести. Въ самомъ дѣлѣ мы всё начали

опасаться небольшого принужденія въ нашемъ братцѣ; но со всемъ того не было; обо онъ не захотѣлъ, чтобъ мы начали съ нимъ говорить о прежнемъ предметѣ. По нѣсколькихъ постороннихъ разговорахъ онъ обратился къ *Доктору Барлету* и говорилъ: любезной другъ, вы причинили мнѣ много безпокойства, когда я навѣдывался отъ васъ о *Миссъ Биронъ* и ея фамиліи. Глаза ваши меня озаботили. Я боюсь, чтобъ блѣдная госпожа *Шерлей*.... *Миссъ Биронъ* всегда намъ говорила о ея здравіи съ недоверчивостію. Сколь бы велика была печаль нашей любезной *Миссъ Биронъ*, *Шарлотта*, естлибъ она лишилась столь доброй матери!

Моего намѣренія, отвѣчалъ *Докторъ*, не было подавать вамъ причины къ безпокойствію. Но отецъ не можетъ больше любить своей дочери, какъ я люблю *Миссъ Биронъ*.

Вы дѣйствительно меня опечалили, любезной другъ, естлибъ веселый видъ, какой вижу у *Милади Л...* не лишалъ меня всего опасенія о здравіи *Миссъ Биронъ*. Я ласкаюсь, что *Миссъ Биронъ* здорова.

Далеко отъ того, отвѣчала я ему съ такимъ важнымъ видомъ, которой приличествовалъ тогдашнему случаю.

Не дай Богъ! прервалъ онъ съ такимъ движеніемъ, которое всѣмъ намъ понравилось. [Мы радовались тому не для того, *Генриетта*, что это видѣли, но о самихъ себѣ пожалуй не притворяйся и не будь излишне разборчива.] Лице его разгорѣлось. Чтоже, сестрица! Чемъ не можетъ *Миссъ Биронъ*!

Она не здорова, сказала я ему: но ея болѣзнь самая лучшая изъ всѣхъ. Она кажется всселою, дабы не опечаливать своихъ друзей. Она входитъ во всѣ ихъ разговоры, удовольствія и веселости. Она хотѣла бы, чтобъ никто не почиталъ ее больною. Естлибъ ея заплаканныя глаза, блѣдныя губы и перемѣна въ лицѣ ей не измѣняли; то мы отъ самой ее не выпыталибъ, что она страждетъ. Есть такія женщины, кои скорѣе другихъ доходятъ до совершенства; и коихъ упадокъ отъ того не скорѣе послѣдуетъ. Блѣдная *Миссъ Биронъ* кажется не долго проживетъ.

Но должна ли я здѣсь означать сіи мысли, моя дорогая. Однако я знаю, что и ты и *Клементина* весьма великодушны.

Мой братъ казался темъ крайне опечаленъ. Любезный другъ, сказалъ онъ *Доктору Барлету*, изьясните мнѣ пожалуйста, что значать слова *Шарлотты*. Она любитъ шутить. *Миссъ Биронъ* весьма хорошаго сложенія: теперь находится она въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Успокойте меня. Обѣ мои сестрицы не дороже для меня *Миссъ Биронъ*. Правду сказать, *Шарлотта*, я не очень хвалю такія ваши шутки.

Правда, сказалъ ему *Докторъ*, что *Миссъ Биронъ* не здорова. Но нѣжныя опасенія *Милади Ж...* усугубили непріятности ея описанія. *Миссъ Биронъ* не можетъ перестать быть любезною. Она всегда прелестна, весела, спокойна, и отдалась на волю Божію...

Отдалась на волю Божию! *Докторъ Барлетъ*, *Миссъ Биронъ* истинная Христианка, и не может не имѣть сего надѣянiя на Бога, въ какомъ смыслѣ мы его слово принимаемъ въ законъ: но вообще естли судить, то оно предполагаетъ нѣкое отчаянное состоянiе. Ежели *Миссъ Биронъ* такъ не здорова; то не должныль вы были, любезной *Докторъ!* о томъ меня увѣдомить? Или изъ нѣжности ко мнѣ... вы всегда столь добродушны бываете.

Я ни какъ не думала, сказала *Милади Л...* чтобъ *Миссъ Биронъ* была такъ больна. По истиннѣ, *Г. Барлетъ* и вы сестрица жестоко со мною поступили, что мнѣ о томъ не сказывали: и по нѣжному своему сложенiю она выронила слезу о любезной нашей *Генриеттѣ*.

Я нѣсколько жалѣла, что такъ далеко довела сiи речи. Мой братъ казался весьма безпокоенъ. Другъ его *Бельшеръ* безпокоился о немъ и о тебѣ, моя дорогая. *Емилиа* плакала о своей любезной *Миссъ Биронъ*. Она всегда опасалась, говорила она, чтобъ ваша болѣзнь не имѣла худыхъ слѣдствiй. Любезная моя, дражайшая моя *Генриетта*, тебѣ должно быть здоровою. Ты видишь, сколько всѣ тебя любятъ. Я говорила братцу, что съ первою почтою ожидаю письма изъ Нортгэмптоншира и буду въ состоянiи сообщить ему истинныя освѣдомленiя. Ни за что въ свѣтъ не хотѣла бы я, чтобъ ты подумала, дражайшая *Генриетта*, будто я хотѣла обратить на тебя вниманiе моего брата. Твоя честь составляетъ честь всего твоего пола; ибо не служишь ли ты ему украшенiемъ? Я ничего новаго не скажу, естли увѣрю тебя, что братъ мой тебя любитъ. Я не имѣла нужды видѣть его безпокойство о твоемъ здравiи. Его сердце не можетъ перемѣниться. Не замѣтила ли ты, что упадокъ твоего здоровья я приписала натурѣ? Дай Богъ, чтобъ етаго не было! Но я безразсудно лишаю тебя бодрости своими опасенiями о твоемъ здравiи, когда въ самомъ дѣлѣ не объ инномъ чемъ думаю, какъ о пощадѣ твоего разборчиваго вкуса. Ты будешь здорова, ты того сама пожелаешь и скоро получить можешь; и самый разсудительной, самой лучшей изъ человеквъ не преминетъ... Къ сему стремятся всѣ наши усерднѣйшiя желанiя. Но чтобъ ни случилось, а мы единодушно рѣшились для твоей разборчивости, предоставить сему обстоятельству привлечь все его сердце; потому что по ревностнѣйшему открытiю, коего я не предвидѣла, могла бы ты вообразить, что наши старанiя выходятъ уже изъ своихъ предѣловъ. Я тебѣ подтверждаю, моя дорогая, что *Сиръ Карлъ Грандиссонъ*, хотя достоинъ и Принцессы, не иначе представить тебѣ свою руку, какъ со всею истинною и нѣжною любовiю.

Судя по намѣренiямъ его, кои онъ намъ нынѣ въ вечеру открылъ, должны мы съ нимъ опять разстаться на нѣсколько дней. Игроки, коимъ нашъ двоюродной братъ *Еверардъ* позволилъ себя раззорять, находятся въ Винчестерѣ, гдѣ, какъ думаю, дѣлятъ теперь между собою добычу. Намѣренъ ли братецъ ихъ видѣть, того сказать тебѣ не могу. Онъ не

думаетъ, чтобъ обошелся съ ними спокойно. Они конечно дураку своему покажутъ, что лучше его умѣють беречь свои деньги: и *Сирь Карль*, коего мнѣнія не Романическія, мыслить только о законныхъ средствахъ.

Онъ хочетъ навѣстить *Милорда* и *Милади В...* въ ихъ помѣсть въ Виндзорѣ, и *Графа Ж...* моего свекра въ Беркширѣ: мужъ мой поѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ: оттуда отправится къ *Сиру Генриху Бельшеру* и къ *Милади Мансфельд*. *Бельшеръ* будетъ съ ними же. По томъ проѣдутъ въ замокъ *Грандиссонъ*, куда *Доктору Барлету* {Текст в книге испорчен}. Братъ мой оставляетъ здѣсь своего Камердинера, приказавъ чрезъ нарочныхъ пересылать къ нему всѣ письма, кои присланы будутъ изъ за моря; а я ему также обѣщала, что не заставлю его долго ждать тѣхъ извѣстій, кои получу изъ Нортгamptonшира. Мнѣ кажется, что онъ весьма бы хорошо сдѣлалъ, еслибъ поворотилъ къ замку *Сельби*. Не толи и ты думаешь? Не притворяйся же *Генриетта*. Прости, моя любезная.

ПИСЬМО LXXXVI.

Генриетта Биронъ къ Милади Ж...

Въ четвертокъ, Сентября.

Я буду отвѣчать на всѣ статьи вашего письма, которое имѣю передъ своими глазами.

Я искренно поздравляю васъ, любезная *Милади*, возвратнымъ пріѣздомъ вашего братца. Не удивительно, что его труды и лишеніе надежды произвели {Текст в книге испорчен} въ его лицѣ. *Сирь Карль*, *Грандиссонъ* не былъ бы тѣмъ, чемъ онъ есть, еслибъ не имѣлъ чувствительнаго сердца.

Вы худо знаете своего братца, любезная моя пріятельница, если ожидаете отъ него нѣсколько укоризнъ за странные ваши поступки съ *Милордомъ Ж...* я надѣюсь, что онъ и десятой части оныхъ не свѣдаетъ: но когда онъ о всемъ извѣстится, такъ какъ предвидить, что вы признаете свои заблужденія и будете весьма хорошою женою; то неотмѣнно простить вамъ все, что сочтетъ такимъ о чемъ бы вы безъ сожалѣнія не могли вспоминать. Вы весьма странно поступали, судя по письму, которое теперь я имѣю передъ собою. Я столько васъ люблю, что не могу васъ пощадить. Что за смѣшнаго находите вы въ своей тетушкѣ, что до сихъ поръ сидитъ она въ дѣвкахъ? Развѣ хотите тѣмъ показать, что сами чрезвычайно радуетесь, что заблаговременно укрыли себя отъ подобной укоризны? Если такая была ваша мысль, то кажется, это должны были нѣсколько больше оказывать благодарности *Милорду Ж...* коего великодушіе васъ отъ того защитило. По истиннѣ, любезная *Милади*, я опасаясь чтобъ для женщины не было нарушеніемъ благопристойности, если она насмѣхается надъ другими особами ея пола, въ разсужденіи

ихъ благоразумія а можетъ быть и добродѣтели. Разсудите, сколько вы превозносите мужчинъ такими шутливыми вольностями, вы, кои притворяетесь, что ихъ презираете? Я не дивлюсь, что они издѣваются надъ старыми дѣвками; это ихъ выгода: вы ихъ называете иногда *Владыками твореній*, а не думаете, что подаете имъ право къ такому титулу. Съ другой стороны не думаете ли вы, чтобъ таже слабость, по коей старая ваша тетка *Леонора Грандиссонъ* рассказываетъ свои сны, не приносила ей столько удовольствія и въ такихъ разсказахъ, естьлибъ сочетавшись бракомъ сдѣлалась она старою женою? Часто отъ радости происходятъ премногія дурачества. Не дразнитесь ли, что прибытіе вашего братца, которое подало случай вашей тетушкѣ рассказывать свои сны, привело васъ въ такой смѣхъ коего причину стыдились бы вы объяснить? Женщины, моя любезная, должны остерегаться тѣхъ заблужденій, изъ коихъ находятъ причину къ насмѣшкамъ въ дѣвицахъ. Сны вашей тетушки, позвольте мнѣ сказать, гораздо невиннѣе вашей чрезмѣрной радости. Простите мнѣ; но я думаю, что довольно дала вамъ почувствовать свой проступокъ.

Бѣдная моя *Емилиа*! я не дивлюсь что перьвой видъ ей попечителя произвелъ сіе дѣйствіе надъ нѣжнымъ ея сложеніемъ.

Но съ какою злостію поступаешь ты съ своимъ мужемъ! Фу? *Шарлотта*, какъ не стыдно, и написала мнѣ то, чего не могу я прочесть тебѣ въ честь ни моимъ ни твоимъ друзьямъ. Я желала бы, моя дорогая, увѣрить тебя, что нѣтъ остроумія безъ правильности, ни веселости безъ благопристойности. *Милордъ Ж...* имѣетъ свои слабости: но женнинъ ли долгъ перьвѣе всѣхъ оныя обнаруживать? Не можете ли вы его исправить отъ нихъ, не употребляя обидныхъ шутокъ, кои подходятъ къ презрѣнію? О! моя любезная. Вы намъ много показываете другихъ слабостей, не такъ какъ дѣвицы, дѣлая столь худое употребленіе изъ такихъ дарованій, кои даны вамъ къ наилучшему концу. Еще одно слово, меня не приведете къ смѣху, моя любезная, еслии я увижу васъ въ такомъ радостномъ восторгѣ, которой противенъ разсудку. И такъ помните, что ваши нападки на старыхъ дѣвокъ и на своего мужа только однимъ вамъ нравиться могутъ, а я не принимаю вашихъ почтеній: Для чего? Для того, что не хочу дѣлать съ вами вашъ проступокъ. Я васъ не щажу, говорите вы; но щадитель и вы кого.

Что же? Не ужели дѣйствительно вы меня почитаете столь больною, каковою описывали меня своему братцу? Я не думаю, чтобъ моя болѣзнь была такъ велика. А естьлибъ думала, то вѣрьте, что я употребила бы всѣ силы къ востановленію новаго порядка въ моихъ мысляхъ и не оставила бы сего намѣренія, не увѣрясь нѣсколько въ себѣ самой.

Вы, сказываете, не имѣли ни какого намѣренія возбуждать вниманія вашего братца къ ложнымъ краскамъ вашей кисти, когда ему описывали

слѣдствія моего нездоровья. Его вниманіе! Вы моглибъ сказать его сожалѣнія. Боже меня отъ того сохрани!

Судя вообще о вашемъ письмѣ, находятся въ немъ два такія обстоятельства, кои не могли не принестъ мнѣ удовольствіе; первое, что *Сирь Карль* столько обезпокоился о моемъ здоровьѣ; второе, что всѣ вы приняли одно рѣшительное намѣреніе, и при томъ произвольно. [по тому что обстоятельства того отъ васъ требовали] дабы предоставить всѣ дѣла естественному ихъ теченію. Храните оное, я васъ весьма о томъ прошу. Мнѣ кажется, что открытіе, такъ какъ вы ето называете, надмѣру было ревностно. Боже мои! Какъ я трепетала читая сію часть вашего письма: я даже не знаю, совершенно ли я тѣмъ удовольствована, хотя намѣреніемъ вашимъ истинно довольна.

Представьте себѣ, моя дорогая, половину такъ сказать сердца, женщину предпочтенную, и въ самомъ дѣлѣ столь предпочтенія достойную по качествамъ своимъ по богатству и по всѣмъ достоинствамъ. О *Шарлотта!* Мнѣ бы теперь не можно было, судя что и щастливѣйшія для меня были обстоятельства, предаться тѣмъ сладостнымъ восторгамъ, коибы принесли утѣху моему сердцу. Я гордѣлива.... Но станемъ ожидать перьвыхъ писемъ изъ Болоніи, и еслии удивленія достойная Италіанка утвердится въ своемъ намѣреніи: то тогда будетъ еще время доходить до моихъ сумнѣній. Думаетели вы чтобъ она въ томъ скрѣпилась? Воспаленное воображеніе можетъ переходить отъ одного великаго дѣянія къ другому. Я въ томъ истинно увѣрена, и такъ часто ето говорила, что можнобъ меня было подозрѣвать въ притворствѣ, когдабъ полагала, что *Клементина* есть единая особа, достойная *Сира Карла Грандиссона*.

Простите, моя любезная. Скажите пожалуйста вашему братцу, что я никогда не почитала себя такъ не здоровою, сколько вы до дружеству своему имѣли о мнѣ опасенія и что поздравляю его щастливымъ пріѣздомъ въ Англію. Обойтися безъ сего учтивства значило бы настоящее притворство, которое бы излишне многія мысли подать могло: но помните, что я почитаю васъ, вашего супруга, и *Милорда Л...* съ его сожительницею также и нѣжную мою *Емилию*, есть ли вы ему сообщите мое письмо, за хранителей чести, или, когда лучше желаете, разборчивости (ибо не лзя опасаться безчестія съ *Сиромъ Карломъ*;) вашей вѣрнѣйшей.

Генріетты Биронъ.

Примѣч: въ одномъ продолжительномъ письмѣ *Докторъ Барлетъ Милади Ж....* описываетъ путешествіе *Сира Карла*; благодушіе и щедрость не престають отличать его; онъ въ сей поѣздкѣ видѣлъ *Сира Гарграфа Поллексфена*, того грѣшника, которой почти уже поправился, но

чрезвычайно уничиженъ. *Мерцеда* умеръ отъ своихъ ударовъ въ жалостномъ состояніи. *Багенгаль*, учинясь мужемъ одной молодой особы, которую онъ похитилъ изъ Франціи, весьма худо съ нею поступаетъ.

Въ другомъ письмѣ *Сиръ Карлъ* описываетъ *Доктору* подробно все дѣла касающіяся до правъ *Максфильсовъ* и другія домашнія обстоятельства.

ПИСЬМО LXXXVII.

Иеронимъ делла Порретта къ Кавалеру Грандиссону.

Болонія 15 Сентября.

Ваши столь дружественныя къ намъ письма, любезнѣйшій мой другъ, посланныя изъ Ліона, принесли намъ величайшую радость. *Клементина* приходила уже въ разслабленіе въ сей надеждѣ. Какъ могли вы писать къ ней съ такою страстною горячностію и при томъ съ такою разборчивостію, которая не моглабъ привести въ опасеніе и совмѣстника? Она намъ отвѣчаетъ: мнѣ не должно, и думаю ни кому изъ насъ не позволено говорить о главнѣйшемъ содержаніи ея письма: она его казала только матушкѣ, да мнѣ. Любезная сестра! Для чего не могли мы отвратить ее отъ принятыхъ ею мыслей? Но какъ и предложить вамъ, дабы вы споспѣшествовали желаніямъ нашей фамиліи? Однако, ежели вы сочтете ихъ справедливыми, то я увѣренъ, что вы сіе усиліе надъ собою сдѣлаете. Мой любезной *Грандиссонъ* не знаетъ личной своей выгоды, когда справедливость и пользы его друзей оной противоположены. Паче всего я опасаюсь, дабы не поступлено было съ большею опрометчивостію, нежели каковая прилична состоянію сей любезной дѣвицы.

Дай Боже! чтобъ вы стали мнѣ братомъ. Къ сему стремится главнѣйшее мое желаніе: но вы увидите изъ ея письма, хотя она и давно столь разсудительно и твердо не писала, что ей не остается о томъ и мыслить. Она объявляетъ намъ, что желаетъ дабы вы въ своемъ отечествѣ щастливо сочетались бракомъ; и мы сами теперь желаемъ, дабы примѣръ вашъ могъ быть ей побудительною къ тому причиною. Не сумнѣвайтесь, чтобъ я не поѣхалъ въ Англію. Естли то можетъ сбыться, чего мы желаемъ; то я воображаю, что вся наша фамилія у васъ будетъ, мы думаемъ только о васъ, говоримъ объ однихъ васъ; ищемъ знакомства съ Англичанами, дабы ради васъ оказывать имъ честь. Госпожа *Бемонтъ* здѣсь; она совѣтуетъ намъ поступать съ осторожностію; но не осуждаетъ нынѣшнихъ нашихъ намѣреній, зная что мы ни когда согласиться не можемъ отдать сестру въ монастырь. Любезный *Грандиссонъ*! Ради сего не меньше должно вамъ любить оную добродѣтельную госпожу; ибо она

входить въ наши намѣренія. Г. *Ловтеръ* къ вамъ пишетъ; и по тому ни слова не скажу вамъ о томъ человѣкѣ, которому я столь много обязанъ.

Желали было, чтобъ я писалъ къ вамъ съ небольшимъ жаромъ о одномъ предметѣ, коего важности отрещи не могу; но я отвѣчаю, что того учинить не могу, не смѣю, и ничего такого не сдѣлаю.

Любезный другъ! Не переставайте никогда любить вашего *Иеронима*. Для дружества вашего жизнь свою почитаю я достойною моего къ ней прилѣпленія. Оно принесло мнѣ утѣшеніе, когда уже для меня ни чего другаго не оставалось и смертный мракъ окрестъ меня распростерся. Я буду васъ беспокоить своими письмами. Дражайшій мой, вѣрнѣйшій другъ мой *Грандиссонъ*! Простите.

ПИСЬМО LXXXVIII.

Клементина къ Кавалеру Грандиссону.

Тогоже дня.

Какое удовольствіе принесло мнѣ ваше письмо отправленное изъ Ліона, любезный и благодарный Кавалеръ! Сердце мое вамъ за это благодаритъ. Но признательность его была бы большая, естлибъ я не примѣтила въ тѣхъ строкахъ вашей задумчивости и тѣхъ усилій, кои вы прилагали къ сокрытію оной. Сколь бы я печалилась, естлибъ узнала что вы страждете ради меня? Но не станемъ напоминать сихъ мыслей. Я должна принести вамъ свои жалобы.

О Кавалеръ! Я терплю гоненія. И отъ кого же? Отъ моихъ любезнѣйшихъ и самыхъ ближнихъ родственниковъ. Я это предвидела. Для чего, для чего лишили вы меня своей помощи, когда я у васъ усиленно оной просила? Для чего не остались вы здѣсь до вступленія моего въ новое званіе? Я была бы щастлива! По крайней мѣрѣ со временемъ я бы до того достигла. Теперь вижу, что отягчаютъ меня настоящими прозъбами тѣ, кои по истиннѣ моглибъ и повелѣть; но боятся употребить свое право. Такъ мыслить о томъ я смѣю; ибо ежели надлежитъ съ родителями совѣтоваться о какой либо перемѣнѣ состоянія; то кажется мнѣ, что они не могутъ принуждать своей дочери къ замужству, когда она желаетъ прожить въ дѣвствѣ, или съ большею причиною, когда желаетъ вступить въ монастырь. Сія причина для Католиковъ сильна. Но вы Протестантъ; вы не одобряете той жертвы, которую мы въ самихъ себѣ Богу приносимъ. Вы не захотѣли за меня вступиться: вы еще на противъ того подтвердили ихъ возраженія. Ахъ! Кавалеръ, какъ могли вы на то рѣшиться, когда не перестаете меня любить? Не знали ли вы, что другаго средства не было меня освободить отъ докучливыхъ прошеній тѣхъ, кои имѣютъ право требовать моего послушанія? Они уважаютъ оныя: и какъ? Отецъ проситъ меня съ

пролитіємъ слезъ. Мать моя съ нѣжностію напоминаетъ мнѣ, что для меня претерпѣла въ моей болѣзни, и объявляетъ, что благополучіе ея жизни зависитъ отъ моей воли. О кавалеръ! Сколь сильными тому доводами служатъ слезы отца и матери! Г. *Ноцера*, Католическій *Епископъ* также старается; но не въ мою пользу; Генералъ увѣряетъ, что нежелалъ съ большею охотою, согласія своей жены, какъ моего. Самъ *Иеронимъ*, я стыжусь за него, другъ вашъ *Иеронимъ* настоитъ мнѣ въ семь же прошеніи. Отецъ *Марескотти* слѣдуетъ примѣру *Епископа*, госпожа *Бемонтъ* беретъ ихъ сторону, и *Камилла*, которая не переставала васъ хвалить, утомляетъ меня непрерывно своими настоятельными просьбами. Они мнѣ никого не предлагаютъ, и думаютъ оставить мнѣ вольный выборъ во всемъ свѣтѣ. Они мнѣ представляютъ, что сколь ни ревностные они Католики: но желаютъ столь усердно видѣть меня въ новомъ состояніи, что согласились выдать меня за *Протестанта* и что всѣ препятствія происходили отъ зазрѣнія моей совѣсти. Но для чего они лучше послабляютъ оное, нежели укрѣпляютъ? Естьлибъ я ослѣпилась при сихъ предположеніяхъ: при моемъ недостойнствѣ послѣ того нещастія, когда я лишилась разума; при неодолимомъ страхѣ по двергнуть опасности блаженство свое въ другой жизни, и при безконечномъ сожалѣніи видѣть пагубу такого человѣка, коего по долгу обязана была бы любить, какъ саму себя; то имъ не нужнобъ было такъ настоятельно меня о томъ просить.

Скажите мнѣ, объявите мнѣ, Кавалеръ! какъ четвертой мой братъ, и неимѣющій больше участія въ нашихъ словопрѣніяхъ, не позволено ли мнѣ сопротивляться? На что мнѣ рѣшится? Я обременена уныніемъ. О братъ мой, другъ! которой всегда будетъ дорогъ моему сердцу, помогите мнѣ своими совѣтами. Я имъ сказала, что во всемъ ономъ отнесуся къ вамъ. Они обѣщали мнѣ отложить желаніе мое о вступленіи въ монастырь, до полученія отъ васъ отвѣта. Не объявите себя противу меня! Естьли когда либо почитали вы *Клементину*; то не объявите себя противу ее.

ПИСЬМО LXXXIX.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Клементине.

Лондонъ 29 Сентября.

Какое бремя налагаете вы на мое сердце, Сударыня и что отвѣчать мнѣ на послѣднюю статью вашего письма? Вы принимаете трудъ, и изъ уваженія къ вашему предпріятію долженъ я сказать, трудъ достойной вашего благодушія, объявить мнѣ, что не можетъ больше никакого для меня остаться участія въ томъ рѣшеніи, коего отъ меня требуете. Я возобновляю нижайшую мою къ вамъ покорность; то позвольте мнѣ

повторить что мнѣ почти не возможно бы было повиноваться вамъ во другимъ причинамъ, опричь зазрѣній вашей совѣсти.

Но какъ важенъ можетъ для васъ быть мой совѣтъ, когда при концѣ письма своего вы настоите, дабы я не подалъ онаго въ пользу вашей фамиліи? В такомъ дѣлѣ, Сударыня, я никакъ не могу быть безъ нѣкоего предубѣжденія. Человѣкъ, ласкавшійся нѣкогда надеждою получить вашу руку, можетъ ли подавать вамъ совѣтъ противиться браку? Могутъ ли ваши родители еще далѣе простирать свое снисхожденіе, когда совершенно оставляютъ вамъ на произволь избрать себѣ родъ жизни? Я долженъ похвалить равно ихъ благоразуміе и благость въ семъ дѣлѣ. Можетъ быть вы угадываете, какого человѣка хотѣлибъ они вамъ представить, и я увѣренъ, что добродѣтельная *Клементина* его бы не отвергла по той одной причинѣ, что онъ бы ей предложенъ былъ съ ихъ стороны, ни по другому какому основанію, развѣ по непреодолимому отвращенію или сильной склонности къ какому нибудь Католику. *Протестантъ* не можетъ входить въ сіе предположеніе.

Но, дражайшая сестрица, любезная пріятельница, скажите мнѣ сами, какой отвѣтъ могу я дать молодой особѣ, которая оказавъ при одномъ случаѣ, что не имѣетъ непреодолимаго отвращенія къ браку, а избѣгала онаго единственно по зазрѣнію совѣсти, не хочетъ обязать хпвиноваться не есть то выраженіе, какое они употребляютъ] „своего отца, которой ее проситъ со слезами, мать, которая ей съ нѣжностію напоминаетъ тѣ прискорбія, кои за нее претерпѣвали, и объявляетъ, что все ея щастіе отъ нее зависитъ..“ О! Сударыня сколь сильными доводами могутъ въ семъ послужить (позвольте мнѣ повторить точныя ваши слова;) слезы родителей; *Епископъ Ноцера* вашъ братецъ, духовникъ, сей человѣкъ пренабожной, другіе ваши братцы, госпожа *Бемонтъ* ваша нелицемѣрная пріятельница, и вѣрная *Камилла*! Сколь много особъ держатся противныхъ съ вами мнѣній, дражайшая *Клементина*? Какъ могу я подать совѣтъ въ противность имъ; что мнѣ сказать? Должноли мнѣ по вашему представленію подать его въ вашу пользу? Вы знаете, Сударыня, какую жертву принесъ я вашей совѣсти, но не моей. Я не сумнѣваюся, чтобъ родители столь добродѣтельные, столь снисходительные, какъ ваши, не преклонялись на ваши разсужденія, естли вы ту же самую причину представите противу дочерняго долга, темъ болѣе достойнаго что онаго требуютъ съ такою кротостію, или лучше сказать, что онъ предлагается съ пролитіемъ слезъ и съ обътами и болѣе взорами нежели устами; естли вы оный исполните, то ваши родители сочтутъ, что наиболѣе всего обязаны будутъ своей дочери.

Клементина есть одна изъ великодушнѣйшихъ особъ; но разсудите, Сударыня, не показываетъ ли предпочтеніе собственной вашей воли хотѣнію нѣжнѣйшихъ родителей нѣкоего самолюбія, которое худо бы согласовалось съ вашими свойствами? Когда бы вы и нашли въ

монастырѣ все то блаженство, коего тамъ надѣтеся, но не справедливоли, что тогда отреклись бы вы отъ своей фамиліи, какъ отъ такой части въ свѣтѣ, которую бы вы дали обѣтъ пренебрегать, и жили бы единственно для самой себя? А думаете ли, чтобъ передъ Богомъ и передъ людьми не велико дѣло казалось отречься отъ того, что наиболѣе намъ любезно, исполняя свой долгъ, дабы обязать тѣхъ отъ коихъ подучили жизнь?

Я хотя *Протестантъ*, но не имѣю отвращенія къ духовнымъ установленіямъ. Напротивъ того я бы желалъ, чтобъ въ моемъ отечествѣ были монастыри, учрежденныя въ благоразумныхъ и точно исполняемыхъ основаніяхъ. По справедливости я бы не желалъ вѣчныхъ обязательствъ: мое бы намѣреніе было, чтобъ дали свободу возобновлять обѣты чрезъ каждые два или три года съ согласія фамилій.

Изъ всѣхъ женщинъ, коихъ я зналъ, *Клементина делла Порретта* должна быть послѣдняя, которая бы оказала желаніе къ уединенію. Съ нею есть только двѣ особы, коихъ бы ея намѣреніе не могло опечалить,

Мы знаемъ ихъ побудительныя причины. Завѣщаніе двухъ ея дѣдовъ, кои теперь наслаждаются лучшею жизнію, ей противоборствуетъ; и вся ея фамилія, исключая двухъ особъ сочлабы за величайшее нещастіе естли бы она оставила свѣтъ и погреблась въ монастырѣ. Сердце *Клементино* нѣжно и великодушно: она желаетъ, говорила она нѣкогда, отмстить своей двоюродной сестрѣ; то пусть же ея двоюродная сестра приметъ монастырскіе обѣты, причинъ къ раскаянію для *Даураны* довольно: ея приверженность къ свѣту, по коей она нарушила всѣ права сродства и челоуѣчества требуетъ обузданія, но естли такой монастырѣ кѣмъ бы всѣ должности добродѣтели лучше были сохраняемы, какъ не безподобною *Клементиною*?

Я бы могъ гораздо болѣе разпространиться въ такомъ предметѣ, въ коемъ самонамалѣйшія доводы не могутъ быть безъ силы: но такое дѣло для меня трудно, столь трудно, что я бы за оное не принялся, естли бы не предпочиталъ вашего и всей вашей фамиліи благополучія своему. Да благословитъ Боже, и да одобрятъ всѣ люди вашъ выборъ, какой бы онъ ни былъ! Никогда не буду я произносишь такой мольбы, въ коей бы всѣ обѣты дружества и глубочайшаго уваженія къ моей дражайшей *Клементинѣ* не занимали перваго мѣста..... ея другъ, братъ и покорнѣйшій....

Карлъ Грандиссонъ.

ПИСЬМО ХС.

Кавалеръ Грандиссонъ къ Господину Иерониму.

Тогоже числа.

Я отвѣтствую, любезной другъ, нашей удивленія достойной *Клементинѣ*, и для васъ положу въ семь сверткѣ списокъ моего отвѣта.

До полученія ея письма, признаюсь, что мнѣ казалось возможно, хотя и мало имовѣрно, чтобъ ея намѣренія обратились въ мою пользу. Я предвидѣлъ, что по утверженіи всей фамиліи вы всѣ единодушно будете ее склонять къ замужству; и какъ она увидитъ, что ее съ такою неотступностію къ тому уговаривать станутъ, говорилъ я въ себѣ; то можетъ статья, что она оставитъ свои сумнѣнія, и предлагая для самой себя договоры, рѣшится удостоить своей руки того человѣка, коего явно удостоивала своего почтенія. Болѣзнь, отъ коей она по щастію избавлена, оставляетъ иногда въ душѣ нѣкую неизвѣстность. Мое отсудствіе, понуждающее меня устроиться въ своемъ отечествѣ, и съ тѣмъ можетъ быть, чтобъ никогда не возвращаться въ Италію, высокія ея мнѣнія о признательности и уваженіе ея къ моимъ чувствованіямъ, всѣ сіи причины совокупно взятыя, могутъ какъ мнѣ кажется послабить ея намѣренія: а естли такая перемѣна случится, думалъ я; то я немогу сумнѣваться о благопріятствѣ ко мнѣ всей фамиліи. Мнѣ кажется, дражайшій другъ, что въ сей надеждѣ нѣтъ ни малой продерзости и неразумія. Я принадлежалъ *Клементинѣ* до послѣдней минуты, то есть до полученія письма, которое она мнѣ обѣщала. Но теперь, видя что вы всѣ одного мнѣнія и что сія любезная дѣвица хотя по принужденію должна избирать другаго, въ состояніи совѣтоваться со мною, какъ съ четвертымъ своимъ братомъ, которой по точнымъ ея выраженіямъ, не имѣетъ больше ни какого участія въ семь происшествіи: я оставляю всю свою надежду. Въ семь смыслѣ я и писалъ къ вашей сестрицѣ. Никто не ожидалъ того, чтобъ я придалъ вашимъ доводамъ ту силу, которую оныя получить могутъ: однако увѣренъ будучи, что она по долгу своему обязана согласиться на усиленныя прозбы всей фамиліи, послѣдовалъ я внушеніямъ чести. Никогда можетъ быть не бывало примѣровъ столь многихъ и трудныхъ положеній, въ какихъ вашъ другъ находится, которой не имѣя ни малѣйшей противъ себя укоризны за какое либо безразсудство постепенно приходилъ въ большія замѣшательства.

Вы желаете, дражайшій *Иеронимъ*, дабы я былъ въ силахъ подать примѣръ вашей превосходной сестрицѣ. Я долженъ вамъ открыть свое сердце.

Есть одна молодая особа, Англичанка, прекрасна какъ Ангель, но въ коей красота, въ моихъ глазахъ равно какъ и въ ея, составляетъ самомалѣйшее совершенство. Изъ всѣхъ женщинъ, коихъ я видѣлъ, она одна, одна только была бы та, которуюбъ я могъ любить, естлибъ не любилъ *Клементины*. Я не отдалъ ей справедливости когда бы не присовокупилъ къ тому что ее люблю; но столь чистою любовію, сколь непорочно сердце *Клементины* или ее. Состояніе *Клементины*

производило сильное во мнѣ впечатлѣніе. Я не могъ скрыть отъ себя сему причины. Ея склонность казалась ко мнѣ столь сильна, что какъ съ своей стороны могъ я взирать на нее дѣйствительно какъ на первый предметъ моей любви, то и думалъ не смотря на всѣ трудности, кои представлялись непреодолимыми, что честь и благодарность должны были приводить меня въ недоумѣніе, и даже возбранить мнѣ и самомалѣйшія виды къ какой нибудь другой женщинѣ, доколѣ жребій столь любезной особы совершенно опредѣленъ не будетъ. Я бы показалъ только тщеславіе, и даже предъ любезнымъ *Іеронимомъ*, естлибъ началъ говорить о предложеніяхъ, кои мнѣ учинены были отъ сродниковъ многихъ дѣвицъ, знатностію и породою весьма меня превосходящихъ. Честь одна могла меня останавливать въ такихъ случаяхъ, но сердце мое не прежде начало страдать отъ неизвѣстности, въ коей я о дражайшей вашей сестрицѣ находился, какъ при видѣ той молодой Агличанки, коей достоинства я выхвалялъ; не отъ того чтобъ я ласкался въ томъ успѣть, естлибъ имѣлъ свободу стараться придти къ ней въ любовь; но когда позволялъ себѣ о томъ мыслить, по неизвѣстности моей о вашей сестрицѣ, то не безъ надежды думалъ получить въ ономъ успѣхъ, по стараніямъ моихъ сестеръ, кои соединены съ нею нѣжнѣйшимъ дружествомъ.

Открыть ли мнѣ чистосердечно предъ своимъ другомъ всѣ свои чувствованія? Когда я вторично переѣзжалъ чрезъ Алпійскія горы, по приглашенію Епископа *де Ноцеры* и *Генерала*, то двѣ прекраснѣйшія особы, имѣли почти равное участіе въ моемъ сердцѣ, и сіе то, въ послѣднее мое путешествіе, подало мнѣ силу объявить *Маркизу* и *Генералу*, что я почиталъ себя сопряженнымъ съ ихъ фамиліею, но что *Клементина* и вы во всемъ вольны: по томъ, когда ея здоровье начало поправляться а она по видимому подтверждала ту надежду, какую мнѣ подала, моя же признательность казалась необходимою къ совершенному ея излѣченію; тогда, дражайшій *Іеронимъ*, я довольствовался тѣмъ, что желалъ молодой Агличанкѣ такого супруга, которой бы гораздо болѣе былъ ея достоинъ, нежелибъ каковымъ я быть могъ, въ трудномъ своемъ положеніи. Наконецъ, когда вся ваша фамилія преклонилась въ мою пользу, то не имѣлъ я болѣе ни одного желанія, коего бы предметомъ не была ваша сестрица. Какъ же уничтожены стали всѣ мои желанія, дражайшій другъ мой, когда я увидѣлъ, что она упорно меня отвергла? А особливо когда причины ея отрицанія еще болѣе умножили мое къ ней удивленіе. Теперь, чего вы для меня желаете? чтобъ я подалъ примѣръ вашей сестрицѣ? Но какъ я ето могу сдѣлать? Бракъ развѣ отъ меня зависитъ? Съ того времени, какъ *Клементина* меня отвергаетъ, есть только одна особа въ свѣтѣ, которую могъ бы я почесть достойною заступитъ ея мѣсто въ моемъ сердцѣ, хотя находится и тысяча такихъ, коихъ я недостойнъ. А сія особа, должна ли принять руку такого

человѣка, коего сердце предано другой, которая жива, не замужемъ, и оказываетъ еще къ нему столько благоразположенія, что можетъ привлечь къ себѣ признательное сердце и учинить раздѣль въ ея любви? Сама *Клементина* не столь разборчива, какъ сія прелестная *Агличанка*. По истиннѣ, дражайшій *Иеронимъ*, когда я помышлялъ обратить къ ней свои старанія; то не доставало мнѣ бодрости; и я почитаю себя такимъ человѣкомъ, которой наименѣе достоинъ одобренія въ такомъ поступкѣ. Присовокупите къ тому, что она имѣетъ столько обожателей, сколько есть мужчинъ, кои ее видятъ. Сама *Оливія* не могла не оказать ей своего удивленія. Могу ли я отдать справедливость двумъ особамъ столь рѣдкихъ достоинствъ, не показываясь раздѣляемымъ двойкою любовью? Ибо я во всю свою жизнь вмѣнять буду въ славу тѣ чувствованія, кои имѣлъ къ *Клементинѣ*.

Вы видите, дражайшій другъ, новыя трудности моего положенія: мнѣ кажется, что изъ *Италіи*, а не *Англіи* долженъ быть поданъ требуемый вами примѣръ. Не подозрѣвайте меня въ излишней разборчивости: примѣръ не отъ меня зависитъ, равно какъ и не отъ вашей *Клементины*. Безразсудно было бы о немъ предполагать. *Клементина* не имѣетъ отвращенія къ браку; она не можетъ имѣть онаго къ тому человѣку, коего вы избрали; поелику нѣтъ уже въ ней предубѣжденія къ другому. Мнѣ бы не прилично было рѣшить, чего она можетъ и чего должна желать но она съ природы есть почтительнѣйшая дочь; она гораздо лучше всякой другой чувствуетъ, чемъ обязана своимъ родителямъ и братьямъ, кои принимали столько участія въ ея злополучіяхъ. Здѣсь не вмѣстна разность законовъ, по коей всегда она отвергала мою руку; напротивъ того повиновеніе, какое дѣти къ родителямъ имѣть обязаны, есть долгъ предписываемый во всѣхъ законахъ.

Я писалъ къ *Маркизу*, *Генералу*, отцу *Марескотти* и *Г. Ловтеру*. Всемогущій Боже да возставитъ совершенно ваше здравіе, и да подкрѣпитъ несравненную *Клементину*! Да низпошлетъ всякое благо на ваше добродѣтельное семейство! Таковы суть, дражайшій *Иеронимъ* обѣты вѣрнаго друга, которой ласкается щастіемъ видѣть васъ въ *Англіи*, любитъ васъ, какъ себя самага, уважаетъ все то, что носитъ на себѣ ваше имя, и никогда не перестанетъ имѣть къ вамъ сіи чувствованія, пребывая вашъ и проч.

Карлъ Грандиссонъ.

ПИСЬМО ХСІ.

Госпожа Ревсъ къ Миссъ Биронъ.

5 Сентября.

О любезная сестрица! Теперь я увѣрена, что ты будешь щастливѣйшая изъ всѣхъ женщинъ. *Кавалеръ Грандиссонъ* былъ вчера у насъ. Съ какою радостію мы его приняли! Еще не было перваго часу, какъ по присланному отъ Милади Ж... письмецу, мы узнали о его возвращеніи. Онъ намъ сказалъ, что за необходимыми дѣлами долженъ ѣхать въ Виндгамъ и *Тампширъ*; но что не могъ въ путь отправиться, не увидѣвшись съ нами и не спрося насъ о твоёмъ здоровьѣ, которое ему представляли сумнительнымъ. Мы ему отвѣчали, что ты не совершенно здорова, но не видимъ изъ того ничего такого, по чему бы могли имѣть о тебѣ какое опасеніе. Онъ говорилъ о тебѣ съ такою почтительностію, съ такою нѣжностію! О! дражайшая *Генриетт!* Я увѣрена, да и Г. *Ревсъ* не менѣе увѣренъ, что онъ тебя страстно любитъ. Однако мы оба очень были изумлены, что онъ не оказалъ ни малѣйшаго желанія тебя навѣстить. Можетъ быть его дѣла... но естли онъ тебя любитъ; то можетъ ли имѣть такія дѣла, кои бы требовали въ семъ предпочтенія? А я увѣрена что онъ тебя любитъ. Я бы не знала какъ предъ нимъ скрыть свою радость, естли бы онъ себя объявилъ твоимъ любовникомъ. Ты меня знаешь: ты знаешь что выключая господина *Ревса* я ни кого въ свѣтѣ такъ не люблю, какъ тебя.

Я сочла долгомъ извѣстить тебя о семъ пріятномъ посѣщеніи. Теперь, моя дорогая, будь здорова. Все пойдетъ щастливо, я въ етомъ увѣрена. Сего прошу я отъ Бога какъ величайшей милости. *Кавалеръ* будетъ къ тебѣ въ Нортгамптонширъ, не сумнѣвайся объ етомъ: и естли туда поѣдетъ; то какая должна быть тому причина? Ето не простая учтивость. *Сиръ Карлъ* человекъ основательный. Прости любезная *Генриетта*, утѣха моего сердца!

ПИСЬМО ХСІІ.

Миссъ Биронъ къ госпожѣ Ревсъ.

Въ замкѣ Сельби, 8 Сентября.

Ваше письмо, любезная сестрица, исполненное, толикою нѣжностію принесло мнѣ вдругъ и удовольствіе и печаль. Я безъ сумнѣнія радуюсь что почтеніе одного изъ наилучшихъ мужчинъ явно ко мнѣ оказывается; но печалюсь нѣсколько, что по видимому изъ сожалѣнія къ моей слабости должна ему дать сіе имя? Къ слабости, столь худо сокрытой, [вы меня приводите въ радость о томъ, что случиться можетъ; ибо ето ни что иное какъ догадки], когда оконча свои дѣла и не имѣя другихъ упражненій сей превосходной человекъ, какъ вы говорите, навѣститъ меня въ Нортгамптонширъ. О дражайшая сестрица! Думаатели вы, что его отсутствіе и боязнь видѣть его мужемъ другой

какой женщины, были причиною моею нездоровья! И по сей ли мысли при непредвидѣнной перемѣнѣ его дѣлъ въ Италіи вы мнѣ наказываете быть здоровою? *Сиръ Карлъ Грандиссонъ*, моя любезная, можетъ насъ удостоить своимъ посѣщеніемъ или и обойтись безъ етого, какъ самъ захочетъ: но когда бы онъ и объявилъ себя моимъ любовникомъ, какъ вы говорите; то я не столько бы чувствовала отъ того удовольствія, сколько кажется вы того ожидаете, ежели участь превосходной *Клементины* неблагополучна. Нѣтъ нужды, что она его отвергаетъ? Не величайшая ли ето жертва, какую только женщина принести можетъ своему закону? Не признаетъ ли она что еще его любить? И не обязанъ ли онъ, не принужденъ ли ее любить во всю свою жизнь? Гордость моя требуетъ, чтобъ въ семь случаѣ за что нибудь была она принята. Такъ, вашей *Генриеттѣ* довольно того, чтобъ сидѣть спокойно и почитать себя щастливою, что занимаетъ второе мѣсто? Однако я признаюсь, любезная сестрица, что *Сиръ Карлъ* всего на свѣтѣ мнѣ дорожѣ, и есть либѣ *Клементина* могла быть щастлива, [но не думаю, чтобъ могла быть оною безъ него] то сказалабы безъ всякаго принужденія въ той мысли, что онъ объявитъ себя моимъ любовникомъ, что хочу положиться на свое сердце и поступки, дабы пріобрѣсть достаточную для меня его нѣжность. Но время вскорѣ окажетъ, какая будетъ моя участь и я съ терпѣніемъ ее ожидать буду. Я увѣрена, что *Сиръ Карлъ* ничего безъ самыхъ основательныхъ причинъ не дѣлаетъ. Дай Боже! чтобъ всѣ ваши удовольствія и утѣхи продолжились; ибо я знаю, что вы любите одни только невинныя увеселенія. Я есмь и проч.

ПИСЬМО ХСІІІ.

Миссъ Биронъ къ Милади Ж...

Въ замкѣ Сельби 20 Сентября.

Знатели вы, дражайшая *Милади* куда дѣвался вашъ братецъ? Моя бабушка *Шерлей* видѣла его духъ и около часа съ нимъ разговаривала: послѣ того онъ исчезъ. Не заботтесь. Я его и теперь въ удивленіи отъ того повѣствованія, которое госпожа *Шерлей* дѣлаетъ о его явленіи, словахъ и о томъ, какъ онъ исчезъ; а моя бабушка не бредила; ето было въ самой день, почти въ полудни. Вотъ что она рассказываетъ.

Вчера, говоритъ она, сидѣла я одна въ своей залѣ и забавлялась чтеніемъ, когда одинъ изъ моихъ слугъ, коему онъ прежде всѣхъ явился, пришелъ мнѣ докладывать, что какой то чужой человѣкъ хочетъ со мною видѣться. Я приказала его впустить; и вскорѣ увидѣла явившагося предъ собою въ сельскомъ платьѣ одного такого пригожаго мужчину, какого еще и въ жизни своей не видѣла. Ето былъ учтивой духъ: онъ поздоровался со мною съ величайшею пріятностію, или по крайней

мѣрѣ я такъ воображала; ибо какъ его видѣ соотвѣтствовалъ тому описанію, какое мнѣ сдѣлано было о семъ любезномъ мужчинѣ, то въ первомъ своемъ движеніи я весьма изумилась; но противу обычая духовъ, онъ первой началъ мнѣ говорить. По весьма почтительномъ поклонѣ онъ мнѣ сказалъ, что называется *Грандиссономъ*... и сіе выговорилъ голосомъ столь схожимъ на тотъ, какимъ мнѣ его представляли, что я не усумнилась, чтобъ то не былъ самъ *Сиръ Карлъ Грандиссонъ* и желая съ усердіемъ его принять, едва сама не упала.

Онъ сѣлъ подлѣ меня. Вы мнѣ простите, *Сударыня*, что я принимаю смѣлость васъ прервать.... Онъ говорилъ мнѣ такъ вѣжливо, такъ скромно, такъ благородно, что я оставила ему все время говорить одному: я ему отвѣчала наклоненіемъ головы и засвидѣтельствowanіями того удовольствія, съ какимъ его слушала; ибо я все судила, что это былъ дѣйствительно *Кавалеръ Грандиссонъ*. Онъ мнѣ сказалъ, что не можетъ у меня больше минуты промѣдлить и что обязанъ еще до ночи доѣхать до одного мѣста которое мнѣ и назвалъ. Какъ же, *Государь мой*, сказала я ему, вы не поѣдете въ замокъ *Сельби*? Вы не навѣстите моей внуки *Биронъ*? Вы не свидитесь съ ея теткою? Нѣтъ, *Сударыня*. Онъ меня просилъ его въ етомъ извинить и говорилъ, что у меня оставить пакетъ писемъ; а какъ хотѣлъ вынуть одно изъ кармана, то переломилъ печать и положилъ много писемъ на столъ. Онъ отказался отъ всякихъ подчиваній; онъ просилъ двухъ словъ ко изъясненію того, что у меня оставилъ; по томъ поклонился очень низко и исчезъ.

Теперь, *дражайшая Милади*, я повторяю свой вопросъ: куда дѣвался вашъ братецъ? Простите мнѣ сію шутку. Поелику госпожа *Шерлей* говорила о семъ столь нечаянномъ и кратковременномъ посѣщеніи, какъ о нѣкоемъ явленіи; то я не могла воспротивиться искушенію привести и васъ въ такое же изумленіе, въ какомъ мы находились. Какъ могъ *Сиръ Карлъ* отправиться въ путь, навѣстить одну только мою бабушку и не медля выѣхать изъ нашего уѣзда? Развѣ сдѣлалъ онъ это изъ того, чтобъ поберечь насъ или самага себя?

По просту сказать правду, что госпожа *Шерлей*, какъ я упомянула, сидѣла одна когда пришелъ служитель докладывать, что какой то незнакомецъ по видимому очень знатной желаетъ съ нею видѣться и что она его видѣла. Онъ сказалъ свое имя; ваше свойство, *Сударыня*, и мое, говорилъ онъ ей, намъ обоимъ такъ извѣстно, что не имѣвъ никогда чести васъ видѣть ласкаюсь я что вы простите мнѣ столь смѣлое посѣщеніе.

Потомъ началъ онъ хвалить вашу пріятельницу. Съ какимъ удовольствіемъ, моя дорогая, столь милостивая родительница повторяла намъ оныя хвалы послѣ его! хотя ихъ заслуживаю хотя нѣтъ, но желаю, чтобъ она по любви своей ничего сама отъ себя къ тому не присовокупила: ибо ни что такъ не сладостно, какъ похвалы отъ тѣхъ, отъ

коихъ желаютъ быть любимыми. Онъ тогда ей говорилъ: вы видите, Сударыня, такого человѣка, которой поставляетъ себѣ въ славу нѣжныя свои чувствованія къ одной изъ превосходнѣйшихъ особъ вашего пола, къ одной Италіанкѣ, приносящей честь своему народу, и которой видѣлъ, что руку его отвергли по непреодолимымъ причинамъ въ то самое время когда получивъ согласіе всей фамиліи и преодолевъ премногія трудности онъ почиталъ что достигаетъ цѣли своихъ желаній: онъ того не скрываетъ: таковы были его желанія. Мое дружество къ *Миссъ Биронъ* [я буду ожидать вашего и ея собственнаго согласія, дабы придать сему чувствованію драгоцѣннѣйшее наименованіе:] никому небезызвѣстно и я также вмѣню оное себѣ въ славу. Я столько знаю разборчивость вашего пола вообще, а паче всего дѣвицы *Генріетты*, что могу отнести къ ней съ первыми моими объясненіями о томъ предметѣ, по коему я сюда пришелъ. Впрочемъ я не очень привыкъ къ таковымъ объясненіямъ. Но одобрители вы Сударыня, одобрить ли *Г. Сельби* съ своею супругою намѣренія такого человѣка, который осмѣливается домогаться вашего благопріятства въ томъ состояніи, въ какомъ онъ вамъ себя представилъ: такого человѣка, который отвержень въ Италіи и который признается, что обманулъ тамъ въ своей надеждѣ и что туда привлекаемъ былъ нѣжною страстію? Ежели вы его одобрите и *Миссъ Биронъ* можетъ принять предлагаемое ей сердце, страдавшее отъ такового раздѣла въ тѣхъ обстоятельствахъ, кои тогда не безызвѣстны вамъ были; то какъ она такъ и вы пріобрѣтете не нарушимыя права къ моей любви и признательности. Но ежели будете иначе о томъ судить; то я стану удивляться разборчивости, по коей долженъ буду перенести второй отказъ, такъ какъ удивляюсь набожности, которая была причиною перваго, и по крайней мѣрѣ прекращу свои намѣренія для переменны своего состоянія.

Моя бабушка хотѣла было отвѣчать съ такою же откровенностію какъ и удивленіемъ; но онъ предупреждая ее вынулъ изъ кармана связку писемъ, о коихъ я говорила и продолжалъ свою рѣчь: я ласкаюсь, что усматриваю изъ очей вашихъ милостивое ко мнѣ разположеніе; однако я не требую отъ васъ милости прежде нежели вы получите сведеніе о всѣхъ дѣлахъ, о коихъ я въ состояніи подать вамъ надлежащія изъясненія. Я хочу дать оружіе разборчивости *Миссъ Биронъ* и всѣхъ ея друзей, хотябъ оное и на меня обращено было. Пожалуйста, Сударыня, прочтите сіи письма вашей любезной внукѣ, господину *Сельби*, его супругѣ и всѣмъ тѣмъ, съ коими соблаговолите о семъ совѣтовать. Они безъ сумнѣнія знаютъ уже нѣкоторую часть моихъ приключеній. Ежели они по прочтеніи сихъ извѣстій разсудятъ, что мнѣ дозволено быть можетъ оказывать свои услуги *Миссъ Биронъ*, и ежели она можетъ оныя принимать съ тою благородною откровенностію, каковую я всегда съ удивленіемъ усматривалъ въ ея свойствахъ; то я себя почту за

щастливѣйшаго человѣка. Строки двѣ, Сударыня, кои бы содержали въ себѣ вашъ отвѣтъ, есть другая милость, которой принимаю смѣлость у васъ просить, и вы весьма много меня обяжете, еслии онымъ не замѣдлите. Мои друзья, живущіе въ иностранныхъ земляхъ, просятъ меня, какъ то увидите изъ писемъ, кои вамъ оставляю, подать примѣръ ихъ *Клементинъ*. Я хочу избѣгать всякихъ околичностей и показать имъ, что предлага свою руку *Миссъ Биронъ* не былъ пораженъ совершеннымъ отказомъ, еслии въ самомъ дѣлѣ я столь щастливъ, что могу имъ писать въ сихъ выраженіяхъ.

Такимъ образомъ сей великодушнѣйшій человѣкъ обратилъ паки вниманіе госпожи *Шерлей* къ своимъ письмамъ, дабы избавить ее отъ замѣшательства по причинѣ перваго объясненія. Онъ принужденъ, примолвилъ онъ, по необходимымъ дѣламъ посѣтитъ своимъ возвращеніемъ въ Лондонъ; и въ самомъ дѣлѣ онъ ушелъ такъ скоро, что оставилъ нѣкое смущеніе въ разумѣ моей бабушки. Она пребыла въ восхищеніи отъ изумленія и радости; но безпокоилася о томъ, что происходило, боясь не упустилали чего ни будь въ томъ какъ его приняла и обязала ли его.

Письма, оставленные имъ на столѣ были списки съ тѣхъ, кои онъ писалъ изъ Ліона и Лондона къ своимъ друзьямъ въ Болонію. Я сама списала три послѣднія и безъ всякаго обиновенія ихъ къ вамъ посылаю. Онѣ вамъ покажутъ, моя любезная, что его дѣло въ Италіи совершенно рѣшилось; также изъ отвѣта его къ *Г. Иерониму* усмотрите, что онъ говоритъ о вашей *Генріеттѣ* какъ о новоизбранномъ для себя предметѣ. И такъ могу я весьма высоко оцѣнить то достоинство, кое онъ мнѣ подаетъ, тѣмъ что предоставляетъ мнѣ власть его обязать, предупреждая свои сумнительства и предавая все моей склонности; не должны ли всѣ мужчины слѣдовать къ своей выгодѣ сему примѣру? И не былолибъ сіе вѣрнѣйшимъ средствомъ къ возбужденію женщинъ къ тому, дабы поддерживали честь своего пола? Какъ скоро *Сиръ Карлъ* поѣхалъ; то моя бабушка немедленно чрезъ нарочнаго насъ увѣдомила, что хочетъ намъ сообщить весьма пріятныя вѣсти и что на другой день ожидаетъ къ завтраку всю нашу фамилію а особливо *Миссъ Биронъ*. Мы взглянули другъ на друга съ удивленіемъ; я чувствовала, что была не здорова, и желала бы извинишься: но тетюшка моя хотѣла, чтобъ я неотмѣнно ѣхала. Мы совсемъ и не воображали, чтобъ вашъ братецъ навѣстилъ госпожу *Шерлей*. При первомъ словѣ о столь мало ожидаемомъ случаѣ чувства мои взволновались и я принуждена была съ *Люціею* выдти. Пришедъ въ себя я боялась чтобъ не претерпѣть еще какого припадка, узнавъ что онъ былъ такъ близко отъ насъ а не навѣстилъ и не освѣдомился о здоровьѣ тѣхъ, коимъ оказываетъ столь великое уваженіе и даже нѣжную привязанность: но когда возвратясь въ компанію извѣстилась я о обстоятельствахъ его посѣщенія и услышала что читали

въ его письмахъ; тогда опять начала приходитъ въ безчувство. Въ продолженіи сего чтенія, равно и при повѣствованіи моей бабушки, всѣ устремили на меня свои взоры и казалось поздравляли меня въ молчаніи съ таковоюже радостію какъ и удивленіемъ. Я съ своей стороны чувствовала въ сердцѣ своемъ разныя движенія, какихъ никогда еще не извѣдывала, нѣжность и вкупѣ изумленіе, и сумнѣвалась иногда, не во снѣ ли ето мечтается, въ семъ ли я свѣтѣ или въ другомъ, и точно ли я *Генріетта Биронъ*.... не возможно мнѣ описать того, что происходило въ моемъ сердцѣ; то смущалось оно недоумѣніемъ, то радовалось, то было поражено. Пораженно, скажите вы мнѣ? Такъ, моя любезная *Милади*. Пораженіе много участвовало въ моей чувствительности. Я бы съ трудомъ могла вамъ сказать, для чего? Однако не можноли ощущать полной радости, которая бы смѣшана была съ нѣкою горестію?

Вы ожидаете окончанія нашего разговора. Моя бабушка, тетушка и *Люція* разсудили, что я должна выкинуть изъ своей головы всякія мысли о раздѣлѣ или второмъ мѣстѣ въ его любви; что нѣжная разборчивость нашего пола во всемъ удовольствована, что не только надлежитъ ему позволить любить *Клементину*, но что и сама я должна имѣть любовь и почтеніе къ сей превосходной дѣвицѣ, и что поелику сіе объявленіе сдѣлано моей бабушкѣ, то она и должна отвѣчать за меня вмѣсто всей фамиліи, въ какихъ выраженіяхъ ей ни заблагоразсудится.

Я ни слова на ето не сказала, что ты о томъ думаешь, моя любезная? сказала мнѣ тетушка съ обыкновенною своею нѣжностію.

Что она думаетъ? повторилъ мой дядюшка съ тѣмъ шутивымъ видомъ, какой не безъисзвѣстно вамъ, что онъ принимать всегда со мною любить. Думаете ли вы, чтобъ наша *Генріетта* молчала, естлибъ сердце ее хотя малѣйшее возраженіе на сіе дѣло сказать могло? Я же такого мнѣнія, чтобъ скорѣе пригласить сюда *Сира Карла*. Надлежитъ ему быть здѣсь въ первыхъ дняхъ наступающей недѣли, и чтобъ брачное торжество совершено было до окончанія оной.

Моя бабушка не одобрила такой поспѣшности. Она предложила пригласить *Г. Дина*; которой на всѣхъ обстоятельствахъ свѣдуецъ, для распоряженія премногихъ дѣлъ, кои мои любезные родственники въ чрезмѣрной своей милости, намѣрены для меня совершить. Но она объявила, что ни минуты не замѣдитъ послать отвѣтъ къ *Сиру Карлу* и по томъ немѣдленно удалилась въ свои кабинетъ и вотъ ея письмо, которое она списать мнѣ позволила? Скрытность, Государь мой, была бы не простительна съ нашей стороны съ такимъ человѣкомъ, который удаленъ отъ всякой скрытности, и коего предложенія суть плоды не токмо основательнаго размышленія, но и такого почтенія, которое будучи основано на достоинствахъ дражайшей нашей дочери ни малаго сумнѣнія подать не можетъ. Мы пріедемъ, яко честь, предложеніе такого союза, который бы принесъ честь и самымъ знатнымъ фамиліямъ.

Можетъ быть нѣкогда признаются, что мы паче всего желали видѣть токмо избавителя любезной вамъ дочери въ такомъ состоянїи, которое бы позволило ожидать отъ нее сугубого чувствованїя признательности и любви. Объясненїя съ таковымъ благородствомъ поданныя вами о такомъ дѣлѣ, которое приводило васъ во многіе затрудненїя, совершенно удовлетворили госпожѣ *Сельби*, ея дочери и мнѣ. Мы не видимъ ничего такого, чѣмъ бы разборчивость оскорблена быть могла; я равно не опасуюсь, чтобъ вы не довольны были моею откровенностію. Въ разсужденїи нашей *Генріетты* найдете вы можетъ быть съ ея стороны нѣкое затрудненїе, естли полагаете владѣть всею ея сердцемъ; но затрудненїе непритворное; поелику она во все отъ того удалена. Она по опыту знаетъ что есть раздѣльная любовь. Г. *Барлетъ* можетъ быть не долженъ бы былъ увѣдомлять ее столь ясно о свойствахъ той особы, которую она самой себѣ предпочитаетъ, и часто госпожа *Сельби* и я читая ея печальную повѣсть судили что она заслуживаетъ сіе чувствованїе. Ежели *Миссъ Биронъ* столько возымѣетъ любви къ тому человѣку, коего изберетъ, сколько ощутила уваженїя и нѣжности къ *Клементинѣ*; то сей щастливый человѣкъ будетъ доволенъ своимъ жребїемъ. Вы видите, Государь мой, что когда мы могли дать сей удивленїя достойной *Клементинѣ* почтенїе надъ самими собою; [*Генріетта Биронъ* есть мы самин:] то не можемъ имѣть ни малѣйшаго сумнѣнїя о томъ, которое вы ей оказывали. Дай Боже! Чтобъ ни что не недоставало къ щастїю *Клементины*. А естли ето иначе будетъ и нещастїя ея произойдутъ отъ нашего удовольствїя; то сіе было бы, Государь мой, единою скорбію нашимъ сердцамъ въ случаѣ столь прїятномъ вашей покорнѣйшей, и проч.

Генріеттѣ Шерлей.

Но можноли, любезная *Милади*, чтобъ братецъ не сказалъ ничего о своихъ намѣренїяхъ ни вамъ ни *Милади Л...* Естлибъ онъ вамъ о томъ говорилъ; то ваше дружество, безъ сумнѣнїя... но я ни какой недовѣрчивости не имѣю. Не *Сиръ* ли *Грандиссонъ* мой предметъ? Однако я съ нетерпѣливостїю желаю знать, какого содержанїя будутъ перьвыя письма изъ *Италїи*.

Вы не должны нимало усумняться, моя любезная, показать все сіе письмо *Милади*, а естли заблагоразсудите, то и моей *Емилии*, я даже прошу васъ прочесть его госпожѣ *Ревсъ*. Она будетъ радоваться своимъ догадкамъ. Естли вы употребите сіе слово; она неотмѣнно будетъ уже васъ разумѣть. Братецъ вашъ долженъ менѣе всего теперъ видѣть то, что я писать къ вамъ могу. Я полагаюсь на вашу скромность, любезная *Милади*.

ПИСЬМО XCIV.

Милади Ж.... къ Миссъ Биронъ.

25 Сентября.

Преизящнаго нрава госпожа *Шерлей*! Безподобная женщина! Какъ я ее люблю! Еслибъ я была въ ея лѣта съ толикими совершенствами, то неболѣе бы ее жалѣла, что стала не молода. Какую силу придаетъ она еще къ тому, что пишетъ! Но сердце ея въ семъ участвуетъ. Я надѣюсь, *Генриетта*, что вамъ не обидно покажется это замѣчаніе.

Братецъ не говорилъ намъ ни слова о своихъ намѣреніяхъ до полученія сего письма. А тогда онъ собралъ насъ, мою сестру, меня и обѣихъ нашихъ друзей. Мы ожидали какого нибудь чрезвычайнаго извѣстія, но не могли однако угадать онаго, будучи не извѣстны о послѣднихъ новостяхъ полученныхъ изъ Италіи. На конецъ объявилъ онъ намъ самымъ пріятнымъ образомъ, что принялъ намѣреніе жениться, какъ явился онъ госпожѣ *Шерлей*, и все что потомъ происходило; послѣ чего прочелъ самъ полученное имъ письмо.

Сумнѣваетесь ли вы о нашей радости? Мы, сестра и я, приведены были отъ оной въ крайнее изумленіе, однако скоро пришли въ силу поздравить его сею новостію. Мы поздравляли другъ друга. *Милордъ Л...* не довольнѣе былъ въ первъи день своей свадьбы. *Милордъ Ж....* не могъ усидѣть на своемъ стулѣ. Бѣдненькой! Онъ упоенъ былъ радостію. Старая наша тетка не менѣе была рада. Она разъ съ дватцать повторяла, что наконецъ ея племянникъ не поѣдетъ съ нашего острова искать себѣ жены. Она была также прельщена письмомъ госпожи *Шерлей*; это такое письмо.... какое бы и сама она въ подобномъ случаѣ написала.

Послѣ того я поспѣшно поѣхала къ Гжѣ. *Ревсъ*, дабы сообщишь ей ваше письмо, которое принесено было мнѣ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ братцова. Восхищенія паки начались въ семъ любезномъ домѣ. Ваша превосходная сестрица не мало хвалилась своими догадками: ибо я склонила ее истолковать мнѣ сію загадку.

Докторъ Барлетъ находится въ замкѣ *Грандиссонъ* съ бѣднымъ нашимъ *Еверардомъ*, которой поспѣшилъ возвратиться въ Англію въ слѣдъ за своимъ двоюроднымъ братомъ. Сколько бы сей нѣжный и любезный другъ радовался о такой пріятной вѣсти, еслибъ о томъ былъ увѣдомленъ!

Вы меня спросите, за чѣмъ я ни слова не говорю вамъ о *Емилиі*? Мимоходомъ сказать, знаете ли, что госпожа *Огара* стала набожна? Я не шучу: она даже старается о обращеніи своего мужа. Щастливо для нее, что прилѣпилась она къ чему нибудь основательному, а я люблю тѣхъ ревностныхъ людей кои въ семъ преуспѣли. Вы не станете меня подозрѣвать, *Генриетта*, что я сдѣлалась набожною.

Возвратимся къ *Емилии*, которая у моего братца, прежде нежели онъ получилъ письмо, просила позволенія навѣститъ свою матушку. А какъ *Сирь Карль* прошенъ былъ на вечеръ къ своимъ стариннымъ друзьямъ; то я удержала у себя *Милорла Л...* и его сожительницу и просила господина и госпожу *Ревсъ* остаться со мною отужинать. *Емилиа* до моего возвращенія была дома. Ахъ! бѣдная *Емилиа*! Надобно вамъ рассказать, что между нами происходило.

Любезная моя *Емилиа*, душа моя! говорила я ей, я прекрасныя вѣсти могу тебѣ сказать о моей дражайшей *Миссъ Биронъ*.

Ахъ! слава Богу! Да здорова ли она? Пожалуйте, Сударыня, увѣдомьте меня, я съ чрезвычайною нетерпѣливостію ожидаю извѣстій о моей дражайшей *Миссъ Биронъ*.

Она скоро выдетъ замужъ, *Емилиа*.

Выдетъ за мужъ, Сударыня?

Такъ, душа моя, за твоего опекуна, моя любезная.

За моего опекуна, Сударыня!... Но... я вить надѣюсь...

Я увѣдомила ее о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Любезная эта дѣвица силилась изъяслять радость, но не могла удержаться отъ слезъ.

Ты плачешь душа моя? О! Не ужели досадно тебѣ, что *Миссъ Биронъ* будетъ за твоимъ опекуномъ? Я думала, что ты любишь *Миссъ Биронъ*.

Я дѣйствительно ее люблю, Сударыня, и больше самой себя, естли ето можно... но изумленіе, Сударыня... право я рада... чтожь я показываю видъ глупой? Точно, я весьма рада... отъ чегожь я плачу? Я тому дивлюсь: Отъ того, чего я желала, чего просила у Бога и день и ночь. Не говорите етого ни кому, любезная *Милади*; я сама себя стыжусь.

Прелѣстная дѣвица! Она могла присудить себя до того что сквозь слезы улыбнулась. Такая невинная чувствительность меня очень тронула; и естлибъ вы не принимали въ томъ равнаго участія, тобъ я, моя любезная, упустила нѣчто изъ того добраго мнѣнія, какое о васъ имѣю.

Любезная *Милади*, сказала она мнѣ, позвольте мнѣ на нѣсколько минутъ выйти, надобно мнѣ облегчить себя; а по томъ вы одну только радость будете во мнѣ усматривать.

Она меня оставила; полчаса спустя она возвратилась ко мнѣ съ видомъ совершенно различнымъ противъ прежняго. *Милади Л...* была со мною и я рассказала ей о движеніи нашей любезной дѣвицы. Мы обѣ тебя любимъ, сказала я ей, увидя ее возвращающуюся, и ты не должна ничего опасаться отъ моей сестрицы. И такъ вы ей рассказали, Сударыня... Нѣтъ нужды. Я не лицемѣрна. Какое странное приключеніе! Я, которая всегда боялась, чтобъ то не была какая другая, по тому что я столько люблю *Миссъ Биронъ*, я была столь безразсудно тронута, какъ будтобы на то досадовала! Я тому радуюсь, увѣряю васъ; но естли вы ето скажете *Миссъ Биронъ*, она не станетъ меня больше любить; она мнѣ не

позволить жить съ нею и съ моимъ опекуномъ, а чтожь будетъ тогда со мною? Ибо я сею одною мыслию питалась.

Миссъ Биронъ столько имѣеть къ тебѣ дружба, моя любезная, что не откажетъ тебѣ ни въ чемъ, что только сдѣлать для тебя можетъ.

Естьли Богъ сдѣлаеть все то, чего я для щастія *Миссъ Биронъ* желаю; то она будетъ самою щастливою женщиною; но отъ чего произошло во мнѣ такое движеніе? Однако думаю, что знаю отъ чего это произошло: матушка моя больна; она изъявила мнѣ великое сожалѣніе о прошедшемъ своемъ житіи; она поцѣловала меня изъ любви къ моему родителю, раскаяваясь что была худою женою къ наилучшему мужу.

Любезная дѣвица стала опять плакать о угрызеніяхъ совѣсти своея нещастной матери. Она сказала намъ, что благодушіе ея опекуна возобновило въ госпожѣ *Огартъ* чувствованіе о ея злонравіи; что она сама себя не щадила, и какъ все то что она ни говорила къ ея утѣшенію, не могло уменьшить ея движеній; то она во всю дорогу, какъ ѣхала домой, плакала: а въ такомъ разположеніи не удивительно, что хорошая лѣсть тронула ее до слезъ и она не знаетъ, что бы съ нею сдѣлалось, ежели бы она не вышла къ облегченію себя; но что она пришла въ себя, и естьлибъ совѣсть ея матери могла успокоиться; то она была бы щастливѣйшею дочерью въ свѣтѣ.... по причинѣ благополучія *Миссъ Биронъ*. Вы смотрите другъ на друга, сказала она вамъ, но естьли думаете, что говорю не искренно, изгоните меня отъ своего присудствія и отрекитесь на всегда меня видѣть.

По истиннѣ, любезная *Генриетта*, сіе движеніе *Емилии* для меня кажется какъ бы нѣкимъ явленіемъ. Толкуйте ето какъ хотите; но я увѣрена, что *Емилиа* не лицемерна. Она не лукава. Она думаетъ, какъ сама говоритъ, что ея слезы происходятъ отъ сердца тронутаго сокрушеніемъ ея матери. Я также увѣрена, что она васъ любитъ больше, нежели всякую другую особу. Однако не невозможное дѣло, чтобъ етотъ хитрой воръ, любовной *Божокъ*, не просклизнулъ подлѣ самага ея сердца; чтобъ онъ не вонзилъ въ него въ продолженіе повѣствованія своего дротика хотя однимъ концемъ, и чтобъ ето было не странное происшествіе, какъ сама она называетъ, когда она вдругъ могла найти облегченіе въ своихъ слезахъ. Я знаю только, моя дорогая, что можно быть различно тронуту однимъ и тѣмъ же самымъ происшествіемъ, когда на оное съ близи или изъ дали смотрятъ. Естьли вы уже не познаете истинны сего наблюденія въ готовящемся для васъ великомъ происшествіи; то я весьма въ томъ обманулась.

Но вы видите, любезная *Генриетта*, какую радость всѣмъ намъ приноситъ щастливое объявленіе моего братца и ласковой приѣмъ, оказанной ему въ Нортгамтонширѣ. Мы будемъ хранить сію тайну до самага окончанія всего дѣла, въ етомъ не сумнѣвайтесь, и тогда мой братецъ будетъ о томъ такъ какъ и мы увѣдомленъ. Даже до той самой

минуты, какія бы мысли о васъ не имѣлъ, не познаетъ онъ и половины вашихъ совершенствъ, ни достоинствъ, кои ваша любовь и ваши сумнѣнія отъ него къ вамъ привлекли. Но я съ вами равно нетерпѣливо ожидаю новѣйшихъ писемъ изъ Италіи. Дай Боже, чтобъ *Клементина* пребыла тверда въ своемъ намѣреніи! Теперь, когда бракъ, какъ сама она признать должна, становится для нее необходимымъ, и ежели случится, что она будетъ отъ того отрекаться; то что будетъ тогда съ моимъ братцомъ, съ нею самою и съ вами? А мы, въ какое великое уныніе придемъ? Вы думаете, что изъ почтенія къ своимъ родителямъ знаменитая Италіанка обязана вступить въ бракъ. *Милади Л...* и я рѣшились хранить безмолвіе, быть осторожными и неподавать нашего мнѣнія до самаго окончанія всѣхъ произшествій. Однако, принявъ въ разсужденіе единственно долгъ отъ дѣтей требуемый, мы думаемъ что она должна идти за мужъ. Но я повторяю: Дай Боже, чтобъ *Клементина* пребыла тверда въ своемъ намѣреніи!

Мнѣ сказали, что сестра ко мнѣ пріѣхала. Я вижу, она входитъ. Я люблю, *Генріетта*, представлять все, что ни происходитъ предъ моими глазами. Я это переняла отъ васъ и отъ моего братца; и знайте что я чаще оно дѣлать стану. Симъ только образомъ можно придать какому нибудь описанію величайшую силу.

Ваша слуга, *Милади*.

Здравствуйте, сестрица. Пишите? Къ кому это?

Къ вашей *Генріеттѣ*.

Я хочу прочесть ваше письмо. Позвольте ли мнѣ.

Милади Л... Охотно. Но читайте въ слухъ, чтобъ я знала, что написала.

Милади Ж... Теперь отдайте мнѣ мое письмо: я прибавлю къ нему то, что вы о семъ думаете.

Мил. Л... Я думаю, что вы очень чудная женщина. Но я не одобряю послѣднихъ вашихъ строкъ.

Мил. Ж... Моихъ послѣднихъ строкъ!.... онѣ написаны. Но для чегожъ, *Милади Л...*?

Мил. Л... Какъ можете вы такъ мучить любезную нашу *Миссъ Биронъ* досадными своими догадками?

Мил. Ж... Развѣ мои предположенія не возможны? Но я окончила досадными догадками.

Мил. Л... Если вы такъ не разумны, то пишите: моя дорогая *Миссъ Биронъ*....

Мил. Ж... Моя дорогая *Миссъ Биронъ*.... что по томъ?

Мил. Л... Размышленія етой чудной *Шарлотты* не должны васъ печалить.

Мил. Ж... Очень хорошо, *Каролина*: васъ печалитъ.....

Мил. Л... На каждой день бываетъ она зла, сколько ей надобно.

Мил. Ж.... Очень хорошо замѣчено. Я чаю надо написать, сколько ей надобно.

Мил. Л.... Никогда не бывало еще такой чудной женщины, какъ вы Шарлотта.

Мил. Ж.... Какъ вы, Шарлотта....

Мил. Л... Какъ? И это написала. Ты бы могла безъ етаго и обойтися; хотя ничего столь справедливаго нѣтъ.

Мил. Ж.... Справедливаго... потомъ?

Мил. Л.... Какое дурачество!

Мил. Ж.... Какое дурачество!...

Мил. Л.... Но будьте же разсудительнѣе. Я говорю Генриеттѣ. Клементина не можетъ перемѣнить своего намѣренія; поелику ея возраженія всегда существовать будутъ. Ея любовь къ моему братцу...

Мил. Ж.... Потихе, сестрица. Етого вдругъ много Ея любовь къ моему братцу.

Мил. Л.... На коей основано ея опасеніе, что не можетъ прилѣпиться къ его закону, ежели....

Мил. Ж.... Это много, говорю я. Какъ хотите вы, чтобъ я въ глупой своей головѣ удержала такую долгую речь? Къ его закону...

Мил. Л.... Ежели будетъ его женою...

Мил. Ж.... Его женою....

Мил. Л.... Служить поручительствомъ въ твердости такого намѣренія, которое приноситъ ей столько чести.

Мил. Ж.... Нѣтъ ничего лучше етаго, любезная Каролина. Такой обѣтъ не престанно я повторяю. Нѣтъ ли еще чего?

Мил. Л.... И такъ...

Мил. Ж... И такъ...

Мил. Л... Не смотрите на худыя поступки Шарлотты.

Мил. Ж... Покорно благодарна., Каролина.... на худыя.... Шарлотты.

Мил. Л... Такъ вамъ совѣтуетъ нѣжно васъ любящая сестра, пріятельница и слуга.

Мил. Ж... Вотъ и все? И слуга.

Мил. Л... Подайте мнѣ ваше перо.

Мил. Ж... Что вы не возьмете другаго? Она это сдѣлала и вы увидите здѣсь ея имя, Каролина Л....

Отъ всего моего сердца, Генретта; и повторяя при семь усерднѣйшія свои обѣты, дабы не случилось ни чего такого, чего я столь мудро опасалась; ибо не хочу прослыть колдуньею къ толь великому вреду вамъ и мнѣ, подпищу также что я не съ меньшею нѣжностію люблю васъ, какъ сестра, пріятельница и слуга

Шарлотта Ж....

Мой братецъ сказалъ мнѣ, что отправилъ два письма, одно къ вамъ, а другое къ госпожѣ *Шерлей*; оба онѣ, какъ я не сумнѣваюсь, наполнены нѣжнѣйшею признательностію. Но онѣ не будутъ васъ поставлять себѣ Идоломъ, Божествомъ, я смѣю въ томъ увѣрить, и не станеть показывать всѣхъ сумозбродствъ простыхъ любовниковъ. Вы сообщите намъ списокъ съ онаго, ежели вы также обязательны, каковою мы всегда васъ видѣли.

ПИСЬМО ХСV.

Миссъ Биронъ къ Милади Ж...

25 Сентября.

Что ж сдѣлала моей *Шарлоттѣ*? Нѣтъ ли чего хладнокровнаго и особеннаго въ вашемъ слогѣ, а особливо въ той части вашего письма, которая предшествуетъ прибытію моей, любезной *Милади Л...*? А въ своемъ прибавленіи говорите вы, чтобъ я сообщила вамъ списокъ, ежели я также обязательна, каковою вы всегда меня видѣли. Для чегожъ менѣе быть мнѣ обязательною, когда имѣю надежду получить отъ васъ больше нежели когда-либо прежде одолженія? Я не могу сносить такого слога, или тѣмъ хотите подать мнѣ доказательство истинны вашего наблюденія, что можно различно быть тронуту произшествіемъ, когда на оное взираемъ съ близи или изъ дали? Я бы весьма о себѣ жалѣла естлибъ сестра *Сира Карла* могла найти въ намѣреніяхъ о мнѣ своего брата причину менѣе меня за то любить.

И чтобъ тогда случилось, моя дорогая, естли *Клементина* слабо будетъ держаться своего намѣренія? Мои друзья безъ сумнѣнія былибъ тѣмъ опечалены, да и я также; и болѣе еще признаюсь вамъ, какъ будто бы во все посѣщеніе не было у моей бабушки. Но великое уваженіе, какое всегда я оказывала *Клементинѣ*, было бы ни что иное какъ наружность, притворство, ежелибъ во всевозможныхъ предположеніяхъ, я не намѣрилась по крайней мѣрѣ употребить усилія къ успокоенію моего духа, и оставить свою надежду той, которая имѣетъ на оную первыя права. Самое даже ея искушеніе, хотя безуспѣшное, почла бы я достойнымъ величайшаго моего уваженія. То что единожды признано за справедливое, должно возбуждать въ насъ покорство а оное усугубляется трудностію. И тогда, ваша *Генриетта* пожелалабы побѣдишь или умереть. Въ первомъ случаѣ была бы она превосходнѣе и самой *Клементины*. О! моя любезная! Не знаютъ еще, до самага опыта, до какой степени соревнованіе можетъ возвысить челоуѣка пылкаго и великодушнаго.

Вы получите списокъ съ обѣихъ писемъ, кои *Люція* переписала. Онѣ сдѣлали меня гордою, а можетъ быть и излишне гордою, и я имѣю нужду быть уничижена. Но я не ожидала такой услуги отъ моей

Шарлотты. Вы увидите съ какою разборчивостію и благородностію отвѣчаетъ онъ на то мѣсто, гдѣ моя бабушка ему говоритъ, что я изъ опыта знаю, что есть любовь раздѣльная и предпочтеніе, кое мы надъ собою подали *Клементинъ*. Вы знаете, моя лкбезная, сколь мы въ семь самомъ обстоятельствѣ искренны. Есть нѣкое достоинство въ томъ, когда признаемъ такую истинну, которая намъ противна.

Онъ просилъ у меня позволенія пріѣхать къ намъ въ замокъ Сельби. Ничто не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ его посѣщеніе, но не должнолибъ было желать, чтобъ онъ напередъ получилъ тѣ письма, коихъ ожидаетъ изъ Италіи? Однако, какимъ способомъ могу я ему дать выразумѣть свои желанія, не показавъ какого-либо сумнѣнія или скрытности? Сумнѣнія въ томъ, когда онъ будетъ воленъ слѣдовать своимъ намѣреніямъ; а скрытности, въ той отсрочкѣ, коей, какъ бы казалось, я отъ него требовала. А етого не приличнобы мнѣ было ему показывать. Онъ могъ бы подумать, что я хочу привлечь его къ себѣ засвидѣтельствowanіями и увѣреніями, когда уже извѣстно, что естьли его обстоятельства будутъ такія, чтобъ онъ могъ поколебаться хотя и въ мысли своей, то я охотнѣе умру нежели приму его руку. Онъ подкрѣпилъ мою гордость; ибо я всегда имѣла оную отъ того отличія, которое онъ мнѣ оказывалъ. Однако я бы презирала саму себя, еслибъ сія слабость могла мнѣ внушать надмѣнность или притворство.

Онъ такъ остороженъ, что не хочетъ дабы я трудилась отвѣчать на его письмо.... Ежели моя тетушка или бабушка не запретить ему, говоритъ онъ, пріѣхать къ намъ; то онъ будетъ ласкаться моимъ согласіемъ.

Поелику Г. *Динъ* за нѣсколько дней пріехалъ; то держаны были особливые совѣты, изъ коихъ намѣрились они меня исключать я угадываю сему причину, и прошу ихъ не обременять меня излишними одолженіями. Въ какихъ смутныхъ обстоятельствахъ не находилась я съ давняго времени? Дождусь ли я конца?

Г. *Динъ* писалъ къ *Сиру Карлу*: мнѣ не сообщили однако содержанія его письма. Еслибъ я когда приходила въ искушеніе быть богатою: то ето сдѣлала бы ради вашего братца, и въ томъ одномъ намѣреніи, чтобъ увеличить его власть: ибо я увѣрена, что тогда умножились бы его желанія къ облегченію участи бѣдныхъ, судя по великимъ его способностямъ.

Моя любезная *Емилиа*! Ахъ! *Милади*, могли ли вы подумать, чтобъ мое сожалѣніе о сей любезной и невинной дѣвицѣ не умножило той нѣжности, которую къ ней чувствую. Я позволяю вамъ презирать меня, ежели вы когда-либо усмотрите въ моемъ обхожденіи съ *Емилиєю*, какоебъ ни было мое состояніе, что нибудъ такое, которое покажетъ хотя малѣйшее послабленіе того дружества, которое я ей обѣщала. *Емилиа* будетъ со мною дѣлить мое благополучіе. Я безъ труда могу увѣриться,

что сія любезная дѣвица весьма хорошо изъясняетъ причину своихъ слезъ, когда ихъ приписываетъ своей жалости оставшейся отъ раскаянія ея матери. Но я признаюсь вамъ, что не менѣ бы *Сира Карла* была опечалена, по причинѣ *Графа Бельведере*, естлибъ мое щастіе препятствовало щастію другаго человѣка. Вы видите, что братецъ вашъ не виноватъ, естли онъ не мужъ *Клементинъ*: она желаетъ, чтобъ онъ женился на *Агличанкѣ*. *Оливія* также не можетъ меня обвинять чтобъ я уничтожила ея надежду. Вы знаете, что я всегда имѣла о ней состраданіе, и даже прежде, нежели изъ письма *Сира Карла* къ *Г. Иерониму*, я усмотрѣла что онъ меня не ненавидитъ. Думаете ли вы, моя любезная, чтобъ препятствія въ намѣреніяхъ *Милади Анны С...* произошли отъ меня? А хотябъ меня и не было на свѣтѣ, то моглилибъ *Емилиа* что нибудь себѣ обѣщавать? Нѣтъ, по истиннѣ. Должность опекуна, которую вашъ братецъ отправляетъ съ такимъ благодушіемъ, достаточна была бы одна лишить его всѣхъ таковыхъ намѣреній. Однако правду сказать сердце мое тронуто было жалостію, когда я читала ваше описаніе о нѣжности *Емилии*. Хотя она произошла отъ ея почтенія къ своей матери, или отъ любви, или отъ смѣшенія сихъ двухъ чувствованій, но сія прелестная простота столь же сильно меня тронула какъ и васъ. Я цѣлую четверть часа плакала, размышляя о сей части вашего письма, ибо я сидѣла одна и не однократно во кругъ себя оглядывалась, надѣясь увидѣть подлѣ себя сію любезную питомицу и прижать ее къ своей груди.

Любите меня всегда столько, и еще болѣе прежняго, любезная *Милади*, или какой бы жребій Богъ мнѣ ни опредѣлилъ, не будетъ доставать существенной части къ моему благополучію. Я писала и къ *Милади Л...* благодаря ее за ея милость, что сказывала вамъ для письма свои мысли къ моей пользѣ: я и васъ благодарю, моя любезная, что вы ее послушали, труднобъ было, чтобъ я совершеннымъ здоровьемъ наслаждалась. Пишите ко мнѣ, я прошу у васъ одной только милости. Облегчите мое сердце отъ одного изъ моихъ безпокойствъ, увѣря меня что я не оказала малодушнаго поступка, которой бы могъ умалить вашу нѣжную любовь къ вѣрной вашей

Генріеттѣ.

ПИСЬМО ХСѢІ.

Милади Ж... къ Миссъ Биронъ.

27 Сентября.

Лети мое письмо на крыліяхъ вѣтра и дружбы, и увѣрь *Генріетту*, что я поставляю ее въ сердцѣ своемъ превыше всѣхъ женщинъ въ свѣтѣ, да и болѣе самихъ мужчинъ, исключая моего брата. Возвѣсти ей, что

нѣжная моя любовь еще болѣе умножилась; до тому что я люблю ее теперь для ее и для *Сира Карла*.

Малодушіе, *Генріетта!* вы составляете все то, что ниестъ великаго и изящнаго въ женщинѣ. Малодушіе другихъ усугубляетъ величіе вашего духа. Не всегда ли слабости мои сіе испытывали? Такъ, моя любезная, вы великодушны, и столь же великодушны, какъ *Клементина*, и я люблю васъ, если можно, болѣе самой себя.

Еще нѣсколько строкъ прошу васъ прочесть о другихъ предметахъ; ибо не могу написать вамъ такого короткаго письма. *Графиня Д...* пріѣзжала къ моему братцу; они около часу разговаривали. Выходя отъ него взяла она меня за руку. Вся моя надежда, сказала она мнѣ, исчезаетъ какъ тѣнь; во я не менѣе любить буду *Миссъ Биронъ*; и *Сиръ Карль*, во дни своей власти не откажетъ мнѣ въ дружествѣ щастливой своей четы ни вы, *Сударыня*, въ нѣжной пріязни съ обѣими его сестрицами.

Милади Анна... Бѣдная *Милади Анна!* я не смѣю сказать братцу, до какой степени нѣжность ея къ нему простирается; я увѣрена, что симъ его опечалю. *Бельшеръ* поручилъ мнѣ отдать вамъ свое почтеніе. Я въ великомъ уныніи. Отецъ его такъ боленъ, что доктора отчаялись о его выздоровленіи.

Простите, душа моя. Простите всѣ живущіе въ Нортгэмптонширѣ любезные мои родственники, бабушка, тетушка и двоюродная сестрица.

ПИСЬМО ХСVII.

Миссъ Биронъ къ Милади Ж...

30 Октября.

Премного благодарствую, любезная *Милади*, за послѣднее ваше письмо. Вы меня ободрили. Мнѣ кажется, что я не была бы щастлива и съ самою любовію *Сира Карла*, еслибъ примѣтила, что дружество обѣихъ его сестрицъ ко мнѣ уменьшилось. Кто можетъ обѣихъ васъ знать, и довольствоваться не всею вашею благопріязнію?

Я получила отъ *Графини Д...* длинное письмо, въ коемъ не менѣе заключается ея великодушія, какъ и дружбы. Она поздравляетъ меня тѣмъ, что разговаривала съ вашимъ братцомъ, и подробности онаго переговора, описываемыя ею, чрезвычайно лестны для моего тщеславія. Я буду щастлива, моя любезная, если вы всегда станете меня любить и если я узнаю, что *Клементина* не злополучна. Я была хотѣла сказать, что сія послѣдняя достовѣрность необходимо нужна для моего спокойствія: ибо можетъ ли вашъ братецъ ласкаться какимъ нибудь благополучіемъ, если видить, что нѣчто не достаетъ къ щастію такой особы, коей болѣзнь приводила сердце его въ недоумѣніе, даже и въ то время, когда онъ никакого въ разсужденіи ея намѣренія не имѣлъ.

Я сердечна жалѣю о *Милади Аннѣ* С.... Какой жребій любить безъ надежды! любить такого человѣка, коего всѣ почитаютъ ея достойнымъ о коемъ однѣ только похвалы слышны! сколько особъ увидятъ тщету первой своей любви по предпочтенію отъ вашего братца одной только женщины, какая бы она ни была, моя любезная. Однако изъ тысячи какъ мало бываетъ такихъ кои сопрягаются съ избраннымъ по своей страсти мущиною.

Милади Д... простираетъ свое снизхожденіе въ ономъ письмѣ до того, что проситъ меня о продолженіи нашей переписки. Я бы очень была не благодарна и худо бы разумѣла свои выгоды естлибъ не приняла ея предложеній. Я получила письмо отъ *Кавалера Мередита*: оно походить на тѣ, кои мы видѣли. Въ немъ видно тоже самое сердце, та же честность и тѣ же увѣренія родительской любви. Вы любите етаго стараго *Сира Роланда* и порадуется извѣстію, что здравіе его достойнаго племянника восстанавливается. Однако я не могу радоваться, что они еще разъ намѣрены со мною видѣться. *Г. Фулеръ*, говоритъ онъ, ласкается, хотя ничего отъ сего посѣщенія не надѣется, что онъ въ остальные дни жизни своей будетъ спокойнѣе. Станный образъ мыслей! думаютъ, что его болѣзнь происходитъ отъ любви! Не такъ ли и вы о томъ судите? Я получила также письмо отъ *Г. Фенвича*, которой увѣдомляетъ меня, что меня навѣститъ, но въ какихъ намѣреніяхъ, того не изъясняетъ. Ежели для того, чтобъ испросить себѣ его покровительства у *Люціи*, то не хочу, чтобъ она меня симъ укоряла. Онъ ее недостойнъ.

Г. Гревиль самой упрямой, равно и самой дерзновенной человѣкъ. Другіе употребляютъ вѣжливость для возбужденія къ себѣ склонности въ женщинѣ; но для него, гордость, худыя свойства и наглость служатъ доказательствами любви. Онъ почитаетъ себя обиженнымъ, особливо со времени приумноженія своихъ имѣній; потому что на оныя тѣми же глазами смотрятъ. *Г. Динъ*, коего онъ принудилъ слушать свои жалобы, сказалъ ему на прямки, что онъ старается въ пользу другаго: тогда онъ началъ нагло угрожать всѣмъ тѣмъ, коихъ ни встрѣтитъ на своемъ пути. „Онъ не сумнѣвается, говоритъ онъ, чтобъ сей любимецъ *Г. Дина* не былъ *Кавалеръ Грандиссонъ*ш но естли столь холодные любовники получаютъ предпочтеніе надъ такимъ страстнымъ человѣкомъ, какъ онъ; то онъ обманывается въ тѣхъ мысляхъ, кои всегда имѣлъ о поступкахъ и разсудкѣ женщинъ въ любви. Скромной любовникъ, примолвилъ онъ, есть такого свойства человѣкъ которой нарушаетъ самую природу. Женщины, по мнѣнію сего ненавистнаго человѣка, хотятъ чтобъ ихъ пожирали.,, что скажете вы, моя любезная, о семъ чудовищѣ? „И ежели *Миссъ Биронъ* довольствуется остатками другой женщины; ибо онъ, какъ говоритъ, о всемъ увѣдомленъ; то знаетъ, что долженъ будетъ думать о моей гордости.,, Потомъ пустился онъ по своему обыкновенію въ самыя злобныя разсужденія о нашемъ полѣ. Угрозы етаго человѣка меня

безпокоять. Дай Богъ, чтобъ братецъ вашъ ради меня не нашелъ другихъ затрудненій отъ такихъ наглецовъ!

Пріѣхавшіе къ намъ гости, и время отправишь письмо свое на почту принуждаютъ меня окончить оное прежде, нежелибъ я того желала.

Примѣч: Г. Дина писалъ къ *Сиру Карлу* съ тѣмъ, чтобъ объяснить ему происхожденіе, имѣнія и надежду *Миссъ Биронъ*. Ея имѣніе, которое состояло прежде изъ двенадцати тысячъ фунтовъ Стерлинговъ капитальной суммы, умножено еще двумя третями, но навѣщаніямъ ея родственниковъ, а паче подаренными ей деньгами отъ одного безименнаго человѣка, за коего однако легко признать можно самаго Г. Дина. Онъ присовокупляетъ, что *Миссъ Биронъ* со всемъ не знаетъ, что они дѣлаютъ для ея выгодъ. *Сиръ Кавль* отвѣтствуетъ на оное со всевозможнымъ благородствомъ и безкорыстностію. Онъ обѣщаетъ сообщить опись своего имѣнія и проч. *Миссъ Биронъ* увѣдомляетъ *Миладу Ж...* что перестали отъ нее скрывать разположенія ея фамиліи. Ей показано письмо Г. Дина и отвѣтъ *Сира Карла*. Она приходитъ въ восхищеніе отъ великодушія одного и отъ благородства другаго. Она была въ чрезвычайномъ изумленіи: отъ удивленія, признательности и проч. *Миладу Ж...* шутливымъ образомъ отвѣчаетъ ей, что она сіи два письма почитаетъ превосходными и говоритъ о пребогатомъ подаркѣ, которой госпожа *Оливія* прислала къ *Сиру Карлу*.

ПИСЬМО ХСѪІІІ.

Миссъ Биронъ къ Миладу Ж...

12 Октября.

Съ часу на часъ я ожидаю вашего братца. Онъ получилъ, сказываєте вы, письма изъ Италіи. О! естлибъ они ни мало не уменьшили той радости, коей я отъ его пріѣзда надѣюсь!

По случаю узнали мы, что онъ въ дорогѣ отъ одного откупщика моего дядюшки, которой видѣлъ, что въ Стратффордѣ вышелъ изъ кареты какой-то очень пригожій мужчина, при коемъ слуги были весьма нарядны; и вошелъ въ тотъ же самой постоялой домъ, гдѣ мы возвращаясь въ Лондонъ остановлялись. Между тѣмъ, какъ ему готовили обѣдъ, [можетъ быть онъ обѣдалъ въ той же горницѣ, гдѣ и мы.] то откупщикъ любопытствовалъ спросить, кто онъ таковъ. Служители [такихъ вѣжливыхъ, говоритъ онъ, еще не видано] отвѣчали ему, что они имѣютъ честь принадлежать *Сиру Карлу Грандиссону*, а такъ онъ имъ сказалъ, что онъ изъ Нортгэмптоншира, то они спросили его далеко ли сего города замокъ *Сельби*. Принужденъ будучи по дѣламъ своимъ оттуда ѣхать, встрѣтился онъ съ моимъ дядюшкою и Г. Диномъ, кои для прогулки проѣзживались верхомъ. Онъ имъ сказалъ, отъ кого должны

они ожидать посѣщенія. Дядюшка послалъ къ намъ немедленно своего служителя съ симъ извѣстіемъ и велѣлъ намъ сказать, что поѣхалъ на встрѣчу *Сиру Карлу*, дабы служить ему путеводителемъ до нашего замка. А какъ я передъ симъ не очень что то была здорова, то пришла въ такое движеніе, что тетушка совѣтовала мнѣ удалиться въ кабинетъ, дабы нѣсколько успокоить свой духъ.

Оттуда пишу я къ вамъ, моя любезная, и въ сіи минуты вы легко судить можете, что мнѣ не возможно писать къ вамъ о чемъ нибудь другомъ, мнѣ кажется что когда я забавляюсь письмомъ, то легчѣ могу управлять своимъ сердцемъ. Щастье что мы узнали о его пути прежде нежели его увидѣли, но правду сказать, *Сиру Карлу* не должно было не значай къ намъ пріѣхать. Что вы о томъ скажете, моя дорогая? Не усматриваете ли въ етомъ такого человѣка, которой увѣренъ что принесетъ намъ такимъ поступкомъ удовольствіе. Я читывала, что государи разославъ свои портреты къ любимымъ своимъ особамъ и женясь на нихъ чрезъ посредниковъ, не въ значай и въ переодѣяніи подѣвжали къ ихъ границамъ, дабы вдругъ изумить молодую и боязливую принцессу. На здѣсь не только обстоятельства различны, ибо дѣло еще не совершилось; но хотябъ онъ былъ и королевской крови, то и тогда ожидалабы я отъ него лучшаго поступка.

Чему не предается гордость для оправданія своихъ своенравій! Я виновата, моя любезная. Одинъ изъ слугъ *Сира Карла* прибылъ съ письмомъ къ дядюшкѣ *Сельби*. Моя тетушка его раскрыла на немъ означено что оно послано изъ *Строфорта*. Любезный вашъ братецъ послѣ вѣжливостей и освѣдомленій о нашемъ здоровьѣ, увѣдомляетъ дядюшку, что онъ будетъ нынѣ ночевать въ *Нортгамптонѣ* и проситъ позволенія пріѣхать къ намъ на другой день завтракать. И такъ, моя любезная, онъ не хотѣлъ показать того вида, коего я по своему своенравію отъ него опасалась. Однако, какъ будтобы намѣрена была его замѣтить въ какомъ нибудь недостаткѣ, я подумала, не заключается ли въ етомъ излишней какой наружности, судя по его столь откровенному свойству? Или не воображаетъ ли онъ, чтобъ мы не могли и пережить нашего намѣренія, естлибъ онъ намъ не послалъ извѣстія о своемъ пріѣздѣ прежде нежели бы насъ увидѣлъ? О *Клементина*! Сколько ты поражаешь *Генріетту Биронъ* при собственныхъ ея глазахъ. Сколько она стремится показаться твоимъ взорамъ! Мнѣніе, какое имѣю о своемъ малодушіи, дѣйствительно дѣлаетъ меня малодушною.

Очень хорошо. Но я сужу, что естли мой дядюшка и *Г. Динъ* съ нимъ встрѣтятся; то они принудятъ его пріѣхать сюда сего же вечера. Не будетъ ли ему времени, когда ни захочетъ, ѣхать въ *Нортгамптонъ*?... но вотъ онъ! Пріѣхалъ! такъ, моя любезная, ето самъ онъ. Дядюшка мой ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ каретѣ. *Г. Динъ*, сказала мнѣ моя горнишная,

вышелъ уже изъ кареты. Эта дѣвка обожаетъ *Сира Карла*. Оставь меня, *Салли*. Твое смущеніе, дурочка, умножаетъ изумленіе твоей госпожи,

Дабы избѣжать всякаго притворстава, то я сошла въ низъ и хотѣла его встрѣтить, какъ увидѣла своего дядюшку на лѣсницѣ. Любезная племянница, сказалъ онъ мнѣ, вы не отдали справедливости *Сирю Карлу*. Я было думалъ, что въ томной вашей любви, [какія слова, моя дорогая, а особливо въ сіи минуты] должныбъ были болѣе имѣть къ нему пристрастія. Онъ понуждалъ меня идти до самой кареты. Вы очень щастливы, говорилъ онъ мнѣ. Въ проѣздѣ чрезъ цѣлыя пятнатцать миль онъ говорилъ только о васъ однихъ. Я васъ провожу, я васъ ему представляю.

Не прошло еще и получаса, какъ я усиливалась успокоить духъ свой. Ни что такъ не нравно, какъ не умѣстная шутка. Представить меня ему! Томная моя любовь! О дядюшка! подумала я. Силъ мнѣ не доставало за нимъ слѣдовать. Я поспѣшно возвратилась въ свой кабинетъ, столько же смущенна какъ дитя. Вы знаете, моя любезная, что съ нѣкоего времени я не очень была здорова. Я была слаба и радость столь же трудно было мнѣ сносить, какъ и печаль.

Моя тетушка ко мнѣ пришла. Что вамъ препятствуетъ, душа моя, сойти въ низъ? Какъ! вы въ слезахъ? Вы покажетесь странною любезнѣйшему человѣку, какого я когда либо въ жизни своей видѣла. *Г. Динъ* къ нему страстенъ... любезная тетушка, я уже весьма уничижена, когда себя съ нимъ сравниваю. Я бы весьма жалѣла, еслибъ показалась ему странною; но дядюшка совершенно меня разстроилъ. Однако я знаю его добрыя разположенія и не должна на то жаловаться. Я за вами иду, *Сударыня*.

Тетушка моя шла предо мною. *Сиръ Карлъ*, въ то самое время, какъ я показалась, подошелъ ко мнѣ съ бодростію но съ видомъ нѣжнымъ и почтительнымъ. Онъ взялъ меня за руку, и наклонясь на оную сказалъ мнѣ, какъ я радъ, что вижу паки мою любезную *Миссъ Биронъ*, я вижу ее въ добромъ здравіи! Ваши малѣйшія слабости, *Сударыня*, всегда будутъ разделяемы.

Я поздравила его возвратнымъ пріѣздомъ. Мнѣ не можно было говорить громко. Онъ не могъ не примѣтить моего смущенія. Онъ привелъ меня къ кресламъ, и не выпуская моей руки сѣлъ подлѣ меня. Я сперва ее не отнимала, дабы онъ не подумалъ, что я притворствую; но при столь многихъ свидѣтеляхъ я подумала, что *Сиръ Карлъ* былъ нѣсколько воленъ. Однако, какъ я ее не отнимала, то онъ не могъ честнымъ образомъ ее оставить: и такъ сія вина больше отъ меня чемъ отъ него произойти могла. Я спрашивала послѣ у тетушки, не показались ли ей взоры его такими, какія можетъ имѣть человѣкъ увѣренный въ успѣхъ своихъ намѣреній? Она мнѣ сказала, что она примѣтила въ его видѣ мужескую вольность, но съ такою нѣжностію,

которая придавала ему неизреченную пріятность. Между тѣмъ какъ онъ былъ по тогдашнему обстоятельству въ принужденіи, примолвила она; то не удивительно, что онъ говорилъ съ вами съ обыкновенною учтивостію, какъ другъ вашъ; но теперь когда онъ воленъ съ вами изъясняться, должно ему поступать какъ любовнику, то есть, точно такъ, какъ онъ поступалъ.

Онъ мнѣ возвратилъ употребленіе голоса, говоря мнѣ с васъ, моя любезная, о *Милади Л...* о вашихъ супругахъ и о своей питомицѣ. Дядюшка мой съ тетушкою вышелъ, и сколько могла судить, для того чтобъ посовѣтовать между собою, прилично ли моему дядюшкѣ предложишь *Сирю Карлу*, чтобъ занялъ покои въ нашемъ замкѣ, и прожилъ бы у насъ все то время, которое намѣренъ препроводить въ нашемъ уѣздѣ: люди его остались на дворѣ и ожидали его приказовъ. Моя тетушка, которая, какъ вы знаете, весьма строго наблюдаетъ благопристойность и все что къ нему прилично, представляла моему дядюшкѣ, что благодаря стараніямъ *Г. Гревилля*, всѣ наши друзья увѣдомлены, что *Сиръ Карлъ*, какъ кажется, въ перьвые о мнѣ помышлять началъ: слѣдственно, естли съ нимъ надлежитъ поступать какъ съ такимъ человѣкомъ, коего сродство приносить намъ честь; то не менѣе обязаны мы наблюдать нѣкія мѣры, по крайней мѣрѣ для виду, дабы не дать поводу думать, что онъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ при перьвомъ видѣ, тѣмъ болѣе, что злой нравъ *Г. Гревилля* довольно извѣстенъ. Мой дядюшка разгорячился. Я всегда не правъ, сказалъ онъ, а женщины правы. По томъ началъ говорить о всѣхъ тѣхъ общихъ обстоятельствахъ и съ такими особенными выраженіями, за кои вы такъ часто надъ нимъ издѣвались. Онъ было надѣялся, говорилъ онъ, поздравить свою племянницу, до изтеченія двухъ недѣль въ качествѣ *Милади Грандиссонъ*. Какія же могутъ быть препятствія, когда всѣ въ произволеніи своемъ согласны? Будучи столь близки къ окончанію всего дѣла, онъ предъувѣдомлялъ мою тетушку, равно увѣщевалъ ее и меня предъувѣдомить, чтобъ не показывать какого принужденія и притворства. *Сиръ Карлъ* не возымѣлъ бы о насъ хорошаго мнѣнія, естлибъ мы сказали какую грубость. Наконецъ объявилъ онъ свое мнѣніе, что не надлежитъ его выпускать изъ замка, и чтобъ онъ остановился въ какой гостинницѣ, сколько изъ чести для всей фамиліи, столько и изъ уваженія къ его собственному желанію насъ навѣстить. Моя тетушка возразила, что *Сиръ Карлъ* самъ ожидаетъ разборчивости въ нашихъ поступкахъ; что изъ приказа даннаго отъ него служителямъ, дабы не выпрягали лошадей изъ кареты, видно что онъ не намѣренъ препроводить у насъ сію ночь; что онъ даже и не намѣренъ былъ въ сей день къ намъ ѣхать, но ѣхать на ночлегъ въ *Нортгамптонъ*, такъ какъ признался онъ моему дядюшкѣ, повстрѣчавшись съ нимъ и съ *Г. Диномъ*. Словомъ, сказала мнѣ тетушка, я столь же ревностно желаю вперить о себѣ надлежащее мнѣніе въ *Сирю*

Карль, какъ и во всѣхъ людяхъ; однако вы знаете, что наши сосѣди ожидаютъ примѣра отъ васъ. Ежели *Сиръ Карль* не будетъ здѣсь жить, то чаще станетъ къ намъ ѣздить, и его посѣщенія будутъ казаться гораздо почтительнѣйшими. Я надѣюсь, что мы всякой день будемъ съ нимъ видѣться, и цѣлые дни съ нимъ просиживать: но его частые прїѣзды не будутъ простыми учтивостями гостя, и должны почитаться обыкновенными посѣщеніями.

Мой дядюшка съ трудомъ на сіе согласился. Когда онъ съ тетушкою возвратился, то нашелъ меня въ важномъ разговорѣ съ *Сиромъ Карломъ* и *Т. Диньомъ*. Содержаніе нашего разговора было благополучіе *Милорда* и *Милади В...* съ коими *Г. Динъ*, начавшій сію рѣчь, очень тѣсную дружбу имѣеишь. *Сиръ Карль* увидя мою тетушку всталъ и говорилъ ей; ночь наступаетъ. Естли вы позволите, то я завтра буду имѣть честь съ вами завтракать. Онъ каждому поклонился, а мнѣ гораздо ниже и поцѣловаль мою руку; и не сказавъ ни слова возвратился къ своей карете. Между тѣмъ какъ мы за нимъ шли до самыхъ дверей, изъ коихъ выходъ на дворъ, дядюшка мой еще предложилъ его остановить. Проклятая разборчивость! Слышала я, какъ онъ весьма тихо сказалъ моей тетушкѣ. Она призналася намъ; что чувствовала въ себѣ нѣкое понужденіе говорить съ *Сиромъ Карломъ*, но не знала что ему сказать. Я съ нею была въ нѣкоемъ замѣшательствѣ, которое доходило даже до безпокойства. Что ни будь было тутъ не хорошо, какъ намъ казалось, но мы не могли сказать, что такое было худое. Но по отѣздѣ *Сира Карла*, и когда мы сѣли на свои стулья въ ожиданіи ужина, ни кто не мотъ скрыть своего неудовольствія. Особливо дядюшка казался въ великой досадѣ. Онъ бы охотно далъ, говорилъ онъ намъ тысячу гвиней за то, когда узнаеть что *Сиръ Карль* вмѣсто того, чтобъ завтра сюда прїѣхать, поворотилъ въ Лондонъ.

Я съ своей стороны не могла сносить такихъ намѣтокъ и просила, чтобъ меня уволили отъ ужина. Я была не здорова, а сіе странное обстоятельство приумножало еще безпокойства въ моемъ нездоровьѣ. Такое смѣшеніе, какъ я начинала испытывать, чрезмѣрно много отравляетъ наши лучшіе удовольствія. Общество оставленное мною, не было щастливѣе. Въ разсужденіяхъ своихъ дошли они до такой вспыльчивости, что ужинъ кончился очень поздно и изъ за стола встали не ѣвши ни чего.

Я вопрошаю васъ, любезная *Милади*, что бы должно было намъ дѣлать?

Хорошо ли мы поступили или нѣтъ? Излишняя разборчивость, какъ я слышала, такое замѣчаніе, заслуживаетъ со всемъ противнаго названія. Васъ, моя любезная, супруга вашего, нашу *Емилию* и *Доктора Барлета* кои столь великое участіе пріемлютъ во всемъ до *Сира Карла* касающемся, приняли мы съ истинною откровенностію. Такъ не ужели

менѣ должны мы быть искренни къ братцу вашему? О нѣтъ, но кажется что обычай, сей тираннъ, и опасеніе о людскихъ рѣчахъ, особливо послѣ тѣхъ произшествій, кои случились со мною отъ нѣкоторыхъ дерскихъ и наглыхъ людей, обязывалъ насъ показать ему... что же, моя дорогая? Показать ему самымъ дѣломъ, что мы отъ него ожидаемъ того, чего не можемъ ожидать отъ его сестры и зятя: слѣдственно чѣмъ болѣе желали мы его видѣть при себѣ, тѣмъ болѣе должны были держать его отъ себя въ отдаленіи. Какое бы неправильное объясненіе было въ пользу его, естлибъ онъ о чѣмъ нибудь имѣлъ хотя малѣйшее сумнѣніе? Чего бы я не заплатила въ сію минуту, сказала мнѣ тетушка, чтобъ только узнать его мысли.

Но моя бабушка и обѣ двоюродныя мои сестрицы будутъ сюда къ обѣду. Я получила отъ нихъ три поздравительныя письмѣца, въ коихъ радость господствуетъ со всею нѣжностію ихъ дружелюбія. Мы теперъ остаемся въ ожиданіи. Всѣ нынѣ стали рано, чтобы каждую вещь прибрать съ наилучшимъ порядкомъ. Моя тетушка увѣряетъ, что естлибъ и самому Королю надлежало насъ навѣстить; то и тогда неимѣла бы она большаго желанія ему нравиться. Я сойду въ низъ, дабы избѣжать всякаго вида притворства, когда онъ пріѣдетъ.

Наша бѣдная *Генріетта* вошла опять въ свой кабинетъ. Истинно, нѣтъ щастливѣйшаго состоянія, какъ дѣвическая жизнь для такихъ молодыхъ особъ, кои столь великую душу имѣютъ, что не взираютъ на удивленіе, и ласкательства другаго пола.

Какое смущеніе, какія разнообразныя страсти колеблютъ такую женщину, которая единожды предастъ сердце свое любви? Еще нѣтъ *Сива Карла Грандисона*, моя любезная! Однако ужъ десять часовъ. Какъ уменьъ вашъ братецъ! Онъ и не заботится, что его ожидаютъ. Прекрасное спокойствіе духа! По крайней мѣрѣ для него прекрасное, но очень не равнодушно оно для женщины, когда она видитъ человѣка такого гордаго. Можетъ быть взявши еще меня за руку при десяти свидѣтеляхъ, спросить меня, не причинялоли мнѣ его отсутствіе много печали? Но я хочу поискать для него извиненія. Не могъ ли онъ забыть своего обязательства? не могъ ли онъ заспать? Какой нибудь пріятной сонъ, которой представилъ ему *Болонію*.... право, я обижена. Не въ Италіи ли онъ привыкъ быть такъ спокоенъ? О нѣтъ, моя любезная.

Въ сіе самое время я не могла удержаться, чтобъ не обратиться назадъ и не осмотрѣть другихъ проступковъ, въ кои, какъ думаю, могу его укорить относительно ко мнѣ. Однако память моя не столько будетъ для него вредна, сколько бы я желала. Но думаете ли вы, чтобъ другіе люди въ подобномъ положеніи останавливались въ Стратфордѣ съ тѣмъ, чтобъ имъ тамъ однимъ обѣдать? Одинъ только вашъ братецъ можетъ быть щастливъ самъ собою. Естли онъ не можетъ быть щастливымъ, то ктожъ другой можетъ! Но статья можетъ, что его лошадямъ должно

было отдохнуть. Мы не знаемъ, во сколько времени столь далеко онъ проѣхалъ. Тотъ, кто не хочетъ, чтобъ благороднѣйшія животныя лишены бывали какого либо убранства, долженъ по своему нраву поступать съ ними съ кротостію. Онъ говоритъ, что не можетъ отъ своихъ вышшихъ сносишь недостойныхъ поступокъ, мы тоже самое думаемъ, и въ семь то самомъ мы его разсматриваемъ. Но для чегожъ, скажите пожалуйста? Мое сердце, любезная *Милади*, начинаетъ подниматься; я васъ увѣряю, что оно чаю вдвое больше стало нежели каково было вчера въ вечеру.

Мой дядюшка, прежде нежели я пошла на верьхъ, сѣлъ и держа часы съ девяти часовъ съ половиною до десяти, считалъ каждую минуту. *Г. Динъ* часто взглядывалъ на тетушку и на меня, желая безъ сумнѣнія изслѣдовать, какъ я толковала сіе произшествіе. Я покраснѣла, показалась смущенною, какъ будто бы проступки вашего брата были мои собственныя. Я говорилъ, что изъ двухъ недѣль, сказалъ дядюшка, выдетъ цѣлые полгода, прости меня Боже, прежде нежели начнемъ свое дѣло. Но неотмѣнно *Сиръ Карль* разсерженъ: вотъ дѣйствіе, вашей разборчивости.

Сердце мое возстало. Разсерженъ! Помыслила гордая *Генриетта*. Пусть же сердится, естли смѣетъ. Дай Боже, началъ опять говорить дядюшка, чтобъ онъ возвратился въ Лондонъ! Можетъ быть сказалъ *Г. Динъ* что сбившись съ дороги, онъ поѣдетъ къ *Гжѣ Шерлей*. Тогда мы старались привести себѣ на память тѣ выраженія, какими онъ самъ запрашивался къ намъ пріѣхать. Нѣкто предложилъ послать въ Нортгэмптонъ, навѣдаться, что за причина его тамъ задерживаетъ. Какое нибудь приключеніе, можетъ быть.... развѣ у него нѣтъ слугъ? спросила тетушка, и не могъ ли бы онъ одного послать къ намъ? Однако не послать ли намъ, *Генриетта*, примолвила она.

Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала я съ гнѣвнымъ видомъ. Дядюшка желая меня пересмѣять, поднялъ громкой смѣхъ. Въ коемъ однако больше было досады чемъ радости. Вѣрьте, *Генриетта*, что онъ возвратился въ Лондонъ. Я ето предвидѣлъ, госпожа *Сельби*. Онъ будетъ къ вамъ писать изъ Лондона, племянница, клянусь жизнию. По томъ сталъ онъ хохотать изъ всей силы, говоря, что то скажетъ ваша бабушка? Какъ удивятся обѣ ваши сестрицы. Мы можемъ и сего дни сѣсть за обѣденной столь, какъ вчера за ужиномъ и ничего не ѣвши встать изъ за стола.

Я не могла перенести такихъ разсужденій и вставъ упрекнула дядюшку, хотя и учтиво, за его жестокость, по томъ просила позволенія выдти. Всѣ его осуждали. Тетушка шла за мною до самыхъ дверей и взявъ за руку тихимъ голосомъ мнѣ сказала: будь увѣрена, *Генриетта*, что и *Сиръ Карль* не будетъ васъ называть своею женою, естли можетъ только поступать съ вами хотя съ малѣйшимъ равнодушіемъ. Я ни чего тутъ не понимаю, примолвила она. Не возможно ему разсердиться. Я надѣюсь,

что все его объяснится до прибытія вашей бабушки. Она очень ревнуетъ о чести своей дочери.

Я ни чего на то не отвѣчала, да и отвѣчать не могла: но удвоила свои шаги, идучи къ своей горницѣ, и принялась за письмо, отеревъ по истиннѣ нѣсколько слезъ, кои извлекли изъ глазъ моихъ злобныя шутки моего дядюшки. Вы любите, чтобъ я отдавала вамъ отчетъ во всемъ томъ, что ни думаю, судя по тѣмъ случаямъ, кои производятъ во мнѣ какія либо мысли. Вы желаете, чтобъ я ни чего не упустила.... но я вижу, что идетъ ко мнѣ тетушка.

Тетушка вошла ко мнѣ съ письмецомъ. Сойдите, *Генриетта*, станемъ вмѣстѣ завтракать; *Сиръ Карлъ* до обѣда не будетъ. Прочтите ету записку; мы ее получили отъ его слуги, которой не медля опять поскакалъ отсюда. Жалѣю, что его не задержали, мы бы о премномомъ его стали спрашивать.

Госпожъ Сельби.

„Я къ печали своей, Сударыня, задержанъ былъ досаднымъ посѣщеніемъ. Приходъ лучшаго изъ друзей моихъ заслуживалъ бы равное названіе въ таковыхъ обстоятельствахъ. Позвольте мнѣ отложить до обѣда мое обязательство; тогда буду я имѣть честь васъ видѣть: съ два часа имѣлъ я каждую минуту надежду освободиться отъ того дѣла; иначе я заранѣе къ вамъ послалъ.“

Какое посѣщеніе, подумала я по прочтеніи записки, можетъ задержать человѣка противъ его склонности? Ктожъ можетъ освободиться отъ *досаднаго посѣщенія*, естли *Сиръ Карлъ* до того не дойдетъ, хотя и далъ напередъ свое обязательство въ исполненіи какого нибудь дѣла? Но я иду за вами, Сударыня.

Я сошла въ низъ: дядюшка мой былъ въ чрезвычайной нетерпѣливости. Я тѣмъ утѣшилась, однако желала, хотябъ то было единственно для успокоенія его, столько поболтать, чтобъ надъ нимъ въ свою очередь посмѣяться.

Такъ, такъ, отъ всего моего сердца, отвѣчалъ онъ на нѣсколько рѣчей, кои я ему выговорить отважилась. Увидимъ, что то скажетъ *Сиръ Карлъ* въ свое извиненіе. Но въ мои лѣта, естлибъ мнѣ надлежало снова начать любовное обхожденіе съ Гжею. *Сельби*, то нѣтъ въ свѣтѣ ничего такого, отъ чего бы я не сдержалъ даннаго слова своей любовницѣ; не менѣе дивлюсь я тому благодушію, съ коимъ вы его извиняете, любовь скрываетъ премногія недостатки.

Тетушка ни слова не сказала въ защищеніе *Сира Карла*: она безпокойна и удалена отъ своей надежды. Завтракъ у насъ былъ самой короткой; мы смотрѣли другъ на друга, какъ такіе люди, кои бы желали взаимно себѣ подать помощь, естли бы могли. Однако *Г. Динъ*

прозакладывалъ бы все что ни имѣеть, сказалъ онъ, что мы будемъ довольны извиненіями *Сира Карла*.

Но согласитесь, моя любезная, что это посѣщеніе, какое бы ни было, но должно быть чрезвычайно важно, когда онъ принужденъ отложить такое обстоятельство, которое, какъ я ласкалась, почиталъ онъ за первое. Однако онъ называетъ его досаднымъ. Въ самомъ дѣлѣ должно быть какому нибудь странному случаю, когда онъ находитъ такое препятствіе въ провинціи гдѣ, можно сказать что онъ со всемъ иностранецъ. Но мы не должны дивиться, замѣтилъ дядюшка, что это произошло въ гостинницѣ, куда мы разсудили за благо его послать.

Теперь, какъ я о томъ размышляла, провела я всю послѣднюю ночь въ чрезвычайномъ безпокойствѣ, и не могла почти сомкнуть глазъ. Что ни будь, какъ мнѣ мечталось, угрожаетъ меня такое, которое можетъ мнѣ воспрепятствовать съ нимъ соединиться. Но удались отъ меня оскорбительное воспоминаніе, я изгоняю тебя изъ своей памяти. Однако, когда вещественность насъ поражаетъ, то и самая тѣнь какъ бы по долгу принимаетъ силу вещественности въ пылкомъ нашемъ воображеніи.

Бабушка, *Люція* и *Нанси* пріѣхали. Сколько наше произшествіе опечалило обѣихъ моихъ сестръ! Бабушка моя судить о всемъ въ хорошую сторону, какъ *Г. Динъ*. Я на минуту ушла. Но что я слышу? это онъ, моя любезная, это *Сиръ Карль* пріѣхалъ... что мнѣ дѣлать! Какъ перенести его гнѣвъ! Надобно ему увидѣть меня въ въ низу. Я увижу, какой онъ видъ покажетъ при своемъ входѣ. Естьли онъ холоденъ, естьли будетъ дѣлать пустыя извиненія...

Въ два часа по полудни я еще отъ нихъ уходила, дабы о всемъ васъ увѣдомить. Никогда, никогда не стану я доходить до такихъ непристойностей. Простите мнѣ, *Сиръ Карль*! Какая злость [я исключая только бабушку и *Г. Дина*]; что осмѣлились хулить такого человѣка, которой не можетъ сдѣлать произвольнаго проступка. Тетушка, да я только виноваты. Была ли когда тетушка виновата до сего случая? Мы всѣ собрались вмѣстѣ, когда онъ вошелъ. Онъ предсталъ съ тѣмъ благороднымъ видомъ, коимъ всѣхъ съ перваго взгляда привлекаетъ въ свою пользу. Сколь несносно мнѣ было, сказалъ онъ поклонясь всему собранію, что не могъ пріѣхать ранѣе!

Вы видите, моя любезная, что онъ не принесъ мнѣ ни какого извиненія, какъ я предполагала въ то время когда безпокоилась о его остановкѣ: объ етомъ все мое опасеніе и было. Я знаю, что казалась очень важною и степенною.

Тогда подходилъ онъ къ каждому изъ насъ: сперва ка мнѣ, потомъ къ бабушкѣ, которую взявъ за руку, обѣими своими руками и низко наклонясь на оную говорилъ ей: какъ щастливъ сей день, *Сударыня*, что доставляетъ мнѣ честь васъ видѣть! Воспоминаніе о послѣднихъ вашихъ милостяхъ, всегда будетъ возбуждать во мнѣ признательность. Вы, какъ

чаю, находитеcь въ добромъ здоровьѣ: *Миссъ Биронъ* конечно будетъ здорова, еcтьли ни что не повредитъ вашего здравія; а мы всѣ будемъ о томъ раздѣлять свою радость.

Гжа. *Шерлей*, тетушка и обѣ мои сестры весьма были довольны его вѣжливостію. Во мнѣ оставалась еще нѣкая досада; иначе я была бы также довольна, что онъ здравіе мое приписывалъ здравію Гжи. *Шерлей*.

Сударыня, началъ онъ опять говорить обратясь къ тетушкѣ, я опасуюсь, что васъ принудилъ ожидать себя къ завтраку. Это произошло отъ скучнаго и неблаговременнаго посѣщенія. Оно меня чрезвычайно опечалило, хотя и не смѣлъ я выразить того въ запискѣ. Гнѣвъ есть страсть толь безобразная; что когда только буду имѣть власть надъ собою, ни когда не буду онаго оказывать при такихъ особахъ, коихъ люблю.

Я жалѣю, сказала тетушка, еcтьли что нибудь непріятнаго съ вами случилось. Мой дядюшка, которой еще удерживалъ нѣсколько негодованія на свою племянницу, спросилъ важнымъ голосомъ, что же такое случилось съ *Сиромъ Карломъ*? Но въ ту самую минуту тетушка представила ему обѣихъ моихъ сестеръ: онъ имъ весьма учтиво сказалъ, что знаетъ ихъ по полученнымъ о нихъ описаніямъ; и вѣдая, сколько онѣ имѣютъ довѣренности у *Миссъ Биронъ*, просилъ ихъ одобренія, на коемъ бы могъ основать надежду получить оное и отъ меня. Потомъ обратясь къ дядюшкѣ и Г. *Дину* и взявъ cadaго за руку, говорилъ: Г. *Динъ* взираетъ на меня благопривѣтливо, но Г. *Сельби*, какъ примѣчаю показываетъ видъ важный. Дядюшка въ нѣкоемъ замѣшательствѣ отвѣчалъ, что онъ единственно съ чрезвычайною не терпѣливостію узнать желаетъ, что могло опечалить *Сира Карла*. Надобно васъ удовольствовать, сказалъ ему вашъ братецъ. И такъ я не скрою отъ васъ, что нашелъ въ Нортгamptonѣ на одного такого человѣка, которой хотѣлъ насильно меня остановить. Слыхали ли вы, чтобъ я когда нибудь искалъ съ кѣмъ ссориться? Сей человѣкъ, до сего времени со всемъ мнѣ неизвѣстный, осмѣлился мнѣ объявить, что онъ имѣетъ въ разсужденіи одной особы изъ сего собранія такія намѣренія, кои онъ намѣренъ подкрѣплять всемъ что бы ни было.

О! Это конечно *Гревиль*, вскричала тетушка.

Я чуть было не лишилась чувствъ. Нещастная *Генріетта*! Подумала я въ ту самую минуту, не ужели всегда причинять я буду наилучшему изъ человѣковъ единыя горести? Госпожа *Шерлей*, Г. *Динъ*, дядюшка и сестрицы мои изъявили вдругъ свое изумленіе и нетерпѣливость.

Все кончилось очень щастливо: началъ онъ продолжать рѣчь съ спокойнымъ видомъ; и такимъ голосомъ, которой показывалъ, что его душа ни мало не смущенна. Не станемъ болѣе говорить о томъ дерзкомъ человѣкѣ. Я объ немъ жалѣю. Онъ страстно любитъ *Миссъ Биронъ*.

Разсужденія моего дядюшки исполненныя нѣжности и учтивства но нѣсколько неумѣстныя лишили насъ случая узнать то, что было *Сирь Карль* хотѣлъ примолвить. И я потомъ примѣтила, что онъ изъ сего самаго искусно искалъ средства прервать повѣствованіе о своемъ произшествіи не желая объяснить онаго при мнѣ. Но мнѣ должно сойти въ низъ, моя любезная. Меня спрашиваютъ; думаю, что скоро стануть обѣдать. Можетъ статья довели бы его до того, чтобъ онъ имъ все рассказалъ. Какъ буду я гордиться, любезная *Милади*! Во время моего отсутствія онъ очень много говорилъ къ славѣ вашей *Генриетты*. Но не вывѣдали еще отъ него, что бы такого съ нимъ случилось. Онъ, какъ говоритъ, такого мнѣнія, что *Г. Гревиль* самъ все сіе разгласитъ. Онъ по его рѣчамъ желаетъ узнать, дѣйствительно ли онъ честной человѣкъ. Слава Богу, примолвилъ онъ, что я не нанесъ ни малѣйшаго вреда такому человѣку, которой славится своею страстію къ *Миссъ Биронъ* и знакомствомъ съ сею фамиліею.

Не надѣйтесь, моя любезная, чтобъ могла я вамъ выразить ту радость и благопріязненность, съ каковою провели мы обѣденное время. Вставая изъ за стола бабушка моя, любящая всегда увеселенія юнымъ свойственныя, предложила *Люціи* сѣсть къ *клависину* въ томъ намѣреніи, какъ я замѣтила, чтобъ меня за нею привлечь къ оному. Мы обѣ ей повинулись. Я что то забыла въ одной Италіанской аріи. Съ какою пріятностію *Сирь Карль* предложилъ, что мнѣ подсобить, начавъ самъ играть! Всѣ его просили, чтобъ продолжалъ, но онъ съ прелѣстною вѣжливостію въ томъ извинился.

Дядюшка и *Г. Динъ* такъ были прельщены, что его видятъ и слышатъ, что и не думали насъ оставить, хотя во тогдашнему случаю и можно было того требовать. Поговоря нѣсколько минутъ о постороннемъ подошелъ онъ къ бабушкѣ и тетушкѣ и спросилъ ихъ, не можетъ ли ласкаться щастіемъ испросить позволенія переговорить съ четверть часа съ *Миссъ Биронъ*. Здѣсь, примолвилъ онъ, свидѣтелями у насъ одни друзья и родственники; но я воображаю, Сударыни, что *Миссъ Биронъ* лучше захочетъ, дабы они отъ васъ а не отъ меня свѣдали то, что я вамъ сказать имѣю. Бабушка весьма одобрила сіе предложеніе. Что касается до меня; то я какъ скоро увидѣла *Сира Карла*, вставши вышла изъ горницы а за мною и обѣ мои сестрицы. *Г. Динъ* и дядюшка, извиняясь, что не предупредили его желанія, пошли также въ другіе покои. Тетушка пришла ко мнѣ: душинька моя! но какъ ты дрожишь! Надобно тебѣ войти св мною въ горницу. Тогда она сказала мнѣ, чего желаетъ *Сирь Карль* отъ нее и отъ моей бабушки. Я лишаюсь бодрости, отвѣчала я, совершенно лишаюсь бодрости. Естьли боязливость и смущеніе суть знаки любви; то я оныя имѣю. *Сирь Карль* ни одного изъ нихъ не имѣетъ. Не сказалъ ли онъ чего о своей *Клементинѣ*? Не кажись глупою, сказала тетушка, ты обыкновенно бываешь разумнѣе. Разумнѣе,

возразила я. Ахъ! Сударыня, сердце *Сира Карла* при всемъ томъ раздѣленно; а мое никогда еще до сей самой минуты не было искушаемо. Я не скрываю отъ васъ ни одной своей слабости, любезная *Милади*. Тетушка сказала, чтобъ я вошла въ горницу, и *Сиръ Карлъ* подошедъ мнѣ на встрѣчу съ самымъ ласковымъ видомъ подвелъ меня къ кресламъ, кои стояли порожни между тетушкою и бабушкою. Онъ не примѣтилъ моего смущенія, по чему удобнѣе могла я ободриться, тѣмъ паче что и онъ казался не много смущеннымъ. Однако онъ сѣлъ; голосъ его по малу становился тверже, и онъ намъ говорилъ слѣдующую речь.

Никогда, Сударыня, не находился челоуѣкъ въ такомъ странномъ положеніи, какъ я. Вы знаете всѣ причины оному: вы знаете, въ какихъ я былъ замѣшательствахъ, отъ такой фамиліи, которую долженъ всегда уважать, и отъ такой дѣвицы, коей во всю свою жизнь удивляться буду: и вы, Сударыня, [обратясь къ моей бабушкѣ:] благоволили дать мнѣ познаніе, что ко премногимъ засвидѣтельствваніямъ о истинномъ величій души, присоединяетъ *Миссъ Биронъ* и то великодушіе, что пріемлетъ участіе въ жребіи такой особы, которая есть *Миссъ Биронъ* для Италіи. Я не извиняюсь за сіе уподобленіе: сердце мое, смѣю сказать, [говоря мнѣ,] равняется съ вашимъ, Сударыня, въ откровенности и искренности.

Моя бабушка отвѣчала ему за меня, что онъ не имѣетъ надобности въ извиненіяхъ и что мы всѣ отдаемъ справедливость достоинствамъ знаменитой Италіанки. Онъ началъ паки свою речь.

Въ толь чрезвычайномъ положеніи хотя и, можно увѣдать изъ моей повѣсти то что я сказать хочу и хотя вы оказали мнѣ милость, одобряя тѣ намѣренія, по коимъ я ищущу почтенія отъ *Миссъ Биронъ*; но мнѣ кажется, что я долженъ для ея и вашей разборчивости съ искренностію представить вамъ состояніе своего сердца; я буду говоритъ со всею откровенностію, каковая приличествуетъ въ подобныхъ случаяхъ, равно какъ въ такихъ договорахъ, кои заключаются торжественно между народами.

Я не нечувствителенъ къ красотѣ; но до сего самаго времени одна красота имѣла власть только надъ моими глазами, по тому удовольствію отъ коего, какъ сродно, защититься не лзя при воззрѣніи на сіе совершенство. Еслибы сердце мое не было какъ бы лишено своихъ желаній и еслибы я властвовалъ самимъ собою, то *Миссъ Биронъ* съ перваго разу какъ я ее увидѣлъ не оставила бы мнѣ другаго выбора. Но имѣвъ честь обращаться съ нею, я усмотрѣлъ въ душѣ ея и во всѣхъ поступкахъ то истинное достоинство, ту разборчивость и благородную откровенность, кои всегда почиталъ яко за отличительныя качества ея пола, хотя въ таковомъ степени нашель я оныя только въ одной особѣ. Вскорѣ позналъ я что удивленіе оказываемое мною толь многимъ достоинствамъ могло меня завлечь въ другую страсть: ибо не могло тогда

оставаться мнѣ ни малѣйшей твердой надежды совокупиться съ иностранкою, когда по тѣмъ обстоятельствамъ, въ коихъ я относительно къ ней находился, обязанъ я былъ ждать успѣшнаго окончанія нѣкоторыхъ произшесшвѣй. Испытуя свое сердце пришелъ я по истиннѣ въ смущеніе, ощутивъ что прелѣсти *Миссъ Биронъ* толико впечатлѣлись въ ономъ, что могутъ нарушить мое спокойство. Честь и справедливость привели меня къ рѣшительному намѣренію употребить всевозможныя усилія къ остановленію толико сильной страсти. Дѣла мои не преминули подавать мнѣ причинъ къ частымъ отлучкамъ въ то время когда *Миссъ Биронъ* дѣлила общество съ моими сестрами. Осмѣливаясь съ трудомъ довѣряться себѣ въ ея присутствіи, рѣшился я принять на себя разныя попеченія, кои могъ бы поручить и другому. Я не однократно познавалъ, что страстное мое желаніе къ окончанію печальной судьбины нѣкоторыхъ особъ не долго бы противоборствовало новымъ чувствованіямъ моего сердца, еслибы сіи самыя нещастія, о коихъ я сердечно жалѣю, щастливо могли окончиться. Мнѣ не трудно было также примѣтить, что мои сестры и *Милордъ Л...* кои ни чего о моемъ положеніи не знаютъ, предпочли бы *Миссъ Биронъ*, въ качествѣ своей сестры, всѣмъ другимъ особамъ.

Иногда, признаться вамъ, сіе самолюбіе и тщеславіе, кои весьма сродны людямъ горячаго сложенія, ласкали меня, что по довѣренности моихъ сестеръ было бы мнѣ не невозможно сдѣлать то, чтобъ мои чувствованія благосклонно приняты были отъ такой молодой особы, коея сердце, какъ мнѣ казалось, не вступало еще ни въ какія обязательства: но я никогда себѣ не позволялъ останавливаться долго при такой надеждѣ. Каждой ласковой взглядъ, каждую улыбку, которую усматривалъ на семъ любезномъ лицѣ, относилъ я къ сродному ей благодушію, къ откровенности и признательности ощущаемой по великодушію въ ея сердцѣ, которое излишне много цѣнила простую услугу, какую я имѣлъ щастіе ей оказать. Когдабъ я былъ и гораздо вольнѣе; то и тогда весьма бы опасался лишиться столь пріятнаго зрѣлища излишне скорымъ объявленіемъ моихъ чувствованій. Я зналъ по опытамъ многихъ другихъ людей, что если сродная кротость и вѣжливость *Миссъ Биронъ* преклонила къ себѣ сердца всѣхъ; то отъ того не удобнѣе ея собственное сердце преодолено быть могло.

Однако не взирая на всѣ усилія, кои къ тому употреблялъ: дабы прервать стеченіе чувствованій, толь скоро произшедшее, познавалъ я еще, что мои затрудненія купно съ новою страстію умножились. Изъ премногихъ средствъ къ моему защищенію испытанныхъ, увидѣлъ я, что мнѣ оставалось одно токмо то, чтобъ укрѣпить сердце свое въ страсти къ *Клементинѣ* при помощи самой *Миссъ Биронъ*: словомъ, извѣстивъ *Миссъ Биронъ* о моемъ положеніи, возбудить въ ней по ея великодушію участіе о печаляхъ *Клементины* и такимъ образомъ лишишь себя

ободренія, коимъ бы могъ ласкаться, естлибъ болѣе снисхождалъ къ своимъ желаніямъ. Такое средство мнѣ пощастливилось. Великодушіе *Миссъ Биронъ* чувствительно оказалось въ пользу сей иностранки, но могло ли такое великодушіе не усугубишь еще болѣе моего къ ней удивленія?

Когда я рѣшился извѣстить ее о моемъ положеніи, [ето было въ Колнеброкѣ:] то она легко примѣтила мое смущеніе; я не могъ скрыть онаго. Скорой мой уходъ долженъ былъ ее удостовѣрить, что сердце мое было занято болѣе нежели сколько приличествовало тѣмъ обстоятельствамъ, кои я ей представлялъ. Я велѣлъ позвать *Доктора Барлета*, надѣясь получить отъ его совѣтовъ нѣкую помощь. Онъ зналъ состояніе моего сердца. Онъ зналъ по предложеніямъ учиненнымъ мною фамиліи Болонской, что во всякомъ другомъ обстоятельствѣ, нѣтъ ничего такого въ свѣтѣ, чтобъ могло меня склонить на тѣ уступки, кои я почелъ, за долгъ предложить въ разсужденіи мѣстопробыванія и закона; ибо я принялъ въ уваженіе всѣ неудобства таковаго союза и безъ всякаго обиновенія утверждалъ, говорилъ я сему дражайшему другу, что могъ вѣрнѣе ожидать себѣ щастія отъ отвѣта, коего ожидалъ бы я изъ замка *Сельби* чемъ отъ *Клементины*, хотябъ она и приняла предложенныя ей отъ меня условія; ибо не сумнѣвался, чтобъ она не была благополучнѣе съ человекомъ, своимъ единомыслителемъ и единый съ нею законъ исповѣдующимъ. Я также признался *Доктору*, что не имѣлъ ни малѣйшей надежды преодолѣть противоположенія оной фамиліи и что въ иное время не могъ быть нечувствительнымъ къ обиднымъ поступкамъ, кои мнѣ отъ оной были оказаны.

Г. Барлетъ хотя и крайне тронуть былъ страданіями *Клементины*, я весьма удивлялся ея достоинствамъ; но одобрилъ сердечную мою склонность. Вы не о всемъ разсудили, говорилъ я ему. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло, дражайшій *Докторъ*. Я зналъ *Клементину* прежде *Миссъ Биронъ*. *Клементина* одарена превосходнѣйшими качествами. Она меня не отринула. Она принимаетъ мои условія. Она просила даже и сродниковъ своихъ, чтобъ оныя приняли. Она увѣрена въ моей честности и страсти. До того щастливаго времени, когда я началъ познавать *Миссъ Биронъ*, намѣреніе мое было ожидать или выздоровленія *Клементины* или позволенія принять для себя другія мѣры. *Миссъ Биронъ* естли когда о томъ узнаеть, *Миссъ Биронъ* сама проститъ ли мнѣ перемѣну такого намѣренія, коего *Клементина* толико достойна? Поступки перенесенныя сею нещастною дѣвицею ради меня, такъ какъ она удостоила меня о томъ своимъ письмомъ увѣдомить усугубили ея болѣзнь. До сего самаго времени, она желаетъ съ нетерпѣливостію меня видѣть. Доколѣ можно думать, хотя и не весьма вѣроятно, чтобъ Небо содѣлывало меня орудіемъ къ изцѣленію такой превосходной дѣвицы, которая сама собою заслуживаетъ все мое уваженіе и нѣжность, то

долженъ ли я желать привлечь къ себѣ сердце *Миссъ Биронъ*, хотябъ и надѣялся. Могъ ли бы я почитать себя щастливымъ въ такомъ успѣхѣ? Не упустилъ ли бы я тѣмъ благодарности своей къ одной особѣ а великодушія къ другой? Благополучіе *Миссъ Биронъ* отъ меня зависѣть не можетъ. Она должна ожидать онаго отъ иннаго человѣка, кромѣ того, коего сама для себя избереть, каковъ бы онъ ни былъ.

Мы всѣ три наблюдали глубокое молчаніе. Моя бабушка и тетушка, казалось твердо намѣрены были оное сохранять, и я не могла бы его прервать. *Сиръ Карлъ* продолжалъ свою речь.

Вы не знаете, дражайшая *Миссъ Биронъ*, что разлучаясь съ вами для отъѣзда въ Италію, не хотѣлъ бы я дабы вы познали движеніе моего сердца: я видѣлъ одну только неизвѣстность въ своей судьбинѣ. Меня просили отправиться въ путь; излѣченіе *Г. Иеронима* было безнадежно.

Онъ хотѣлъ умереть и токмо до пріѣзда моего желалъ продолженія своей жизни. Присудствіе моего желали какъ послѣдняго покушенія къ возвращенію здравія его сестрѣ. Вы сами, сударыня, одобрили сіе мое намѣреніе: но дабы не подпасть въ подозрѣніе будтобъ я въ такихъ обстоятельствахъ хотѣлъ васъ склонить въ свою пользу; то я утвердился, что ни какъ не надѣюсь принадлежать вамъ инымъ образомъ, а развѣ по одному дружеству.

Мнѣ не можно было съ вами проститься. Я поѣхалъ. Новые способы употребленные къ излѣченію *Клементины* имѣли тотъ успѣхъ, какого ожидали; употребленные для *Иеронима* не менѣе были удачны. По чему возвратились опять къ предложеніямъ. *Клементина* укрѣпилась въ здравіи и украсилась новыми прелѣстями. Вся фамилія согласилась наградить предложеніемъ ея руки того кому приписывали ея изцѣленіе. Я не скрою отъ васъ, Сударыни, что то, что доселѣ заслуживало названо быть честію и сожаленіемъ, обратилось въ удивленіе, и я не оказалъ бы справедливости, естлибъ не сказалъ въ любовь. Я почиталъ себя какъ супругомъ *Клементины*. Однако странно бы было, чтобъ благополучіе *Миссъ Биронъ* не составляло втораго моего сердечнаго желанія. Я тогда поздравлялъ себя, что искалъ только ея дружества и совершенно предался *Клементинѣ*. Такое признаніе обязанъ я вамъ по справедливости учинить, Сударыня; естлибъ я не предалъ своего сердца сей удивленія достойной чужестранкѣ; то помрачилъ бы себя двоякимъ преступленіемъ, не благодарностію и несправедливостію; ибо ежели вы знаете всѣ ея произшествія, то знаете и то, какъ она покушалась преодолѣть свое сердце, и сколь славно надъ онымъ возторжествовала.

Онъ при сихъ словахъ остановился. Мы не переставали молчать. Моя бабушка и тетка глядѣли другъ на друга и при каждомъ его словѣ какъ ихъ глаза такъ и мои выражали нашу чувствительность. По томъ началъ онъ паки продолжать свою речь потупя съ пріятностію взоры свои и запинаясь.

Чувствую, Сударыни, что отринутый, какъ по справедливости долженъ признаваться, отверженный *Клементиною*, хотя и по самымъ благоразумнымъ причинамъ, я весьма недостойно поступаю, что толь скоро по отказѣ предлагаю свое сердце *Миссъ Биронъ*. Еслибъ я наблюдалъ точно свои правила, то конечно похвальнѣе бы было обождать по крайней мѣрѣ до того времени, которое законами для вдовства предписано: но когда благопристойность ни чемъ не нарушается, та великія души, каковыми вы украшаетесь, не взирають ни мало на такіе простонародные обряды. Я же теперь не иное что предприемлю, какъ открываю такую страсть, которая безъ тѣхъ препятствій, кои теперь уничтожены, была бы сильнѣйшею, коею когда либо сердце человѣческое пылать могло.

Я знаю, Сударыня, что вы съ моими сестрами читали мои письма отправленныя изъ Италіи. Изъ послѣднихъ и изъ тѣхъ, кои я оставилъ госпожѣ *Шерлей*, не должны вы имѣть ни малаго сумнѣнія о постоянствѣ *Клементины* въ славномъ ея намѣреніи. А сіе письмо, полученное мною только за два дни [вынимая оное изъ кармана] и писанное, какъ сами увидите прежде полученія моихъ, покажетъ вамъ, что вся фамилія, для поданія примѣра *Клементинѣ* меня проситъ принести свои обѣты какой нибудь единоеземной мнѣ особѣ. Сіе служитъ нѣкоею причиною понуждающею меня нѣкоторымъ образомъ поспѣшить предложеніемъ моихъ покорнѣйшихъ вамъ услугъ. Хотябъ таковой поступокъ могъ показаться весьма поспѣшнымъ судя по моему положенію, но не обвинялибъ вы меня въ непростительномъ небреженіи или въ явномъ равнодушіи, ежелибъ я для наблюденія пустыхъ обрядовъ могъ далѣе отлагать объявленіе моихъ чувствованій и тѣмъ подать вамъ мысль, что колеблюсь въ своемъ выборѣ? Съ вашей стороны, Сударыни, если вы столько себя скрѣпить можете, чтобъ съ нѣкоею благосклонностію могли поступать съ такимъ человѣкомъ, которой пришелъ, какъ и отречься не можетъ, но не желая и не могши того избѣжать, въ то замѣшательство, кое можнобъ было назвать двоякою любовію; то вы по сему самому величію души обяжете его такимъ благодареніемъ каковое и совершеннѣйшею благодарностію замѣнено быть не можетъ.

Тогда подалъ онъ мнѣ письмо. Я уже на оное отвѣтствовалъ, примолвилъ онъ, и далъ знать моему другу, что я обратилъ свои старанія къ любезнѣйшей особѣ въ Англіи, достойнѣйшей; дружества его сестры, и что мои предложенія не отвержены. Ваша благосклонность, Сударыня, подастъ мнѣ право, смѣю того надѣяться, еще болѣе ихъ въ семь удостовѣрить: они же по своему ко мнѣ благорасположенію основываютъ отъ части свое благополучіе на моемъ собственномъ.

А такъ я прежде не очень была здорова: то неоднократно опасалась, моя дорогая, чтобъ въ продолженіе его речи не придти въ безпамятство. Моя бабушка и тетушка видя что я перемѣнялась въ лицѣ, особливо

когда онъ особенно говорилъ со мною, обѣ положили свои руки на одну мою, а другою держала я платокъ у своихъ глазъ дабы скрыть перемѣну, которую чувствовала я на своихъ щекахъ: но переставъ говорить онъ сжалъ три наши руки въ своихъ и поцѣловалъ; а мою два раза, и при томъ весьма страстно. Моя бабушка и тетушка восхищенныя радостію, хотя и въ слезахъ; взирали другъ на друга и обращались по томъ ко мнѣ, какъ бы ожидая кому прежде говоришь должно. Можетъ быть, началъ онъ опять говорить съ нѣкоторымъ движеніемъ, я надмѣру простирался въ первомъ семъ объясненіи. Я прошу у васъ позволенія пріѣхать къ вамъ завтра къ обѣду: *Миссъ Биронъ* можетъ быть желаетъ, чтобъ сіе важное дѣло отложено было до завтра? И тогда пожалуйста мнѣ скажите, какое будетъ слѣдствіе вашихъ разсужденій. Я возвращусь къ гостямъ, кои насъ оставили. О естълибъ всѣ тѣ, коихъ имѣю удовольствіе здѣсь видѣть, служили мнѣ покровителями и ходатаями у *Миссъ Биронъ*. Они теперъ не могутъ почитать меня того достойнымъ; но я во всю свою жизнь стараться буду оное заслужишь.

Онъ вышелъ отъ насъ съ такою пріятностію, которая одному ему только свойственна. Въ то самое время бабушка прижала меня къ своей груди. Подобныя ласки оказывала мнѣ и тетушка и обѣ онѣ въ нѣжнѣйшихъ выраженіяхъ поздравляли меня симъ произшествіемъ.

Мы не могли прочесть безъ сердечнаго сокрушенія то письмо, кое онъ мнѣ оставилъ. Оно писано отъ *Г. Иеронима*, которой усиленно проситъ вашего братца подать его сестрѣ примѣръ, коему усердно желаетъ, чтобъ она послѣдовала. Вы его найдете въ семъ пакетѣ, моя любезная, но не забудьте отослать ко мнѣ обратно. Бѣдная *Клементина*! Кажется, что она не видя еще послѣдняго письма *Сира Карла* склонилась на все изъ одного угожденія къ своимъ родителямъ. А какъ я посылаю къ вамъ его письма, то не говорю и половины того, что представляется моимъ мыслямъ о ея положеніи. Неотмѣнно должны послѣднія объясненія вашего братца соотвѣтствовать ея надеждѣ. Бѣдная *Клементина*! Могу ли я отказать ей въ своемъ соболѣзнованіи? Она тѣмъ болѣе оное заслуживаетъ, что мы знаемъ лучше, нежели когда прежде, какую утрату перенести ей должно.

Я просила у тетушки позволенія удалиться, но узнала при томъ что *Сиръ Карль* возвратился къ гостямъ съ такимъ веселымъ и удовольственнымъ видомъ, что всѣхъ привелъ въ восхищеніе, между тѣмъ какъ глупая ваша *Генриетта* не могла собрать столько силъ, чтобъ остальное время вечера провести съ ними вмѣстѣ. Мнѣ по истиннѣ не доставало той причины тамъ быть какую онъ имѣлъ; ибо къ великому сожаленію всего общества, онъ извинился что не можетъ остаться у насъ отужинать.

Сіе продолжительное письмо отправлено будетъ завтра по утру очень рано, по случаю отъѣзда одного человѣка въ Лондонъ. Завтра... севодни, могла бы я сказать, ибо уже много ночи прошло. Естълибъ для

своей помощи не имѣла я пріятнаго упражненія писать къ вамъ, то увѣрена, что сонъ ни мало не отягощалъ бы моихъ вѣждей. Братецъ вашъ чаю спокойнѣе спать будетъ.

ПИСЬМО ХСІХ.

Г. Иеронимъ къ Кавалеру Грандиссону.

Болонія, 24 Сентября.

Наконецъ, любезный *Грандиссонъ*, начинаемъ мы льстить себя надеждою что наша *Клементина* будетъ сообразоваться съ желаніями своей фамиліи. Генераль съ своею супругою пріѣхали изъ Неаполя нарочно въ томъ намѣреніи, чтобъ покуситься на то, что они называютъ рѣшительнымъ средствомъ. И чтобъ не прежде ее оставить, пока не расположатъ ея мысли къ одолженію насъ. *Прелатъ* прибылъ въ то же время съ двумя другими Епископами: и въ сношеніи, происходившемъ между сими тремя особами и ею, объявили они ей, что ей не лзя и помышлять о постриженіи безъ настоящаго согласія ея отца и матери. Гжа. *Бемонтъ*, которую просили препроводить съ нею нѣсколько времени, при всѣхъ объявила себя съ нашей стороны: и въ прошедшій четвергъ съ *Клементиною* еще принужденнѣе было поступлено. Вся фамилія собралась въ моей горницѣ; ей предложено было тудаже придти; она и пришла, мы совокупно возобновили вредъ нею усильнныя свои прозбы. Генераль съ начала настоялъ болѣе всѣхъ: онъ былъ подкрѣпляетъ *Прелатомъ*; молодая *Маркиза* представляла при семъ третье дѣйствующее лице. Матушка сжавъ руки своей дочери, испускала единые вздохи, а вашъ *Иеронимъ* изъяснялся только слезами; но при самомъ окончаніи сего зрѣлица батюшка мой сталъ предъ нею на колѣно и говорилъ ей: Дочь моя, любезное дитя, обяжи меня.

Она упала на колѣни: о родитель мой! вскричала она, оставьте такое положеніе, или я умру у ногъ вашихъ. Нѣтъ, дочь моя, пока не согласишься меня обязать. Родитель мой! Снисходительнѣйшій изъ всѣхъ родителей! Дайте мнѣ до крайней мѣрѣ нѣсколько времени. *Генераль* думая, что въ семъ произшествіи заключается преклонность, коей она еще не показывала, понуждалъ ее немедлѣнно рѣшиться. Не ужели родитель, говорилъ онъ ей, вотще унижаться станеть? Не ужели родительница безъ всякой пользы преклонять васъ будетъ своими слезами! Теперъ, сестрица должно согласиться, или... онъ остановился взирая на нее гордѣливо. Потерпите, сказала она съ робостію, до перьвыхъ писемъ отъ *Кавалера*, ихъ не замѣдлятъ сюда привезти, и по томъ, поднося руку къ своей головѣ сказала... встаньте, батюшка или я умру у ногъ вашихъ.

Мнѣ показалось что *Генераль* съ лишкомъ далеко доходилъ въ своихъ поступкахъ. Я требую, чтобъ дождались перьвыхъ писемъ. Хорошо! Я на то согласенъ, сказала батюшка, оставляя свое положеніе, и говоря ей чтобъ она также встала. Но какія бы новости въ нихъ ни были, однако помни, дражайшая дочь, что и твой отецъ, отецъ снисходительный, который желаетъ быть обязаннымъ. Какъ! подхватили *Генераль*, такая отеческая милость не сдѣлаетъ въ васъ ни какого впѣчатленія? Вашъ батюшка, матушка и братья готовы пасть къ ногамъ вашимъ. Не ужели всѣ мы будемъ презрѣны? Не ужели Иностранецъ, Агличанинъ, Еретикъ, такъ, сколь онъ ни великъ, сколь ни благороденъ, но Еретикъ, и такой еще человекъ, коего вы съ такою для себя славою отвергли, получить предпочтеніе надъ всею вашею фамиліею? Помните еще, сестрица, прервалъ *Прелатъ*, что вы уже знаете его мнѣнія. Онъ вамъ объявилъ оныя при отъѣздѣ изъ Италіи. Такъ думатели, чтобъ *Кавалеръ Грандиссонъ* могъ оныя перемѣнить по столь порядочномъ объясненіи. Она отвѣчала, что чувствуетъ въ себѣ слабость, что почитаетъ себя виновною, прекословя изволенію отца и матери и что не можетъ спорить съ своими братьями, но что она не здорова. Она просила братьевъ своихъ, чтобъ ее пощадили, и начавъ опять просить времени, заклинала своего отца оказать ей сію милость. Матушка, боясь чтобъ она не впала въ безпамятство, дозволила ей удалиться, примолвля, что не мыслятъ принуждать ея волю, а хотятъ употребить съ нею одно токмо убѣжденіе.

Она удалилась, но съ тѣмъ токмо чтобъ пойти къ Гжѣ. *Бемонтъ*. Бросясь въ ея объятія говорила она ей. О! Сударыня, меня гонятъ, притѣсняють, а ето называется у нихъ убѣжденіемъ. Отецъ на колѣняхъ! Мать въ слезахъ! Братья униженно меня просящіе! О жестокое убѣжденіе!

Госпожа *Бемонтъ* вступила тогда съ нею въ разсужденія, представила ей непреклонность Генерала, снисхожденіе ея отца и матери и желанія ея обѣихъ братьевъ: она уважила ваши мнѣнія, изъясня свое безъ пристрастія и не касаясь даже до различія закона. Она ей говорила объ одной молодой и прелестной особѣ въ вашемъ отечествѣ, которая можетъ васъ сдѣлать щастливымъ, и коея достохвальныя качества многіе Агличане, какъ сама она слышала, прославляли. Сія послѣдняя вѣсть тѣмъ сильнѣе ее поразила, что она знаетъ, сколь тѣсную дружбу имѣете вы съ Гжею. *Бемонтъ*. Она отвѣчала, что ни за что въ свѣтѣ не захочетъ противуборствовать желаніямъ *Сира Карла*, и желаетъ видѣть васъ щастливыми, какую бы промысль Божій ни опредѣлилъ ей участь. Отецъ *Марескотти* также приступилъ къ своему долгу и совѣтовалъ ей не ожидать вашихъ писемъ для принятія твердаго намѣренія: ибо не можетъ сумнѣваться, чтобъ перьвое ваше мнѣніе не было въ нихъ подтверждено. Доводы трехъ Епископовъ напомянуты ей

были съ новою силою. Ей назначенъ день, въ которой бы могла она предстать всей своей фамиліи. Госпожа *Бемонтъ* похвалила величіе ея души въ пожертвованій себя предъ Богомъ и много увѣщевала ее не менѣе отличиться и въ покорности, коею обязана она даровавшимъ ей жизнь.

А какъ всѣ такія разсужденія показались ей весьма важны; то она положила еще ихъ изслѣдовать. Пробывъ три часа въ своемъ кабинетѣ вручила она госпожѣ *Бемонтъ* слѣдующую содержанія записку, по коей, какъ ей сказала, думаетъ она, что легко уволятъ ее отъ того собранія, въ которое призвать ее намѣрены.

„Я свышес силъ своихъ считаю, любезная моя госпожа *Бемонтъ*, исполненіе вашихъ нѣжныхъ но томительныхъ прошеній, равно какъ и доукъ, прозбъ и разсужденій моихъ братьевъ. О родительница моя! Какого послушанія, какого слѣпаго повиновенія ни заслуживаете вы отъ такой дочери, которая нарушила спокойствіе щастливыхъ дней вашихъ? Вы ни когда не знали печали, до тѣхъ прискорбій, кои я вамъ причинила. Жертва жизни моей была бы слабою замѣною приключенныхъ мною вамъ страданій. Кто можетъ супротивиться прошеніямъ родителя колѣнопреклонно умоляющаго совершить своя желанія. По истиннѣ, нѣжный и почтенный мой родитель, я страшусь васъ паки видѣть. Чтобъ по крайней мѣрѣ никогда не видѣть мнѣ васъ въ томъ положеніи, въ какомъ въ минувшій четвертокъ васъ видѣла.

„Я отринула отъ сердца своего такого человѣка, коего оно почитало: а по принятому правилу, которое не должно и не можетъ мнѣ позволять о семъ раскаяваться, не возможно мнѣ быть съ нимъ сопряженною. Отецъ *Марескотти*, хотя нынѣ и почитаетъ его достойнымъ своей любви, но напоминаетъ мнѣ, что всѣ злополучія можетъ быть насланы мнѣ отъ Бога въ наказаніе за то, что сердце мое прилѣпилось къ Еретику. Мнѣ во все запрещено помышлять о поправленіи моего проступка тѣмъ средствомъ, которое одно почитала я къ тому удобнымъ.

„Вы мнѣ говорите, Гжа. *Бемонтъ*, и всѣ мои родственники равно какъ и вы меня увѣряютъ, что честь, великодушіе и уваженіе, какое всегда имѣю ж къ *Кавалеру*, равнымъ образомъ обязываютъ меня споспѣшествовать благополучію того человѣка, которой въ надеждѣ своей отъ меня обмануть, и увѣрены, что существуетъ въ его отечествѣ такая особа, которая можетъ содѣлать его щастливымъ: но мнѣ должно, какъ вы говорите, подать ему примѣръ. Мнѣ ето невозможное дѣло. Нѣтъ, честь и справедливая моя разборчивость никогда мнѣ поступить ва сіе не позволятъ.

„Но будучи толико понуждаема и теперъ содрогаясь еще видя родителя колѣнопреклонно меня умоляюща, родительницу въ слезахъ погруженну, при томъ же судя съ основаніемъ, что долго жить мнѣ не можно, что страшнѣйшая болѣзнь, которая паки приведетъ меня въ

изнеможеніе, будетъ можетъ быть наказаніемъ за мою непокорность и что при послѣднемъ издыханіи утѣшеніемъ мнѣ послужить та мысль, что я покорилась волѣ своихъ родителей въ томъ требованіи, въ которомъ твердо они рѣшились; впрочемъ познавъ отъ нихъ самихъ, что они почитать стануть мое повиновеніе какъ бы вознагражденіемъ всѣхъ тѣхъ прискорбій, кои столь долго имъ причиняю, я молю Бога, чтобъ подалъ мнѣ силу совершить предъ ними долгъ послушанія. Но если сіе усиліе будетъ для меня не возможно, то стануть ли еще меня приневоливать и убѣждать? Надѣюсь, что сего не будетъ. Однако я всѣми силами стараться буду рѣшиться къ повиновенію; но какой бы ни былъ успѣхъ моихъ бореній, *Грандиссонъ* долженъ прежде подать примѣръ.„

Сколько проздравляли мы другъ друга, любезный *Кавалеръ*, читая сіе объявленіе хотя она въ немъ и столь слабую надежду подавала? Теперь всѣ наши мѣры такъ расположены, чтобъ поступать съ нею съ тихостію, дабы не перемѣнила своего намѣренія. Мы не будемъ даже предлагать ей свиданій съ тѣмъ человѣкомъ, коему благопріятствуемъ, не увѣрять, что вы ей подадите желаемый ею примѣръ: если дѣйствительно существуетъ толь любви достойная особа, что вы можете надѣяться быть съ нею счастливы; то сія причина, подтверждаемая такимъ человѣкомъ, какъ вы, не можетъ ли привести ее къ рѣшительному намѣренію согласоваться съ нашими желаніями?

Поелику не остается болѣе надѣжды, любезный мой *Грандиссонъ*, чтобъ вы по бракосочетанію стали мнѣ братомъ; то во всемъ свѣтѣ ни кого кромѣ *Графа Бельведере* не признаю такимъ, коему бы могъ желать сего названія. Онъ Италіанецъ. Сестра моя, которая всегда была намъ толико любезна, не станеть отъ насъ удаляться. Онъ знаетъ, отъ какого несчастнаго состоянія она свободилась, и не только за то не возражаетъ, но почиталъ бы себя еще самымъ счастливымъ человѣкомъ, еслибъ могъ получишь ея руку во время жесточайшей ея болѣзни, когда врачи подавали ему надежду, что симъ средствомъ можетъ послужить къ ея излеченію. Небезызвѣстно ему, что она васъ любитъ; отъ обожаетъ ее по тѣмъ самымъ причинамъ, по коимъ она васъ отвергаетъ, онъ питаетъ къ вамъ нѣжное дружество, и совершенно полагается на вашу честь: принявъ все сіе въ разсужденіе, не должны ли мы желать его сродства?

Я не могу сумнѣваться, любезный другъ, чтобъ не отъ васъ зависѣло подать толико желаемый, нами примѣръ. Когда вы не премѣняя закона. восторжествовали надъ фамиліею, состоящею изъ ревностныхъ Католиковъ и могли привлечь къ себѣ сердце самой разборчивой и добродѣтельной дѣвицы. Какая особа, имѣющая чувствительное и свободное сердце, и какая фамилія могутъ вамъ противиться, ежели законъ и отечество въ семъ случаѣ будутъ одинаковы?

И такъ оставьте насъ въ надеждѣ, любезный мой *Грандиссонъ*, что вы поступите на такое усиліе: увѣрьте насъ, что не усомнитесь подать оный

примѣръ: а въ семь упованіи мы будемъ понуждать свою сестру, чтобъ исполнила ту надежду, какую намъ подаетъ. Тогда, тогда увидите вы насъ въ Англіи, гдѣ принесемъ вамъ благодарность за премногія милости, коими почитаемъ себя вамъ обязанными. Сіи мои прошенія суть равно прошенія всей нашей фамиліи, которую, какъ я увѣренъ, любить вы не престанете, да и вамъ обещаю, что всегда будете ей дороги. Госпожа *Бемонтъ* присоединяетъ къ сему и свои прозѣбы. Она увѣрена, какъ сама говоритъ, и меня проситъ увѣрить васъ съ ея стороны, что *Клементина* и вы, будете оба гораздо щастливѣе: она съ Графомъ *Бельвеере*, которой ей соотечественникъ и одного съ нею закона, а вы съ Агличанкою: гораздо щастливѣе, говоритъ она, нежелибъ того другъ отъ друга чаять могли. Госпожа *Бемонтъ* сказывала мнѣ за тайность, что вы открываясь ей въ сердечныхъ своихъ чувствованіяхъ даже и въ то время, когда имѣли о всемъ надежду, оплакивали печальное состояніе моей сестры и мое собственное, касательно закона, и что неоднократно ей объявляли, какъ то говорили и всей нашей фамиліи, что не сдѣлалибы равныхъ предложеній и первъѣйшей въ свѣтъ Принцессѣ.

Чего не должны мы ожидать отъ великой вашей души? Еще повторяю вамъ, мы ласкаемся, что въ вашей власти состоитъ споспѣшествовать нашему щастію, и не можемъ сумнѣваться о вашемъ на то соизволеніи; однако чтобъ изъ всего сего ни произошло, но не переставайте, дражайшій другъ любить вашего, и проч.

ПИСЬМО С.

Миссъ Биронъ къ Милади Ж...

22 Октября.

Мы теперь обстоятельно узнали то дѣло, которое задержало *Сира Карла* въ Нортгamptonѣ. *Г. Фенвичъ*, которой намъ оное рассказывалъ, слышалъ его отъ самаго ненавистнаго *Гревилля*.

Вчера почти въ восемь часовъ поутру сей наглець пошелъ въ ту гостинницу, гдѣ вашъ братецъ остановился и велѣлъ ему сказать, что проситъ его на минуту съ нимъ переговорить. *Сиръ Карлъ* тогда почти уже одѣлся, и далъ приказъ, чтобъ ранѣе сюда поспѣть могли. Онъ принялъ посѣщеніе, о коемъ ему доложено.

Г. Гревиль признается, что его поступокъ былъ нѣсколько надменень, видно, то есть: очень нагло. Я узналъ, государь мой, сказалъ онъ входя, что вы сюда пріѣхали съ тѣмъ, дабы похитить у насъ драгоцѣннѣйшее сокровище, какое токмо имѣемъ мы въ провинціи. Не нужно назвать ее по имени для уразумѣнія моихъ словъ. Я называюсь *Гревилемъ*. Давно уже обращаю я свои старанія къ *Миссъ Биронъ*: хотябъ и Государя имѣлъ

я своимъ совмѣстникомъ, но я положилъ клятву оспоривать мои на нее требованія.

Вы кажетесь человѣкомъ возносивымъ, отвѣчалъ ему *Сиръ Карль*, оскорбленный безъ сумнѣнія его видомъ и словами. *Г. Гревиль* могъ бы обойтись не объявляя мнѣ своего имени. Я объ немъ слышалъ. Я не знаю, государь мой, какія ваши требованія. Ваша клятва ничто для меня не составляетъ. Я въ своихъ дѣлахъ властенъ и ни кому въ нихъ отвѣта давать не обязанъ.

Я предполагаю, государь мой, что намѣреніе, съ коимъ вы сюда пріѣхали, есть то самое, о коемъ я говорилъ. Я испрашиваю вашего отвѣта только на сей вопросъ и испрашиваю онаго какъ благопріятности оказываемой отъ дворянина дворянину.

Вы не такъ поступаете, государь мой, ежели хотите склонить меня, чтобъ васъ обязалъ. Однако я не скрою отъ васъ, что пріѣхалъ сюда въ намѣреніи употребить свои старанія у *Миссъ Биронъ*; надѣюсь что она будутъ приняты, и не знаю ни кого, коего требованія уважать долженъ.

Кавалеръ Грандиссонъ, я знаю ваши свойства. Я почитаю васъ храбрымъ. И по сему свѣденію взираю на васъ, какъ на такого человѣка, съ коимъ изъясниться мнѣ пристойно. Я не изъ *Поллексфеновъ*, государь мой.

Я не вхожу, государь мой, въ то какіе вы, и какими не хотите показаться. Посѣщеніе ваше приноситъ мнѣ честь; но оно мнѣ въ сіе самое время непріятно. Я ѣду завтракать съ *Миссъ Биронъ*; я возвращусь сюда сегоже вечера и буду, имѣть время слышать все, что вамъ ни угодно будетъ говорить о сей или о всякой другой матеріи.

Насъ могутъ разслышать, государь мой. Не сдѣдатели мнѣ милости и не сойдетели со мною въ садъ? Вы ѣдете завтракать съ *Миссъ Биронъ*, говорите вы? Любезный *Кавалеръ Грандиссонъ*, согласитесь, чтобъ я только четыре минуты переговорить съ вами могъ въ саду.

Сего вечера, *Г. Гревиль*, найдете вы меня въ готовности сдѣлать все, что вы ни желаете; но въ сію самую минуту я не хочу быть задерживаемъ.

Я не допущу васъ, Государь мой, до сего посѣщенія, не получа отъ васъ согласія, что вы нѣсколько минутъ поговорите со мною въ саду.

Такъ извинитежъ, *Г. Гревиль*, если я дамъ здѣсь свой приказъ, какъ будтобъ васъ у меня не было. *Сиръ Карль* позвонилъ. Одинъ изъ его слугъ тотчасъ къ нему вошелъ. Готовали карета? Тотъ часъ готова будетъ, отвѣтствовано ему. Поторопитесь. Потомъ вынулъ изъ кармана письмо и прочелъ его, ходя по горницѣ съ великимъ спокойствіемъ и не смотря на *Г. Гревилья*, которой, какъ самъ признается, кусалъ у себя губы, стоя у окошка и съ нетерпѣливостію ожидая, чтобъ слуга вышелъ. И тогда укорительнымъ голосомъ жаловался онъ на такой пренебрегающій поступокъ. Государь мой, сказалъ ему *Сиръ Карль*, можетъ быть вы должны еще благодарить за то, что здѣсь у меня въ покоѣ находитесь.

Такое упорство не пристойно благородному человѣку. Онъ началъ противъ воли своей разгорячаться и изъявилъ величайшую нетерпѣливость какъ бы скорѣе ухъхать. Г. *Гревиль* признается, что съ трудомъ могъ онъ удержаться, усматривая въ своемъ соперникѣ толикое преимущество во взорахъ и во всемъ видѣ. Я повторяю мое требованіе, *Сиръ Карль*: и настою въ томъ, чтобъ вы переговоры со мною только четыре минуты. Вы ни какого права не имѣете того требовать, Г. *Гревиль*. А если думаете, что имѣете; то будетъ время о томъ мнѣ объявить сего дня въ вечеру: но тогда, ежели угодно, выберите другія поступки, если желаете, чтобъ я почиталъ васъ съ собою въ равенствѣ.

Въ равенствѣ, государь мой! Онъ наложилъ руку на свою шпагу. Дворянинъ равенъ и самому Князю, государь мой, въ такомъ дѣлѣ, которое касается до чести. Такъ подитежь и ищите себѣ Князей, Г. *Гревиль*. А я не Князь и вы не больше причины имѣете ко мнѣ относиться, какъ и къ такому человѣку, коего никогда не видали. Въ то время слуга пришедъ доложилъ ему, что карета готова: Государь мой, примолвилъ онъ, я оставляю вамъ во власть сію горницу. Вашъ слуга. Сего вечера я исполяю ваши приказанія.

Одно слово, *Сиръ Карль*, пожалуйста, одно только слово. Чего хочеть отъ меня Г. *Гревиль*? [оборотясь къ нему] Учинилили вы предложенія? Приняты ли онѣ? Я повторяю, государь мой, что иначе должно поступать, ежели хотите имѣть право ожидать отвѣта, на такія вопросы.

Однако я у васъ онаго испрашиваю, государь мой, и сочту сіе за милость.

Сиръ Карль, вынимая часы.... девять часовъ било! я ихъ принуждаю ждать... но вотъ мой отвѣтъ, государь мой. Предложенія я учинилъ и какъ уже вамъ сказалъ, надѣюсь, что они будутъ приняты.

Еслилибъ вы были и со всемъ отмѣнной человѣкъ на свѣтѣ, но тотъ, коего вы видите могъ бы при всемъ томъ усумнишься въ успѣхъ вашихъ домогательствъ къ той особѣ, коея затрудненія кажется умножаются отъ оказываемой ей покорности. Но до тому мнѣнію, какое о васъ имѣю, увѣренъ я, что вы не на удачу сюда пріѣхали. Я страстно люблю *Миссъ Биронъ*. Мнѣ бы не лъзя было и показаться въ своей провинціи, еслилибъ я стерпѣлъ, чтобъ сіе сокровище было изъ оной похищено.

Въ вашей провинціи, Сударь? Въ весьма же тѣсныхъ предѣлахъ вы себя ограничиваете. Но я жалѣю о васъ, что любите столь страстно, ежели...

Вы о мнѣ жалѣете, государь мой? Прерывая *Сира Карла*. Я не люблю етаго возносиваго вида. Словомъ, вамъ должно отречься отъ *Миссъ Биронъ* или оспоривать ее мнѣ по правамъ чести.

Покорной слуга, Г. *Гревиль*.... вашъ братецъ, любезная моя, пошелъ въ низъ.

Тотъ нахаль не преминуль за нимъ пойти, и видя что онъ скоро сядеть въ карету, остановилъ его за руку при многихъ свидѣтеляхъ. Мы примѣчены, сказалъ онъ ему на ухо, выдте со мною на нѣсколько минутъ. Клянусь всемъ, что вы мнѣ въ етомъ не должны отказать. Я не могу снести, чтобъ вы поѣхали отсюда въ такомъ торжествѣ туда, куда васъ дѣла призываютъ.

Сиръ Карль далъ себя вести, и какъ отошли къ сторонѣ, то *Г. Гревиль*, вынуль шпагу, понуждая и вашего брата, чтобъ обнажилъ свою.

Сиръ Карль наложилъ на шпагу руку, но не вынимая ее. *Г. Гревиль*, сказалъ онъ своему непріятелю, не подвергайтесь безъ пользы опасности. Онъ хотѣлъ было возвратиться къ своей каретѣ; но наглець клялся, что ничего не принимаетъ въ замѣну сего произшествія, кромѣ совершеннаго отреченія отъ *Миссъ Биронъ*. А поелику онъ по неистовству своему, какъ *Г. Фенвичъ* по его же словамъ говорить, становился очень опасень; то *Сиръ Карль* обнажилъ свою шпагу.... я умѣю только защищаться; *Гревиль*, вы худо бережетесь, и однимъ замахомъ овладѣль его шпагою, и не причиня ни малаго удара, сдѣлалъ такъ, что она проскользнула изъ его руки. Вы видите, что я могу сдѣлать, сказалъ онъ приставя свою шпагу къ его чреву. Примите жизнь и свою шпагу; но по благоразумію или изъ чести не испытывайте своего жребія.

Не ужели вижу у себя опять свою шпагу, не будучи ранень? Такой поступокъ великодушень. Сего вечера, говорите вы?

Я еще повторяю, что сего вечера готовъ буду исполнить ваши приказанія или у васъ самихъ или въ сей гостинницѣ. Но не говорите мнѣ больше о поединкѣ, государь мой; естлибъ вы знали мои правила...

Какъ ето можно! (съ клятвою) какъ могу я забыть сіе жестокое для меня произшествіе?.. не обнаруживайте моего поступка въ замкѣ *Сельби*... Какъ ето можно? Мы здѣсь увидимся сего вечера. Онъ удалился съ видомъ пораженнымъ крайнимъ уныніемъ.

Сиръ Карль вмѣсто того, чтобъ возвратиться прямо къ своей каретѣ, пошелъ въ свои покои, написалъ извинительное письмо моей тетушкѣ; ибо очень уже опоздалъ пріѣхать сюда въ тотъ часъ, въ которой намѣрялся; и чувствуя что былъ несколько растроганъ такъ какъ и самъ въ письмецѣ признался, проѣзжался онъ въ каретѣ до самага обѣденнаго времени.

Сколько бы у насъ было безпокойства, естлибъ знали, что онъ извинялся въ томъ, что съ нами отужинать ему не лзя токмо для того, дабы видѣться съ тѣмъ нахаломъ въ *Нортгамтоняѣ*? *Г. Фенвичъ* рассказываетъ, что *Г. Гревиль* склонилъ его сего вечера ему сопутствовать. *Сиръ Карль* весьма учтиво имъ извинился, что принудилъ себя нѣсколько дожидать. Хотялбъ *Гревиль* и имѣлъ злыя намѣренія; однако въ правой своей рукѣ столько чувствовалъ онъ то дѣйствіе, которое его обезоружило, что не могъ бы ею владѣть. Но онъ откровенно признался

что *Сирь Карль* поступилъ благородно возвратя ему шпагу въ томъ самомъ жару, въ коемъ еще его видѣлъ и не сдѣлавъ ни какого другаго употребленія своею. Не вдругъ рѣшился онъ объясниться съ нимъ съ сею умѣренностію и ни что столько не способствовало къ успокоенію его, какъ извѣщеніе поданное ему отъ его супротивника, что онъ не рассказывалъ намъ о семъ приключеніи и что въ томъ полагается на него самаго. Такой великодушной поступокъ столько его поразилъ, что онъ началъ его хвалить и свидѣтельствовать свою благодарность. *Фенвичъ*, примолвилъ онъ, расскажетъ все сіе въ замкѣ *Сельби* не утаивая ни чего хотя оно будетъ служить столько же къ моему стыду, сколько къ вашей чести; но чтобъ сіе не навлекло мнѣ ненависти отъ *Миссъ Биронъ*. Запальчивость лишила меня всѣхъ выгодъ. Я буду усиливаться уважать васъ, *Сирь Карль*, но не могу удержаться, чтобъ не имѣть къ вамъ ненависти, естли вы въ своихъ намѣреніяхъ успѣете. Однако я предлагаю такое условіе, чтобъ вы возстановили меня въ замкѣ *Сельби* и въ мысляхъ *Миссъ Биронъ*, и естли получите желаемый вами успѣхъ; то да позволено мнѣ будетъ разгласить, что сіе сдѣлано съ моего согласія. Они разстались весьма учтиво, проводя вмѣстѣ часть ночи. *Сирь Карль*, какъ *Г. Бельшеръ* и *Докторъ Барлетъ* многократно намъ говорили, всегда имѣлъ искусство перемѣнять въ усердные себѣ друзья самыхъ смертельныхъ враговъ. Должно благодарить Бога, что окончаніе сего дѣла не было злополучно. *Г. Фенвичъ* присовокупляетъ, что оное приключеніе ее очень разгласилось. Я не менѣе за сіе благодарю Бога. *Г. Гревиль* отрекся отъ всего, когда ему о томъ говорили. Теперь онъ объявляетъ, что хочеть оставишь всю надежду въ разсужденіи *Миссъ Биронъ*; но что *Сирь Карль* есть одинъ токмо такой человѣкъ въ Англіи, коему онъ можетъ уступить свои требованія. Какъ я рада. Любезная *Милади* что всѣ яростныя движенія сего неистоваго человѣка столь щастливо прекращены!

Мы ожидаемъ съ часу на часъ вашего братца. Новая опасность, коей онъ за меня подвергался, содѣлываютъ его намъ гораздо любезнѣйшимъ, нежели прежде. Какъ можно намъ удержаться, сказалъ мнѣ дядюшка, чтобъ не бросишься къ нему въ объятія, когда онъ придетъ спрашивать, какое слѣдствіе вывели мы изъ нашихъ разсужденій? Ежели послѣдовать мнѣ совѣту *Г. Дина*, то я должна по первому слову предложить ему свою руку. Обѣ мои сестры совѣтуютъ мнѣ, чтобъ я не принуждала его просишь оной два раза; бабушка и тетушка, кои всегда непремѣнны въ своемъ благодушіи, говорятъ чтобъ поступаемо было сообразуясь съ случаемъ и чтобъ совѣтовались съ моимъ благоразуміемъ, на которое, какъ говорятъ по своему ко изъ благоразположенію, могутъ онъ полагаться; но чтобъ паче всего избѣгать принужденности въ толико лестномъ упованіи, любезная *Милади*, еще нѣчто смущаетъ мое сердце,

[думаетели чтобъ то иначе быть могло:] въ разсужденіи нѣжной и благородной *Клементины*.

ПИСЬМО СІ.

Миссъ Биронъ къ Милади Ж....

Того же дня, въ вечеру.

Теперь, любезнѣйшія мои, ибо бесполезно повторять, что я не пишу ни чего такого къ одной, что бы равно не касалось и до другой, должна я предоставить вашему одобренію или осужденію все что ни произошло между превосходнѣйшимъ изъ человѣковъ и между нашею *Генриеттою*: щастлива буду, естли голоса его сестръ преклонятся на мою сторону.

Сиръ Карль пріѣхалъ сюда почти къ полудни. Мы всѣ поздравляли его тѣмъ, что слышали отъ *Г. Феньвича*. Онъ сказалъ намъ, что теперь въ наилучшей связи находится онъ съ *Г. Гревилемъ*.

Объяснившись съ скромностію въ семъ приключеніи началъ онъ гораздо тише говорить моей бабушкѣ: я надѣюсь, *Сударыня*, что мнѣ будетъ позволено возобновить опять въ вашемъ присутствіи вчерашній разговоръ съ *Миссъ Биронъ*. Нѣтъ, государь мой, отвѣчала она съ нѣкоею принужденною важностію, сего вамъ не позволять. Онъ показался весьма изумленнымъ, и даже нѣсколько тронутымъ.... моя тетушка также изумилась, но менѣе нежели въ такомъ случаѣ, когдабъ не знала, какія пріятности сія изящная родительница подаетъ иногда своимъ мыслямъ. Сего мнѣ не позволять, повторилъ *Сиръ Карль*. Нѣтъ, государь мой, отвѣчала она ему вторично. Но прибавя тотчасъ къ сему, что не хочетъ его долго держать недоумѣніи, продолжала она: въ таковыхъ дѣлахъ мы всегда въ етомъ относились къ нашей *Генриеттѣ*. Она благоразумна. Сердце ея весьма благодарно. Мы оставимъ васъ вмѣстѣ съ нею, когда она захочетъ, слышать наши разсужденія о семъ важномъ предметѣ. *Генриетта* чуждается всякаго притворства; она обязана будетъ говорить за самага себя, когда увидитъ, что ни я ни ея тетушка свидѣтелями при семъ не будемъ. Вы знаете другъ друга не со вчерашняго дня. Я ласкаюсь, государь мой, что вы не станете жалѣть получа случай....

А *Миссъ Биронъ* и я не можемъ, *Сударыня*, желать отсудствія двухъ свидѣтелей толико любезныхъ и почтенныхъ. Но я смѣю почитать вашу мысль за благопріятное предзнаменованіе, и обратясь къ моей тетушкѣ спросилъ ее, не можетъ ли онъ по ея ходатайству надѣяться чтобъ немедленно вступить со мною въ разговоръ. Тетушка отвела меня къ сторонѣ, и сказала, чего онъ желаетъ. Я не мало была изумлена: но какъ она мнѣ призналась, что и сама она не въ меньшемъ изумленіи и что сіи слова моей бабушки казалось ей происходили отъ излишней ея радости,

то и дала мнѣ замѣтить, что очень уже поздно отъ того отказаться. Какъ! Сударыня не могла я удержаться, чтобъ ей не отвѣчать, вы меня ведете къ *Сиру Карлу*, по его желанію, какъ будто бы онъ ожидаетъ, чтобъ ему слѣдовали. Посмотрите, какъ уже дядюшка на меня смотритъ. Всѣ устремили на меня свои взоры. Мы увидимся, если нужно, послѣ обѣда и какъ бы случайно. Но я лучше бы желала, чтобъ вы и бабушка при насъ находились. Я не намѣрена поступать принужденно. Я знаю мое сердце, и не хочу чтобъ укрывались его чувствованія. Можетъ быть случатся такія обстоятельства, въ коихъ буду имѣть въ васъ нужду. Я приду въ смущеніе; я не смѣю на себя положиться. Можетъ быть желала бы я, сказала мнѣ тетушка, чтобъ сіи слова бабушка не говорила. Но, любезная племянница, надобно за мною идти. Я пошла за нею, однако съ нѣкоею неохотою и съ пораженнымъ видомъ, какъ *Люція* меня увѣряетъ чтобъ дать всѣмъ знать, что я иду оттуда съ тѣмъ, дабы единъ на единъ говорить съ *Сиромъ Карломъ*. Тетушка довела меня до самага моего кабинета и тамъ меня посадила. Она хотѣла уже меня оставить. Очень хорошо, Сударыня, сказала я ей. Видно должно мнѣ здѣсь оставаться до тѣхъ поръ, какъ угодно будетъ *Сиру Карлу* сюда придти. Сдѣлала ли бы это *Клементина*?

Ни слова о *Клементинѣ*, по крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ, возразила тетушка, сіи слова могли бы показаться ребяческими и васъ сочли бы неблагодарною. Я приведу къ вамъ *Сира Карла*. Она вышла; но тотчасъ возвратилась и превосходнѣйшій изъ человѣковъ вошелъ съ нею: а она тотчасъ удалилась.

Онъ взялъ меня за руку съ такимъ почтеніемъ, коимъ бы я во всякое другое время могла гордиться. Я рѣшилась возвратить всю свою бодрость, и если можно, весь свой разумъ. Что касается до него, то не видѣла, чтобъ что не доставало ему бодрости: однако скромность и вѣжливость смягчали его величавый видъ и сродное ему достоинство. Другіе, какъ я воображаю, стали бы съ сначала удивляться нѣкоторымъ моимъ картинамъ, кои, какъ вы знаете, составляютъ единое украшеніе моего кабинета: но *Сиръ Карлъ*, поздравя меня съ полученіемъ лучшаго цвѣта въ лицѣ, какъ бы въ намѣреніи меня ободрить, [ибо дѣйствительно чувствовала я, что лице мое горѣло:] прямо обратился къ своей матерѣ.

Безполезно, какъ я увѣренъ, повторятъ *Миссъ Биронъ* то, что я говорилъ о такомъ положеніи, которое бы могло почестся раздѣломъ сердца или двоякою любовію. Я не стану повторять, засвидѣтельствованія моего подобострастія, которое вмѣняю себѣ въ честь, и всегда сохранять буду къ удивленія достойной Иностранкѣ. Ея достоинства и величіе души вашей всѣ таковыя изъясненія дѣлаютъ бесполезными. Но нужно, да и я по совершенной справедливости сказать вамъ могу что душа моя не столь для меня дорога, какъ *Миссъ Биронъ*. Вы видите, Сударыня, что я относительно до обстоятельствъ моихъ въ

Италіи, совершенно свободенъ, свободенъ по выбору и произволению добродѣтельной *Клементины*, коей вся фамилія основываетъ отчасти свое благополучіе на успѣхѣ тѣхъ стараній, кои мнѣ позволено вамъ оказывать. *Клементина* желаетъ моего брака и требуетъ только того, чтобъ я своимъ выборомъ не привелъ ее въ стыдъ за тѣ чувствованія, кои ко мнѣ имѣла.

При сихъ словахъ онъ остановился, какъ бы ожидая отвѣта и смотря на меня съ видомъ сумнѣнія. Я потупила глаза. Онъ одинъ можетъ сказать, какова я казалась и какъ тогда себя вела; но я недоумѣвала, голосъ мой былъ дрожащъ, колѣна мои тряслись: и думаю, что тогда почти етотъ отвѣтъ ему сказала, не отнимая руки своей отъ него, хотя въ продолженіе моей речи онъ неоднократно прижималъ ее къ своимъ устамъ: честь *Сира Карла Грандиссона* ни когда небывала да и быть не можетъ подозрѣваема. Я признаюсь... подтверждаю... Въ чемъ признается, что подтверждаетъ любезная моя *Миссъ Биронъ*? Положитесь съ равнымъ увѣреніемъ на мою честь и признательность. А есть ли въ чемъ нибудь начинаете сумнѣваться, то пожалуйте мнѣ изъясните. Я не иначе стремлюсь преклонить къ себѣ ваше сердце какъ объясненіемъ и уничтоженіемъ всѣхъ вашихъ сумнѣній. Я бы желалъ, чтобъ могъ ихъ объяснить въ вашу пользу: и это уже сдѣлалъ.

Я узналъ, что онѣ могли быть такого рода, какія по единой своей великодушной благости и по надѣянью на мою честь удобно бы вамъ было преодолѣть: и уразумѣлъ къ ущербу моей надежды, что естлибы сердце той особы, коея почтеніе пріобрѣсти стараюсь, было въ такомъ состояніи, въ какомъ я находился; то сіе бы собственную мою разборчивость оскорбляло. Теперь говорите, признавайтесь и подтверждайте, дражайшая *Миссъ Биронъ*, то что было хотѣли мнѣ сказать.

Я признаюсь, государь мой, и признаюсь съ таковымъ же чистосердечіемъ, какъ вы, что я ослѣплена, и сказать еще приведена въ смущеніе достоинствами и превосходствомъ знаменитой чужестранки, которую уважать вмѣняете вы въ славу.

Радость показалась мнѣ, блистала въ его взордхъ: онъ наклонился къ моей рукѣ; и еще прижалъ ее къ своимъ устамъ; но не сказалъ ни слова, или съ намѣренія или отъ того, что дѣйствительно лишился употребленія голоса. Я продолжала свою речь, хотя слабымъ голосомъ, краснѣя и потупляя взоры. Я не менѣе ее полагаюсь, государь мой, на вашу честь, справедливость, снисходительность и нѣжность. Ваши свойства и правила будутъ надежными поручителями для всякой женщины, которая станетъ стараться заслуживать ваше почтеніе. Но я такое высокое мнѣніе имѣю о *Клементинѣ* и о ея поступкахъ, что страшусь.... Ахъ! Государь мой, я страшусь, чтобъ было можно...

Голосъ мой пресѣкъся: я увѣрена, что говорила съ откровенностію, и что всѣ внѣшніе признаки тому соотвѣтствовали, или сердце мое и лице ни когда одно съ другимъ не сходствовали.

Чего страшится любезная моя *Миссъ Биронъ*? Чего страшится она невозможнаго?

Будучи съ таковою нѣжностію понуждаема, государь мой, отъ такого человѣка, какъ вы, для чего мнѣ не изъясниться? Бѣдная *Генріетта Биронъ*, въ той справедливости какую себѣ отдаетъ и въ той мысли какую имѣетъ о сей несравненной Иностранкѣ, страшится, государь мой, страшится по причинѣ, чтобъ при всѣхъ своихъ стараніяхъ, при всѣхъ усиліяхъ не казалась самой себѣ такою какою должно ей быть для своего спокойствія и для благополучія въ своей жизни, съ какимъ бы великодушіемъ ни старались вы сами ободрять ее. Таково мое опасеніе, государь мой, единственное мое опасеніе!

Великодушная, благородная и неподражаемая *Миссъ Биронъ*! (съ видомъ и голосомъ восхитительнымъ) такъ въ семъ одномъ заключается ваше опасеніе! Ничего не будетъ не доставать къ щастію того человѣка, которой предъ вами находится: ибо онъ не сумнѣвается, чтобъ онъ, ежели судьбою опредѣлена ему жизнь, не учинилъ васъ щастливѣйшею женщиною. *Клементина* совершила славное дѣяніе: она всему въ свѣтѣ предпочла свой законъ и отечество: таковое засвидѣтельствованіе во всю свою жизнь я ей отдавать буду: но признательность моя не должна ли усугубиться къ *Миссъ Биронъ*, которая не бывъ подвержена разнымъ искушеніямъ, имѣя однако чувствительнѣйшее изъ всѣхъ сердце, оказываетъ въ мою пользу такую откровенность, которая поставяетъ ее превыше всякихъ маловажныхъ обрядовъ, превыше всякаго притворства, и купно изъявляетъ *Клементинѣ* такое великодушіе, коему можетъ быть никогда не бывало примѣра?

Тогда онъ сталь предо мною на колѣно, и сжавъ мою руку въ своихъ поцѣловаль ее трижды.

Повторяйте, повторяйте еще, любезнѣйшая *Миссъ Биронъ*, что въ семъ единомъ все ваше опасеніе заключается. Сколь мнѣ легко исполнять свою обязанность! Будьте увѣрены, Сударыня, что я отрицаюсь во всю мою жизнь отъ всякаго такого дѣянія, всякой мысли, которая бы не клонилась къ уничтоженію сего опасенія.

Я все сіе одобрила наклоненіемъ своей головы. Мнѣ не можно было говорить: и платокъ, которой поднесла я къ своимъ глазамъ, весьма былъ мнѣ полезенъ.

Любезная *Миссъ Биронъ*, продолжалъ онъ съ такимъ жаромъ, коею изобразить я ни какъ не могу, вы чрезвычайно милостивы. Я не приближался къ вамъ безъ недовѣрія о самомъ себѣ и безъ боязни; ибо никто лучше меня не знаетъ, сколь нѣжно и разборчиво ваше сердце: я

страшился, чтобъ оно въ такомъ случаѣ не противопоставило мнѣ какихъ сумнѣній. Во всю мою жизнь буду я исполненъ къ намъ благодарностію.

Тогда онъ еще поцѣловаль мою руку и всталъ съ таковою же пріятностію какъ и достоинствомъ. Естьлибъ я послѣдовала движеніямъ своего сердца, то колѣнопреклонно приняла бы его объты. Но я была какъ неподвижная. Однако мнѣ казалось, что я довольно изъясляла радости о томъ что его оною исполнила: Принесла радость вашему братцу, любезная *Милади, Сиру Карлу Грандиссону!*

Онъ примѣтилъ, что я очень была тронута, мои чувствованія и въ самомъ дѣлѣ по мѣрѣ размышленія увеличивались. Онъ мнѣ сказалъ спокойнымъ голосомъ: я оставляю васъ, любезнѣйшая *Миссъ Биронъ*, и иду принять поздравленія отъ всѣхъ общихъ намъ друзей. По толикой неизвѣстности и по столь многихъ странныхъ происшествіяхъ съ сего самаго часа буду я считать дни моего благополучія.

Онъ меня оставилъ съ видомъ нѣжнымъ и почтительнымъ. Я на это не досадовала. Однако глаза мои за нимъ слѣдовали; я даже съ удовольствіемъ взирала и на тѣнь его, когда онъ сходилъ въ низъ по лѣстницѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ пришла ко мнѣ тетушка. Она застала меня въ глубокой задумчивости. Я укоряла себя съ начала излишнею торопливостію въ семъ дѣлѣ, потомъ сама себя оправдывала, или по крайней мѣрѣ думала, что оправдать себя могла, и прилагая премоноія лестныя обстоятельства къ своимъ укоризнамъ и оправданіямъ усмотрѣла изъ оныхъ, что вѣчно должна я благословлять свою участь.

Такова на примѣръ была мысль о родственникахъ и друзьяхъ, коихъ я пріобрѣту; равно сколь это будетъ лестно моимъ родственникамъ. Но *Емилиа*, любезная моя *Емилиа!* Я почитала ее своею питомицею, равно какъ и онъ. Въ сихъ мысляхъ застала меня тетушка: она вывела меня изъ задумчивости, заключа меня въ свои объятія: и похваляя меня опровергла всѣ сумнѣнія о излишней торопливости, къ коей себя обвиняла: она говорила мнѣ, какъ всѣ наши родственники взаимно другъ друга поздравляли сею новостію, и сколько тому радовались. Сколько довѣренности къ самой себѣ почувствовала я отъ ея одобренія? И увѣрясь, что дядюшка будетъ меня хвалить а не издѣваться надо мною, сошла я въ низъ съ большею бодростію чемъ шла къ себѣ на верхъ.

Сиръ Карлъ и бабушка, сидя одинъ подлѣ другой разговаривали, когда я въ нимъ вошла. Всѣ увидя меня встали. О моя дорогая! Какое отличіе придаетъ мнѣ любовь такого человѣка! Сколь умножилось то уваженіе, какое вся фамилія до дружеству своему мнѣ оказывала. Дядюшка мой не могъ успокоиться не обременя меня своими ласками. Онъ напередъ всѣхъ ко мнѣ подошелъ и привѣтствовалъ меня многими нѣжными выраженіями. *Сиръ Карлъ* давъ ему время себя удовольствовать подошелъ ко мнѣ съ видомъ изъясляющимъ почтительнѣйшую любовь:

и взявъ меня за руку посадилъ въ креслы между бабушкою и собою. Обожаемая дочь! сказала мнѣ сія любезная и нѣжная родительница, принявъ меня въ свои объятія, ты совершенно соотвѣтствовала тому мнѣнію, какое я о тебѣ имѣю. Я была увѣрена, что могу положиться на такое сердце, которое превышаетъ всякое притворство и скрытность. Я ей отвѣчала, что великодушіе *Сира Карла Грандиссона* ободрило меня въ смущеніи и во всѣхъ моихъ сумнительствахъ. Онъ клялся [сжимая мою руку въ своихъ, а бабушка держала меня за другую:] что естьлибъ Небо не даровало ему *Миссъ Биронъ* предметомъ всей его надежды; то онъ никогда бы уже не сталъ помышлять о бракѣ по случившихся ему въ Италіи огорченіяхъ. Я прошу у васъ одной милости, государь мой, предпріяла моя бабушка; не употребляйте ни когда такихъ постороннихъ словъ, когда хотите означать особъ именемъ ихъ отечества, словомъ, не говорите ни когда о удивленія достойной *Клементинъ* съ такою скрытностію. Не смущайтесь, государь мой, когда хотите произнести ея имя при *Генріеттѣ*, при мнѣ и дочери моей *Сельби*. Вы свободно оное выговаривать можете. Мы ее всегда почитали и не перестанемъ въ ней имѣть того уваженія, которое она заслуживаетъ по достопамятному примѣру поданному ею своему полу. Государь мой, сказала я наклонясь къ нему: я къ сему и свою прозъбу присовокупляю. Тетушка, слыша часть нашего разговора, подошла къ намъ и тоже самое ему говорила. *Милади Ж...* примолвила она, вамъ засвидѣтельствуеть, государь мой, что мы прося у васъ всѣ трое сей милости, не имѣемъ столь подлаго сердца, чтобъ тѣмъ думали оказать вамъ какое похлѣбство. Онъ отвѣчалъ, что о томъ и помыслить не можетъ; что ваше великодушіе приноситъ самимъ намъ столько же чести какъ *Клементинъ*; что онъ опишетъ *Г. Иерониму* нѣкоторыя изъ тѣхъ обстоятельствъ, кои приносятъ ему сердечное веселіе; что онѣ составятъ щастіе его любезнаго друга и что превосходная *Клементина* тѣмъ паче имѣть будетъ отъ того удовольствія, что желала быть увѣрена, дабы по породѣ и душевнымъ совершенствамъ тотъ человѣкъ, коего она почтила своею склонностію, ничего не говорилъ въ избраніи себѣ достойнаго предмета въ своемъ отечествѣ.

Станемъ просить Бога, любезная моя *Милади*, чтобъ свѣтъ озаряющій благополучіе наше не затмился новыми тучами. Но я ни чего не опасаюсь. Я буду съ признательностію наслаждаться настоящимъ временемъ, а будущее оставляю въ волю Зиждителя всяческихъ. Если братецъ вашъ будетъ моимъ супругомъ: ежели его чувствованія моимъ соотвѣтствуютъ; то чтобъ могло мнѣ случиться такого, чему бы я съ надѣяніемъ на него не подверглась? Но любезнѣйшія сестрицы, позвольте мнѣ предложишь вамъ еще два вопроса.

Скажите мнѣ, помнителі вы чтобъ опасеніе и неизвѣстность причиняли мнѣ когда либо мученіе? Дѣйствительноли существовалъ

тотъ, которой назывался *Сиромъ Гарграфомъ Поллексфеномъ*? Не рассказывала ли я вамъ своихъ сновъ, когда такъ говорила, что, какъ воображала себѣ, претерпѣла я отъ его гоненій? Нужно мнѣ къ сохраненію справедливаго мнѣнія о уничтоженіи, дабы всѣ таковыя страданія, всѣ мученія соблюдались письменно въ моихъ повѣствованіяхъ, а иначе могла бы я теперь забыть, что почитала себя нѣкогда злополучною.

Да пожалуйста скажите мнѣ, не можетели мнѣ объявить, куда скрылась моя болѣзнь? Я очень была не здорова, вы это помните, *Милади Ж...* когда вы изволили пробыть у насъ нѣсколько дней; такъ не здорова, что не могла того скрыть ни отъ васъ ни отъ другихъ моихъ друзей, хотя весьма того желала. Я не воображала, чтобъ сія немощь была такая, коей излѣченіе зависитъ отъ сердечнаго удовольствія. Я столь была увѣрена о достоинствахъ *Клементины* и о правахъ, какія она имѣла на качества *Милади Грандиссонъ*, что въ такомъ убѣжденіи, какъ казалось, довольно благоразумно успокоила свое сердце. Я еще думаю, что не излишне рано начала ласкаться надеждою, любезная моя, я чувствую, что стала теперь такъ легка, свободна и щастлива, что ничего не понимаю въ сей перемѣнѣ, и надѣюсь что никто не примѣтитъ уже во мнѣ той болѣзни, отъ коей я освободилась.

О! естлибъ какое обманутое сердце онаго недуга не чувствовало: и паче всего желаю, чтобъ оной не заразилъ кого въ Италиі! Любезная особа, которую мы тамъ знаемъ, премного уже претерпѣла отъ злѣйшей немощи. Естли же таковая немощь остановится въ нашемъ островѣ; то да не коснется она нѣжнаго сердца моей *Емилиі*! Сія любезная сердцу моему дѣвица будетъ щастлива, естли ея щастіе зависитъ отъ меня. Возьмите на себя трудъ, мои сударыни, ее въ томъ увѣрить. Но нѣтъ, не дѣлайте етаго. Я при первой почтѣ сама о томъ постараюсь. Я молю Бога, чтобъ сіе самое зло не постигло *Милади Анны С...* и ни единой изъ тѣхъ особъ, о коихъ я слышала съ толь малымъ удовольствіемъ.

ПИСЬМО СІІ.

Миссъ Биронъ къ той же.

15 Октября.

Я вамъ не сказывала, моя любезная, что *Сиръ Карлъ* обѣщаль *Г. Гревиллю* примириться съ нимъ въ замкѣ *Сельби*, два дня не говорилъ намъ о томъ ни слова, и что по своему предложенію, хотя оное выразилъ со всякою пріятностію и всевозможною осторожностію видѣлъ онъ нѣкія затрудненія со стороны моего дядюшки и моихъ двоюродныхъ сестрицъ; но въ чемъ можно у насъ отказать *Сиру Карлу*. Наконецъ соглашенось, чтобъ они увидѣлись въ церквѣ въ Воскресенье по утру, и чтобъ оказали

они тамъ учтивыя привѣтствія, по коимъ бы намъ можно было принять ихъ посѣщеніе послѣ обѣда.

А какъ всѣ у насъ въ уѣздѣ знаютъ, что *Кавалеръ Грандиссонъ* пріѣхалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ снискать у моей фамиліи благосклонное одобреніе его предпріятій касательно одной молодой дѣвицы, коей здѣсь всѣ желаютъ щастія, то церковь наполнилась множествомъ любопытныхъ людей, кои съ великою нетерпѣливостію желали его видѣть. Они почли себя обманутыми, увидя что вошла только тетушка моя, веденная *Г. Диномъ*, я съ дядюшкою и обѣ мои сестрицы, коихъ вель ихъ братецъ; но скоро по томъ увидѣли и *Сира Карла*, которой вошелъ съ господами *Гревилемъ* и *Фенвичемъ*. Они всѣ трое сѣли на скамьѣ супротивъ насъ: *Г. Гревиль* и *Фенвичъ* напередъ всего стали намъ кланяться, между тѣмъ какъ *Сиръ Карлъ* заблагоразсудилъ свыше всякихъ обрядовъ уважить другія должности. Онъ всегда, какъ вы говорите, былъ чуждъ ложнаго стыда. Я съ веселіемъ взираю на него, когда онъ подавалъ собою таковой примѣръ. По томъ обратился онъ къ намъ и изъявилъ свое почтеніе съ такою пріятностію, что я и выразить оной достаточно не могу. Краска появилась у меня на лицѣ отъ речей находящихся около насъ особъ, кои ему удивлялись. Такое мнѣніе казалось мнѣ, видѣла я въ очахъ всѣхъ вообще, и даже сквозь вейеры нѣкоторыхъ госпожъ. Какое различіе между имъ и теми господами, судя по ихъ поступкамъ во время Богослуженія! Однакожъ кто бы когда видѣлъ тѣхъ двухъ особъ толь скромными, внимательными, и могу даже сказать подобострастными? Пусть всѣ, имѣющіе нѣкое превосходство надъ другими, ведутъ себя какъ вашъ братецъ: тогда не сумнѣваюсь я, чтобъ свѣтъ не сталъ лучше. По окончаніи службы *Г. Гревиль* отперъ дверцы у своей скамьи, дабы расположить свои движенія сообразно съ нашими, и когда увидѣлъ, что мы почти уже выходили, то взявъ съ почтеніемъ руку *Сира Карла*, подошелъ къ намъ. *Сиръ Карлъ* встрѣтилъ насъ у дверецъ нашей скамьи. Онъ подступилъ къ намъ съ необычайною пріятностію и почтительно подалъ мнѣ свою руку. Это значило тоже что и явное объявленіе его любви. Да и всѣ такъ о томъ подумали. *Г. Гревиль* будучи смѣлъ въ своей подлости, сдѣлалъ нѣкое движеніе, какъ будтобы уступилъ вашему брату ту руку которую онъ принялъ: и будучи увертливѣе змѣя, говорилъ смотря на свою руку, которую по прошедшему происшествію принужденъ еще онъ былъ держать за камзолъ, скверная моя лошадь не была послушна своему господину. Я имѣю честь быть къ вамъ, Сударыня, къ чаю сего вечера. Вы мнѣ окажете милость естли сами поможете бѣдному безрукому.

Не можно желать, хотябы и хотѣли, чтобъ въ провинціи не разглашались и самомалѣйшія происшествія. Наши люди сказали намъ, что всѣ всѣ вообще хвалили вашего брата. Чрезвычайно пріятно,

любезная моя, когда домогается моей руки такой человѣкъ, коего всѣ хвалятъ.

Въ Воскресенье съ вечеру.

О! любезная моя *Милади*. Сколько етотъ *Гревиль* меня разстроилъ! Странной человѣкъ!

Онъ не преминулъ придти съ другомъ своимъ *Фенвичемъ*: мы его приняли весьма учтиво. Вы знаете, что онъ хвалится остроуміемъ, и старается всегда изыскивать изреченія. Есть такіе люди, кои не могутъ имѣть въ семьъ удачи безъ другаго какого человѣка, на коего бы всѣ ихъ шутки клонились. *Фенвичъ* и онъ долго подшучивали другъ надъ другомъ. Братецъ вашъ нѣсколько разъ тому улыбался: но какъ объ нихъ ни мыслилъ, однако не оказалъ имъ нималаго презрѣнія. Но наконецъ бабушка и тетушка вступили съ нимъ въ разговоръ, которой учинилъ сихъ двухъ особъ столь молчаливыми и внимательными, что естлибъ они по временамъ между собою не забывали своего положенія, то можнобъ было почестъ ихъ способными къ нѣкоей скромности.

Ни кто еще не заговаривалъ о томъ, что произошло въ Нортгэмптонѣ, и *Г. Гревиль* началъ самъ сію важную матерію. Онъ у меня просилъ аудіенціи на десять минутъ: ето точныя его слова. А какъ онъ объявилъ, что оная будетъ послѣднею, какую токмо у меня касательно сего самаго дѣла просить станеть; то бабушка мнѣ сказала: одолжи, *Г. Гревилья*, душа моя; и я согласилась отойти съ нимъ къ окну. Думаю, что могу упомнить его речь, не перемѣняя почти ни чего изъ его выраженій. Онъ не такъ тихо говорилъ, чтобъ прочіе не могли его разслушать, хотя и вслухъ мнѣ сказалъ, что желаетъ дабы я одна только его слышала.

Я долженъ себя почитать весьма несчастнымъ, Сударыня, что никогда не получалъ отъ васъ ни малѣйшихъ знаковъ благопріятствія. Вы станете меня обвинять въ тщеславіи; я не чуждъ сей страсти. Но почто отрицать тѣ выгоды и качества, кои всѣ мнѣ приписываютъ? Я владею такимъ имѣніемъ, которое позволяетъ мнѣ искать себѣ супруги между знатнѣйшими особами: оно свободно и ни какому сумнѣнію не подлежитъ. Я не худова свойства. Правда, я люблю шутить, въ етомъ согласуюсь; но могу имѣть приверженность къ своимъ друзьямъ. Вы, добродѣтельныя женщины не менѣе любите мужчину за нѣкія недостатки, кои онъ вамъ предоставляетъ къ его исправленію. Я бы могъ сказать очень много въ свою пользу, естлибъ *Кавалеръ Грандиссонъ*, [взглянувъ на него] совершенно меня не помрачалъ. Хотъ бы мнѣ провалиться, естли я хотя малое имѣю о себѣ мнѣніе передъ нимъ. Я его всегда страшился. Но когда онъ слѣдуя инной любви изъ Англіи поѣхалъ; то я ласкался изъ того получить себѣ выгоду.

Съ другой стороны однако боялся еще нѣсколько *Милорда Д...* Мать его такъ искусна какъ *Макіавель*. Онъ имѣеть нещетныя богатства и титуло. Его качества, для знатнаго господина, весьма хороши. Но видя, что и онъ не болѣе меня имѣлъ щастія и также отвержень, говорилъ я въ в себѣ; должно нѣотменно быть такому, кого она любить. *Фенвичъ* не болѣе меня стоитъ; ето не можетъ быть *Фенвичъ*. *Ормъ* етотъ бѣднякъ! Еще и болѣе не лзя статья, чтобъ то былъ смиренникъ *Ормъ*.

Я прошу васъ, государь мой... прервала я его речь и хотѣла было защищать *Г. Орма*: но онъ вдругъ пресѣкъ мои слова и сказалъ съ наглостію, что хочеть дабы его слушали, что ето есть речь на смерть его произносимая, и что я съ обидою ему прерываю его слова. Такъ доводите ее, Сударь, сказала я съ усмѣшкою, скорѣе жъ заключительной молитвѣ.

Я вамъ прежде сказывалъ, *Миссъ Биронъ*, что не могу сносить вашихъ усмѣшекъ. А теперъ, хоть усмѣхайтесь хоть кажетесь строгою; но я твердо намѣренъ огорчать васъ до тѣхъ поръ, пока неокончимъ начатой разговоръ.

Огорчать меня! Я надѣюсь, Сударь... Вы надѣетесь! что значить ваша надежда когда вы мнѣ никогда и тѣни оной не подавали? Но послушайте меня. Я буду говорить вамъ о премногомъ, которое вамъ не очень покажется нравно, и при томъ съ совершеннымъ равнодушіемъ Я продолжилъ допытываться того щастливаго человѣка. *Фулеръ*, етотъ второй *Ормъ*: нѣтъ, говорилъ я, ему имъ быть не лзя. Не новоприбывшій ли ето гость, разумной *Бельшеръ*? [я велѣлъ замѣчать всѣ ваши движенія, какъ о томъ васъ и предувѣдомилъ.] Нѣтъ отвѣчалъ я самому себѣ, она отвергла *Милорда Д...* и цѣлые легионы домогателей, прежде возвращенія *Бельшера* въ Англію.

Ктожь бы ето былъ! Но когда сей опасной человѣкъ, которой по моему мнѣнію отправился изъ отечества съ тѣмъ, дабы вступить въ супружество съ Иностранкою, возвратился обратно холостъ, и какъ я узналъ, что онъ поѣхалъ къ *Севѣру*; то началъ паки всего отъ него страшиться.

Въ прошлой четвертокъ я получилъ извѣстіе, что по утру видѣли его въ *Дюнстаблѣ*, и что онъ идетъ къ нашему уѣзду. Я лишился всей бодрости. У меня разосланы были лазутчики по всѣмъ окрестностямъ замка *Сельби*. Чего не могутъ сдѣлать любовь и ревность? Я увѣдомился что вашъ дядюшка и *Г. Динъ* ѣхали ему на встрѣчу. Ярость моя была не удобопонятна. Сколько не произнесъ я заклинаній и ругательствъ! Однако я судилъ, что при первомъ посѣщеніи не позволять жить моему сопернику въ одномъ домѣ съ етою прелѣстною колдуньею....

Какое названіе? Государь мой. Колдунья, такъ колдунья, въ ярости своей называлъ я ее премногими именами, *Дмитрей*, *Фома*, *Егоръ* принесите мнѣ тотчасъ зазжеенныхъ факеловъ: я хочу поджечь замокъ *Сельби* и представить изъ того потѣшные огни для призда хищника

моего блага. Я возьму крюки и вилы, и стану отталкивать ими въ пламень всѣхъ изъ ихъ фамиліи. Ни одинъ изъ нихъ отъ моего мщенія не укроется.

Отвратительный человѣкъ! Я не хочу долѣе слушать.

Вы до конца должны меня выслушать. Вы должны меня выслушать, говорю я вамъ, эта речь произносится на смерть мою: должно ли мнѣ вамъ его повторять?

Умиравшему нужнѣе было помышлять о покаяніи.

Мнѣ? А въ какомъ намѣреніи. Скажите пожалуйста. Я лишень всякой надежды. Чего ожидаете вы отъ несчастнаго и въ отчаяніе пришедшаго человѣка? Но я извѣстился, что мой совмѣстникъ не будетъ ночевать въ замкѣ: а сіе то и спасло вашъ домъ. Тогда вся моя злость обратилась къ гостинницѣ Норгамптонской. Тракширщикъ, говорилъ я самъ въ себѣ, крайне мною обязанъ, а даетъ однако убѣжище смертельнѣйшему моему врагу! Но гораздо достойнѣе меня дѣло есть идти самому и вывѣдать отъ него, какое участіе принимаетъ онъ въ замкѣ *Сельби* принудишь его отречься отъ всѣхъ требованій, такъ какъ я уже и многихъ такихъ обожателей къ тому присилилъ своими.

Я во всю ночь не смыкалъ глазъ. Я на утро пошелъ въ постоялой домъ. Я утверждаю, какъ и всякой свѣтской человѣкъ, что знаю все относящееся къ вѣжливости и хорошимъ поступкамъ; но я зналъ какого свойства тотъ, съ кѣмъ мнѣ должно имѣть дѣло. Я зналъ, что онъ имѣетъ толикоже хладнокровія какъ и рѣшительности: ярость моя не допустила меня быть вѣжливымъ, а хотябъ и допустила, но я былъ увѣренъ что должно быть неистову чтобъ его раздражить. Я таковымъ былъ и не наблюдалъ ни какихъ предѣловъ. Ни съ какимъ человѣкомъ не было поступаемо съ большимъ пренебреженіемъ и хладнокровіемъ какъ тогда со мною. Я отъ того пришелъ въ неистовство. Онъ мнѣ объявилъ что не хочетъ биться. Я твердо рѣшился его къ тому принудишь; я шелъ за нимъ до самой его коляски и столько былъ удаченъ, что заманилъ его въ отдаленное оттуда мѣсто; но я имѣлъ дѣло не съ простакомъ: онъ предувѣдомилъ меня голосомъ показавшимся для меня обиднымъ, чтобъ я берегся и осторожнѣе бы поступалъ. Я воспользовался его совѣтомъ, но не лучшую имѣлъ удачу; ибо онъ знаетъ всевозможныя хитрости сей науки. Въ минуту увидѣлъ я себя безъ оружія, и жизнь моя стала во власти моего сопротивника. Онъ возвратилъ мнѣ шпагу, совѣтуя чтобъ я не подвергалъ себя другимъ опасностямъ, а свою вложилъ въ ножны и потомъ меня оставилъ. Тогда я видѣлъ себя въ мерзостномъ положеніи, лишася употребленія правой руки. Я скрылся подобно вору; а онъ сѣлъ въ торжественную свою колесницу и поѣхалъ къ замку *Сельби*. Я укрылся въ своемъ домѣ, проклиналъ весь свѣтъ, повергся на землю и грызъ ее.

Сіе продолжительное и яростное повѣствованіе приводило въ нетерпѣливость моего дядюшку. Братецъ вашъ казался въ недоумѣніи, но хранилъ ко всему вниманіе. Г. *Гревиль* продолжалъ.

Я склонилъ *Фенвича* идти со мною на мѣсто свиданія. Хотя былъ я безрукой, но желалъ бы еще его раздражить. Онъ однако не хотѣлъ раздражиться. А когда я узналъ что онъ меня не ославилъ въ замкѣ *Сельби*, когда вспомнилъ, что его умѣренности обязанъ я возвращеніемъ своей шпаги и дарованіемъ жизни, когда представилъ себѣ его свойства, поступокъ его съ кавалеромъ *Поллексфеномъ* и все что *Багенгаль* о немъ мнѣ ни говорилъ; то для чегоже мыслилъ я, будучи лишень всякой надежды, хотябъ онъ былъ живъ хотябъ я умеръ, искать успѣха въ своей страсти къ прелестной моей *Биронъ*? Для чего мнѣ противиться толь благородному непріятелю? Сей человекъ равно неудобень къ изьявленію гордости и къ оскорбленію другихъ. Я долженъ его перемѣнить въ своего друга, [сею мыслию обязанъ я Г. *Фенвичу*] дабы тѣмъ прикрыть свою гордость а тамъ пропадай *Миссъ Биронъ* и все.....

Злой человекъ! За двѣ минуты предъ симъ умиралъ; а теперъ... какъ я утомлена слушая ваши речи!

О! Сударыня, вы еще не дошли до конца смертоносной моей речи. Но я не хочу страшишь васъ. Нестрашитесь ли вы нѣсколько?

Весьма страшусь.

[*Сиръ Карль* сдѣлалъ нѣкое движеніе, какъ будтобъ хотѣлъ подойти къ намъ; но остановился однако по прозвѣбъ моей бабушки, которая ему сказала, чтобъ далъ пройти сему жару и что Г. *Гревиль* всегда странень.]

Страшитесь, Сударыня Е! да что зачитъ вашъ ужась, естли его сравнить съ жестокими ночами и несносными днями, кои я отъ васъ проводилъ? Проклятыя ночи, проклятые дни, проклятъ и самъ я! Немилосердая дѣвица! (скрежеща зубами) какія муки вы мнѣ причиняли!... Но довольно, я поспѣшу заключить свою речь изъ состраданія къ вамъ, кои никогда ко мнѣ онаго не имѣли.

Какъ! Государь мой, можете ли вы укорять меня жестокостію?

Конечно, и самую варварскою, хотя она изьявлялась и въ прелестнѣйшихъ видахъ. Сія самая обманчивая тихость устроила мою гибель: она вознаградала во мнѣ надежду; такъ, сіе хладное сердце меня погубило. О обольстительный видъ! Но время уже окончить смертоносную мою речь. Подайте мнѣ руку, я неотмѣнно ее требую. Не бойтесь чтобъ я ее съѣлъ; хотябъ въ другое время ето и могло случиться. (Онъ взялъ меня за руку, и я не противилась.)

Теперъ, Сударыня, внимлите послѣднимъ моимъ выраженіямъ: вы удостоитесь славы дать въ себѣ лучшему изъ мужчинъ наилучшую супругу. Да не отдалень будетъ сей желаемый день ради тѣхъ, кои до того самаго времени будутъ еще упоеваться нѣкою надеждою! Какъ любовникъ вашъ, долженъ я питать ненависть къ сему щастливому

человѣку, но буду любить яко супруга вашего. Онъ будетъ къ вамъ нѣженъ, страстенъ и признателенъ: и вы заслужите всю его нѣжность. живите оба, о украшенія человѣческаго рода! дотолѣ пока не увидите сыны сыновъ своихъ толико же добродѣтельныхъ, толико совершенны и щастливыхъ, какъ вы сами. И достигнувъ маститыя старости, увѣнчанны славою и честію да будете пренесены оба въ единый часъ въ райскія обиталища, яко въ единыя мѣста, гдѣ можете быть блаженнѣйшими, нежели будете таковыми по брачному своему соединенію, ежели вы токмо толико блаженны, сколь я того желаю и молю у Творца всяческихъ благъ!

Слезы полились изъ очей моихъ, когда услышала я толь неожиданное благословеніе, подобное словамъ того древняго пророка, (*) которой благословлялъ тогда, когда чаяли всѣ что будетъ проклинать.

(*) Валаамъ.

Онъ держалъ еще мою руку. Я етого не сдѣлаю безъ вашего дозволенія, Сударыня... О естлибъ я могъ, прежде нежели ее оставлю.... Онъ взиралъ на меня какъ бы въ ожиданіи моего согласія наклоня голову свою на оную. Сердце мое было отверсто и я ему говорила; Боже да благословитъ васъ всѣми своими щедротами *Гревиль*! Я возсылаю къ нему всѣ тѣ обѣты, коими вы меня благословляли. Они будутъ услышаны, естли вы обратитесь на стезю добродѣтели. Я не отнимала своей руки. Онъ преклоня колѣно не однократно прижималъ ее къ своимъ устамъ. Онъ самъ обливался слезами. Потомъ вставъ повелъ меня къ *Сиру Карлу* и представляя ему мою руку, коей я отъ изумленія не всю простерть могла, говорилъ: да будетъ мнѣ предоставлена слава соединить сію драгоцѣнную руку съ вашею! Одному только вамъ могу я ее уступить.

О преблаженная въ любви своей чета!

Едину мужеству достоинъ красота. (*)

(*) Два стиха Аглинскаго стихотворца *Дридена*.

Сиръ Карлъ принялъ мою руку. Да будетъ сей драгоцѣнный залогъ навсегда моею долею! говорилъ онъ цѣлуя ее, и обратясь къ моей бабушкѣ и теткѣ представилъ меня имъ. Я была вся въ страхѣ отъ движенія, въ какое привелъ меня тотъ удивительной человѣкъ. Я для того только и жить желаю, отвѣчала моя бабушка въ нѣкоемъ восторгѣ, дабы видѣть внуку свою вашу супругою?

Положа мою руку въ братцеву *Г. Гревиль* вышелъ изъ горницы съ крайнимъ поспѣшеніемъ. Онъ оставилъ замокъ, когда стали спрашивать, куда онъ дѣлся: и всѣ о немъ безпокоились пока не узнали отъ одного служителя, что онъ вдругъ ухватилъ въ передней горницѣ свою шпагу и шляпу, а отъ другаго съ нимъ встрѣтившагося его лакея, что онъ весьма поспѣшно удалился, испуская тяжкіе вздохи.

Не сожалѣйте о немъ, моя любезная пріятельница. Братецъ вашъ великодушное изъявилъ о немъ безпокойствіе. *Люція*, которая всегда на

него взирала благосклонно, примѣтила что онъ часто насъ приводилъ въ изумленіе своими странностями но изъ послѣдняго его поступка можно судить, что не столько чуждъ былъ благородныхъ правилъ, сколько иногда претворялъ себя въ глазахъ другихъ. Сама я, любезная моя, ласкаюсь, что *Сиръ Карль* лучше насъ позналъ его свойства, когда намъ предлагалъ принять отъ него посѣщеніе.

Сиръ Карль предложилъ моей бабушкѣ, не угодно ли ей будетъ, чтобъ онъ ее сего вечера проводилъ. И такъ по ея соглашенію не былъ онъ съ нами за ужиномъ: но мы всѣ званы къ ней обѣдать и думаемъ что *Сиръ Карль* будетъ изъ первѣйшихъ ея гостей.

Въ понедѣльникъ по утру 16 Октября.

Я получила отъ моей *Емили* письмо, по коему я извѣстилась, что она находится съ вами, хотя въ письмѣ и не означено гдѣ и когда оно писано. Вы чувствительно меня одолжили, когда засвидѣтельствовали сей любезной дѣвицѣ, что я всею сердцемъ ее люблю. *Емили* исполнена нѣжности и добродушія. Я вскорѣ къ ней буду писать, что всегда стану стараться приносить ей удовольствіе. Но скажите ей, какъ бы отъ самой себя, что она должна нѣсколько умѣрить свою нетерпѣливость. Я не могу предложить ея попечителю, чтобъ ее взять со мною доколѣ не увѣрюсь въ благопоспѣшномъ окончаніи начатыхъ дѣлъ. Не ужелибъ она пожелала, чтобъ я предложила ему такой вопросъ, по коему бы могло казаться, что я уже почитаю себя какъ бы его женою? Мы еще не дошли до заключенія всего дѣла. Однако я сужу изъ тою какъ мнѣ говорятъ, что онъ вчера приласкивался къ моей бабушкѣ, провожая ее въ замокъ *Шерлей*; что онъ хочетъ слѣдовать путемъ своимъ скорѣе, нежели думаю могу я за нимъ поспѣть; и вижу безъ всякаго намѣренія къ притворству, что для одной благопристойности я буду обязана поступить съ собою въ разсужденіи сего обстоятельства съ должною осторожностію; ибо, любезная моя, всѣ у насъ въ домѣ такъ его полюбили, что какъ бы скоро объявилъ онъ свои желанія, то и началибъ приневоливать меня его удовольствовать, хотябъ онъ мнѣ далъ сроку день либо два, какъ будтобы опасались, чтобъ онъ не возобновилъ своей прозбы.

Г. Бельшеръ изволилъ ко мнѣ писать. Онъ увѣдомляетъ меня, что его отецъ болѣе еще разнемогается, такъ что нѣтъ уже и надежды.... Я сердечно о немъ сокрушаюсь. Онъ еще упоминаетъ, что просить у меня утѣшенія. Письмо его прекрасно писано: и толико исполнено сыновней нѣжности! Превосходной молодой человекъ! Всѣ его поступки сообразны правиламъ его друга. Я не сумнѣваюсь чтобъ *Сиръ Карль*, *Г. Бельшеръ* и *Докторъ Барлетъ* не продолжали между собою переписки. Чего бы я не заплатила, естлибъ могла узнать, что *Сиръ Карль* о насъ пишетъ?

Г. *Фенвичъ* теперь увѣдомилъ насъ что Г. *Гревиль* очень не здоровъ и не выходитъ изъ горницы. Богъ свидѣтель, что я сердечно желаю ему облегченія. Чемъ больше помышляю я о послѣднемъ его поступкѣ, тѣмъ больше меня онъ удивляетъ въ такомъ человѣкѣ, какъ онъ. Я, не чаяла, чтобъ онъ кончился толь великодушными желаніями. *Нанси*, которая его не любитъ, думаетъ, что болѣзнь его происходитъ отъ насилія кое онъ сдѣлалъ своей природѣ. Моглилибъ вы подумать, чтобъ *Нанси* могла когда имѣть такое строгое мнѣніе? Но она помнитъ, что получила отъ него нѣкія оскорбленія; даже и самое доброе сердце чувствуетъ иногда гнѣвъ или негодованіе.

Мы готовимся ѣхать въ замокъ *Шерлей*. Обѣ наши двоюродныя сестры *Гжи*. *Голль* будутъ тамъ обѣдать. Онѣ съ нѣсколькими недѣль пробыли въ *Давентри* у своей тетки и нетерпѣливо хотятъ видѣть *Сира Карла*. Простите, любезныя мои, не лишайте меня ни мало своей любви.

Примѣч. обѣды бывшей въ замкѣ *Шерлей* и веселости оной сопровождавшія составляютъ содержаніе одного весьма продолжительнаго письма.... *Сиръ Карль* при семъ случаѣ обнаруживаетъ всѣ свои дарованія и прелестныя качества. Онъ говоритъ превосходнѣйшимъ образомъ. Онъ пѣлъ и танцевалъ съ *Миссъ Биронъ* и *Люціею*, по томъ предложено было господамъ проѣздить по сосѣднимъ нѣкоторымъ городамъ для здравія *Миссъ Биронъ*, коей *Доктора* сіе самое совѣтовали. *Сиръ Карль* предлагаетъ свое соучастіе въ сей поѣздкѣ: отъѣздъ отложенъ до другаго дня. *Миссъ Биронъ* не упускаетъ и при семъ случаѣ писать о обстоятельствахъ своей поѣздки... но сіи извѣстія не заключаютъ въ себѣ ничего важнаго, кромѣ двухъ обстоятельствъ; одно касается до ея брака, другое до прошенія *Емилии*, и оба оныя исключены быть могутъ.

Въ *Транстонъ* 19 Октября.

Я не знаю, какъ это случилось, что при концѣ завтрака всѣ вышли одинъ за другимъ и оставили меня одну съ *Сиромъ Карломъ*. *Люція* послѣ всѣхъ вышла, и въ то самое время какъ она выходила и когда я сама хотѣла было уйти, чтобъ велѣть причесать себѣ волосы, онъ подошелъ сълѣвѣ подлѣ меня. Не оскорбитесь, любезная *Миссъ Биронъ*, сказалъ онъ мнѣ, естли я улучу сей единой случай, какой мнѣ еще могъ представиться, дабы поговорить съ вами о такомъ предметѣ, которой очень много меня занимаетъ. Краска показывалась у меня на лицѣ, я пребыла безмолвна.

Вы позволили мнѣ ласкаться надеждою, *Сударыня*, равно и всѣ ваши друзья, коихъ я люблю и почитаю, одобряютъ мою надежду. Теперь я и прошу васъ одобрить оной таковою же милостію. Я знаю всю вашу разборчивость и осмѣливаюсь предложить вамъ одинъ вопросъ: въ

неравенствѣ, въ какомъ можете вы себя почитать съ такимъ человѣкомъ, которой не скрываетъ отъ васъ того, чтобы онъ мыслилъ сдѣлать въ пользу другой женщины, чувствуете ли вы въ своемъ сердце, что етого человѣка одинаго можете вы предпочитать и дѣйствительно предпочитаете всякому другому?

При семь онъ остановился и ожидалъ отъ меня отвѣта.

Помѣдя нѣсколько я ему отвѣчала: сіи самые друзья, государь мой, коихъ вы удостоиваете справедливаго уваженія, приучили меня съ младости говорить единую истинну. Въ толь важномъ случаѣ я бы была недостойна извиненія.

Голосъ мой пресѣкъся. Глаза его устремлены были на меня. Клянусь жизнію, что я не могла ни слова произнести, хотя и желала чтобъ могла говорить.

Ежелибъ... вы не хотите договорить, Сударыня? и взявъ меня за руку, на которую наклонился своимъ лицомъ остался онъ въ семь положеніи, не поднимая на меня глазъ. Я возвратила себѣ употребленіе голоса. Ежелибы, продолжала я, понуждаема *Сиромъ Карломъ Грандиссономъ* усумнѣлось открыть ему свое сердце. Я отвѣчаю, государь мой, что оное предпочтеніе есть такое, какого вы желаете.

Онъ поцѣловалъ, мою руку съ страстнымъ видомъ. Онъ, сталъ на колѣно и еще поцѣловалъ оную. Вы меня на всегда къ себѣ присоединяете, Сударыня; и позволители, прежде нежели оставлю сіе положеніе, прелѣстная *Миссъ Биронъ!* позволители просить васъ униженно поспѣшить онымъ вожелѣннымъ днемъ? у меня очень много дѣлъ, а изъ того предвижу я еще большее число оныхъ, теперъ паче всего, когда я возвратился сюда съ тѣмъ чтобъ на всегда основать себя въ своемъ отечествѣ. Всю свою славу поставлять я буду въ томъ чтобъ жить съ честію въ частномъ родѣ жизни. Я не тщеславолю заслуживать государственныхъ чиновъ. Нужно видно будетъ, что моя служба очень потребна почтется для государства, естли я когда намѣрюсь предпріять что либо такое, которое бы учинило меня гласнымъ. Поспѣшите, Сударыня, учинить меня щастливымъ супругомъ: ибо и я не премину таковымъ содѣлаться въ сожитіи съ вами. Я не предназначаю вамъ времени: но вы ни во что не вмѣняете пустые обряды. Могули я ласкаться, чтобъ ето послѣдовало при концѣ сего мѣсяца?

Онъ не много забылся, моя любезная, тогда лишь и говорилъ что не хочетъ назначить времени.

По нѣкоемъ произвольномъ смущеніи говорила я ему: въ семь случаѣ, государь мой, я ничего столько не страшусь, съ такимъ человѣкомъ какъ вы, какъ того чтобъ не изъявить самомалѣйшей принужденности. Встаньте, я васъ покорно прошу: я не могу видѣть васъ въ такомъ положеніи....

Я оное оставлю, Сударыня, и еще приму равное положеніе для возблагодаренія васъ, когда вы удостоите меня отвѣтомъ.

Я потупила глаза и не могла ихъ поднять предъ нимъ. Я боялась показать нѣкое притворство или принужденность. Однако моглибъ помыслить такъ скоро его обязать?

Онъ опять началъ говорить: вы мнѣ не отвѣчаете, Сударыня, благосклонноли мнѣ ваше молчаніе? Позвольте мнѣ о томъ узнать отъ вашей тетушки... Я не буду васъ долѣе понуждать моею прозъбою. Я предаюсь сладчайшей надеждѣ. Я должна вамъ представить государь мой, что торопливость не прилична нашему полу. Срокъ, о коемъ вы говорите, чрезвычайно близокъ.

Я хотѣла еще говорить: но чувствовала, что языкъ мой запинался. Я не могла найти выраженій. По истиннѣ, моя любезная, онъ предлагалъ мнѣ весьма близкой срокъ. Можетъ ли женщина совершенно пренебречь обычаи и уставы своего пола? Должно нѣсколько попечьясь объ своихъ уборахъ и модахъ, сколь смѣшны происходящія по временамъ ни покажутся въ послѣднія вѣки или какъ бы онѣ ни почтены были въ слѣдующемъ послѣ насъ столѣтіи. Таковыя обычаи, основывающіеся на скромности и кои дѣйствительно поработаютъ себѣ женщинъ, не служатъ ли хорошимъ извиненіемъ?

Онъ примѣтилъ мое смущеніе. Я не долженъ причинять вамъ ни малѣйшаго смущенія, сказалъ онъ мнѣ. Сколько пріятностей ни нахожу я въ вашемъ движеніи, но не могу оными услаждаться, ежели вы того не одобрите. Но предложенный мною вопросъ такъ для меня важенъ, и сердце мое толико занимается вашимъ отвѣтомъ, что естли вы по крайней мѣрѣ не согласитесь лучше объяснить своего произволенія чрезъ госпожу *Сельби*, то не долженъ упустить сего случая. Я даже не знаю, долженъ ли еще желать при семъ ходатайства вашей тетушки: я обѣщаю себѣ большаго благопріятства отъ вашихъ устъ, чемъ отъ ея по безпристрастномъ разсужденіи. Но я на нѣсколько минутъ удалюсь отъ васъ, а вы между тѣмъ, ежели вамъ угодно, будете моею плѣнницею. Никто не прерветъ вашихъ размышленій, развѣ сами вы кого позовете. Я возвращусь къ вамъ и приму ваши законы. Какое же будетъ мое удовольствіе, естли вы назначите день вождеденный для моею щастія!

Между тѣмъ какъ я боролась сама съ собою, должна ли показаться довольною или опечаленною, онъ вошелъ и увидѣлъ, что я прохаживалась по горницѣ въ нарочитомъ смущеніи. Онъ почтительно взялъ меня за руку и сказалъ, я ласкаюсь что вы не откажете мнѣ въ краткомъ объясненіи своихъ мыслей.

Какъ вы настоите въ своемъ требованіи, государь мой! Но и я прошу васъ не ожидать отъ меня отвѣта до полученія перьвыхъ писемъ изъ Италіи. Вы видите, сколько удивленія достойную Иностранку понуждаютъ и съ какимъ принужденіемъ подала она толь отдаленную

отъ ея сердца надежду. Я бы желала по крайней мѣрѣ дожидаться отвѣта на послѣднія письма, коими вы увѣдомляли, что есть такая женщина, съ которою можете быть щастливы. Такое требованіе основательно, Государь мой. Не подозрѣвайте меня въ притворствѣ.

Я не прекословлю, Сударыня; мнѣ не замедлят присылкою отвѣта. Я не токмо не почитаю, чтобъ вы оказывали притворство, но проникаю удобно въ великодушное ваше расположеніе: однако прилично также сказать и вамъ, что сіи письма не могутъ произвести въ моихъ намѣреніяхъ ни малой переменны. Не объявилъ ли я своихъ чувствованій вашей фамиліи, какъ и публикѣ?

Но могутъ произвести во мнѣ, государь мой, сколь бы высоко ни цѣнила я ту честь, которую приносить мнѣ *Сиръ Карлъ Грандиссонъ*: ибо положимъ что превосходнѣйшая изъ женщинъ, помышляетъ паки занять мѣсто въ вашемъ сердцѣ....

Я осмѣливаюсь прервать вашу речь, Сударыня. Невозможное дѣло, чтобъ *Клементина* убѣждаемая своимъ закономъ, и родственники ея, кои теперь стараются преклонить ее въ пользу другаго, могли переменить свое намѣреніе. Я бы упустилъ оказать достодолжную ея справедливость и признательность, ежелибъ не подвергъ ея твердости всякимъ искушеніямъ: и почелъ бы себя еще виновнѣе, естлибы открылъ вамъ свои чувствованія не получа со времени моего возвращенія своеручнаго ея подтвержденія касательно ея мыслей. Но естли они могутъ перемениться и вы по сему случаю отложите исполненіе своего намѣренія въ мою пользу; то чтожь тогда будетъ? Тогда, доколѣ вы пребудете въ неизвѣстности не вступлю я въ обязательства ни съ какою женщиною въ свѣтѣ.

Я ласкаюсь, государь мой, что мои слова ни чемъ оскорбить васъ не могутъ. Я не ожидала столь важнаго заключенія. Но я объявила вамъ и свое мнѣніе. Освободите меня отъ прискорбной мысли, что мое щастіе можетъ составить злополучіе такой особы, которую я поставляю превыше себя; а тогда всѣ силы свои употребляю составить щастіе такого человѣка, которой мнѣ равное составить, можетъ.

Онъ взялъ меня въ свои объятія съ такою горячностію... которая мнѣ не была противна, когда я о ней разсудила, но съ начала однако привела меня въ сильное движеніе. По томъ ставъ на колѣно благодарилъ онъ меня. Я протянула руку, чтобъ его поднять: онъ принялъ ее какъ нѣкую милость, поцѣловалъ ее страстно и вставъ поцѣловалъ меня въ щеку. По чрезмѣрному моему изумленію не могла я его отъ себя оттолкнуть. Но скажите мнѣ, любезная, не былъ ли онъ излишне воленъ? Скажите, я вторично васъ о томъ вопрошаю. Я должна вамъ сама сказать, отъ чего происходитъ сіе сумнѣніе. Какъ скоро вашъ братецъ меня оставилъ, то я ни о чемъ такъ не думала какъ бы рассказать своей тетущкѣ и *Люціи* все что тогда у насъ ни происходило: но оканчивая свое повѣствованіе не

имѣла я силъ объяснить ея послѣдняго произшествія: коия вы видите, Сударыня, что я безъ всякаго обиновенія къ обѣимъ вамъ о томъ пишу.

Сиръ Карль, Г. Динъ и дядюшка вышли всѣ вмѣстѣ прогуляться до обѣда. По ихъ возвращеніи дядюшка отвелъ меня на сторону; и не теряя ни когда своей охоты къ издѣвкамъ поздравилъ меня, что ледъ уже подломился. Теперь лишь, примолвилъ онъ, намъ о томъ сказали. А какъ онъ мнѣ въ глаза смѣялся, то всѣ устремили на меня свои взоры. Я думаю *Сиръ Карль* въ моихъ глазахъ усматривалъ, что я опасалась насмѣшекъ дядюшки. Онъ подошедъ сказалъ мнѣ: любезная *Миссъ Биронъ*, я не скрылъ отъ *Г. Сельби*, о чемъ я осмѣлился просить васъ какъ о милости, и весьма опасуюсь чтобъ такой поступокъ не показался ему, какъ и вамъ излишне скорымъ и смѣлымъ. Ежели вы такъ о немъ судите, Сударыня; то прошу васъ меня простить: ваши желанія всегда будутъ правиломъ моихъ собственныхъ. Сіе засвидѣтельствованіе произвело весьма хорошее дѣйствіе. Оно меня ободрило. Ето было такою помощію, которая не могла въ способнѣйшее время случиться.

[Въ другомъ особомъ разговорѣ, „которой вскорѣ по томъ послѣдовалъ, *Сиръ Карль* по весьма многихъ выраженіяхъ нѣжности, говоритъ съ нею откровенно о своихъ домашнихъ обстоятельствахъ, и оканчиваетъ разговоръ столь трогательною речью, что она пронзена была даже, до слезъ. Для чего плакать; спрашиваетъ она себя?] *Сиръ Карль* сіе примѣтилъ.

Любезная чувствительность! вскричалъ онъ: и вдругъ меня обнялъ, но тотчасъ отдернулъ свои руки, какъ бы укорилъ себя въ такой вольности. Простите мнѣ, Сударыня. Удивленіе соединяется иногда съ почтеніемъ. Признательность моя одними только человѣчеству сродными видами изъясниться можетъ. Когда увижу я тотъ щастливый день, которой не положитъ ей ни какихъ предѣловъ? Онъ взялъ мою руку и прижалъ ее еще къ своимъ устамъ. Сердце мое, сказалъ онъ мнѣ, принадлежитъ вамъ, равно какъ и Сотворившему оное!

Тогда пришла *Нанси*: за чемъ пришла она сказать намъ, что насъ ждуть къ завтраку? Завтракъ! Къ чему мнѣ, подумала я? Весь свѣтъ, любезная *Милади*... Но я излишне предаюсь... Страстное сердце, я не предамъ твоему внушенію моего пера. Можетъ ли и самая любезная пріятельница простить мнѣ толь сильныя движенія, коихъ признаніе ни чемъ инымъ оправдано быть не можетъ, какъ настоящею горячностію возобновляющеюся при описаніи оныхъ.

Примѣч: [*Послѣ завтрака она опять принимается за перо.*] Я прочла все ето письмо моей тетущкѣ и *Люціи*. Онѣ обѣ меня обняли, увѣряя что оно приводитъ ихъ въ такое же удивленіе какъ и радость. Научите меня, любезная моя, изъяслять свою благодарность, я чуть было не сказала, свою любовь, не доводя до того, чтобъ предоставить его рѣшительности назначить желаемый день часть и все прочее.

Но читая тетушкѣ свое письмо, я къ стыду своему замѣтила, что когда онъ изчисливъ друзей, изъ коихъ хочетъ составить свое общество, забыла напомнить о включеніи въ число ихъ *Емилиц*. Какая неблагодарность! Берегитесь говорить сей любезной дѣвицѣ, что я такъ собою занималась, и что нашъ разговоръ такъ былъ важенъ что сердце мое было тогда ни что иное какъ нѣкимъ страдательнымъ орудіемъ... Я тотчасъ возобновила случай просить за нее... Вы прежде судили, что для ея пользы не должна она желать жить съ нами; но такой мысли сердце ея противоборствуетъ. Любезная дѣвица! Я ее люблю. Я хочу усладить ея горести и пріемлю ее въ свои нѣдра. Я буду имѣть въ ней состраданіе сестры. Она не откажетъ мнѣ въ своей довѣренности; я представлю ей свою собственную. Опекунъ ея не станетъ ни о чемъ подозрѣвать. Я буду съ такою же вѣрностію хранишь свою тайну, съ какою и вы съ своею сестрицею, благодаря вашему дружеству, мою сохраняли. Не думаете ли вы, любезная *Шарлотта*, что естлибъ *Клементина* имѣла истинную пріятельницу, коей бы могла открыть свое сердце при самомъ рожденіи ея страсти; то миновала бы того жестокаго злополучія, которое долгое время причиняло несчастіе ея фамиліи?

О моя любезная! Я погибла! *Емилиа* также! Мы всѣ въ погибели! Я по крайней мѣрѣ страшусь! Несносная моя нерадивость! Я стану убегать *Сира Карла*: я не могу взирать впредь на его лице... Но для *Емилии*, для любезной моей *Емилии* погружена я въ смертельное безпокойство. Прохаживаясь въ саду съ *Люціею* выронила я послѣдній листокъ сего письма, которое я взяла съ собою. Я того не примѣтила до тѣхъ поръ, какъ тетушка пришедъ ко мнѣ говорила, что видѣла какъ *Сиръ Карль* остановился проходя чрезъ ту аллею, изъ коей я вышла и поднялъ какую то бумажку. Сердце мое взволновалось отъ сего приключенія. Я вынула свое письмо, которое считала полнымъ: но того пагубнаго листочка не было. Его-то конечно онъ поднялъ. Что дѣлать, любезная *Емилиа*? Теперь позволить ли онъ, чтобъ ты когда нибудь съ нами жила? И сколь я крушусь?

Какія слова! нѣтъ, я не могу воззрѣть на его лице. Какъ мнѣ сдѣлать чтобъ скрыться въ замкѣ *Шерлей* и снискать убѣжище у бабушки? Всѣ мои затрудненія касательно желаемаго имъ дня не покажутся ли ему принужденными поступками?... Но онъ проситъ меня на минуту съ собою переговорить. О дражайшая *Емилиа*! Могло ли что случиться разительнѣе для твоей

Генріетты Биронъ?

ПИСЬМО СШ.

Къ той же.

20 Октября.

Я была въ чрезвычайномъ смущеніи, когда онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ съ сроднымъ ему откровеннымъ видомъ. Я отъ него отвратила свое лице. Не больна ли *Миссъ Биронъ*? Не случилось ли чего?...

Моя бумажка, бумажка: Она у васъ, Сударь. Ни за чтобъ я не согласилась... Бѣдная *Емилиа*! Отдайте, отдайте мнѣ... Слезы пресекали мою речь.

Виданали была когда подобная дура? что мнѣ за нужда была называть по имени *Емилию*? Онъ вынулъ изъ кармана бумажку. Я шель съ тѣмъ, чтобъ ее вамъ отдать. [подая ее мнѣ въ руки:] Я узналъ вашу руку, Сударыня. Я ее тотчасъ свернулъ. Съ тѣхъ поръ ее не открывалъ и не посмѣлъ ни слова прочесть.

Точно ли вы ее не читали, государь мой?

Въ етонъ я клянусь вамъ, Сударыня.

Я ободрилась. Щастливая награда, помыслила я, что отказалась не смотря на усиленные прозъбы *Шарлотты*, прочесть одно письмо, которое она тайнымъ образомъ унесла!

Премного благодарю васъ, государь мой, за такой благородной поступокъ. Вы бы на долгое время учинили меня несчастною, естлибы сію бумажку прочитали.

О! Сударыня! теперь возбуждаете вы во мнѣ любопытство. Можетъ быть великодушіе ваше позволить вамъ оному удовлетворить, хотябъ я себѣ не простилъ, что извлекъ себѣ нѣкую выгоду отъ простаго произшествія.

Я согласна, государь мой, сообщить вамъ отъ части оное.

Того, что касается до *Емилии*, я прошу у васъ изъ милости, Сударыня. *Бѣдная Емилиа*, говорите вы... Вы меня озаботили. Можетъ быть должно нѣчто недоставать къ моему благополучію, что случилось съ *бѣдною Емилию*? Не сдѣлала ли она чего неразумнаго? ужели она... Лице его краснѣло отъ нетерпѣнія.

Я ни чемъ укорить ее не могу. Все дѣло состоитъ въ одной прозъбѣ, которую она мнѣ предлагаетъ. [Какую лучшую выгоду, любезная, могла я извлечь изъ того ужаса:] но я ни за что бы въ свѣтѣ не согласилась, чтобъ вы видѣли, въ какихъ выраженіяхъ я о ней говорила.

Ваше безпокойствіе, Сударыня, много и меня обезпокоило. Но ежели вы не перестанете любить *Емилию*; то я дѣйствительно увѣренъ, что ее не за что укорять.

Позвольте мнѣ, Сударыня, удивляться вашему благоугожденію, добродушію и челоуѣколюбію! Котораго изъ сихъ качествъ во мнѣ не достаетъ, Сударыня, примѣръ *Миссъ Бирокъ* меня тому научить. Но чего желаетъ ноя *Емилиа*?

Жить съ своимъ попечителемъ, Сударь.

Со мною, съ вами, Сударыня?

Сего она желаетъ.

А думаетъ ли любезная моя *Миссъ Биронъ*, чтобъ такое требованіе могла быть исполнено?

Соглашается ли она служить другомъ своими наставленіями и сестрою своими совѣтами молодой дѣвицѣ такихъ лѣтъ, то есть, въ такое время жизни, когда склонности молодой особы менѣе разсудкомъ чѣмъ взорами управляемы бывають.

Я люблю ету любезную дѣвицу. Я чувствую что желалабы на всегда имѣть ее съ собою. Любви достойное благодушіе! И такъ я теперь сталъ свободенъ отъ одного изъ своихъ попеченій. Молодая дѣвица отъ четырнадцати до дватцати лѣтъ часто можетъ беспокоить своихъ друзей. Я бы ни когда не просилъ у васъ сей милости; но ваше предложеніе меня восхищаетъ. Не отписать ли на ваше имя нашей любезной *Емилии*?

Вотъ, Сударь, перо и бумага.

На ваше имя, Сударыня?

Я подала согласіе наклоненіемъ головы, ни мало не обинуясь.

Онъ сталъ писать и загнувъ бумагу показалъ мнѣ только сіи слова: „любезная *Миссъ Жервинсъ*, я получила для васъ ту благосклонность, коей вы желаете. Не будете ли вы всегда такъ добры, каковы были до сего времени? Сей единой вопросъ предлагаетъ своей *Емилии* нѣжно любящая ее покорная услужница.,,

Я тотчасъ подписала, *Генріетта Биронъ*. Но вы, Сударь, загнули свою бумагу. Любезная довѣренность! вскричалъ онъ. И ктобъ когда покусился употребить ее во зло? Прочтите, Сударыня, что вы подписали. Я прочла. Какъ трепетало мое сердце.... Такъ! *Сиръ Карль Грандиссонъ*, вскричала я равнымъ образомъ, можетъ обманывать. *Сиръ Карль Грандиссонъ* можетъ быть хитръ? Слава Богу что онъ не злой человѣкъ!

И такъ за словами, я получила для васъ чего желаете, слѣдовали сіи: „Должно быть доброю. Должно вамъ рѣшиться приносишь мнѣ, единую радость равную той нѣжной любви, какую къ вамъ имѣю, и тому пожертвованію, какое дѣлаю я дабы васъ обязать. Пріѣзжайте, моя любезная, какъ можно скорѣе въ замокъ *Грандиссонъ*. Я тамъ найду одну изъ трехъ моихъ сестръ, которая меня приметъ. Естьли вы тамъ прежде двухъ недѣль; то я постараюсь къ вамъ быть спустя около двухъ недѣль послѣ того. Я жертвую небольшою благопристойностію, по коей бы еще двумя недѣлями помѣдлить требовалось, дабы поспѣшить скорѣе васъ удовольствовать. *Не будетели вы всегда* и проч.

Подайте мнѣ ету бумагу, государь мой. [протягивая руку, чтобъ ее схватить.]

Развѣ я измѣнилъ своему свойству, Сударыня? [отдергивая къ себѣ бумагу съ веселымъ видомъ.]

Надобно мнѣ о томъ подумать, государь мой, прежде нежели буду отвѣчать на вашъ вопросъ.

Зло уже сдѣлано: За чѣмъ же не лъзя мнѣ отослать сего письма? А поелику *Миссъ Биронъ* не можетъ отречься отъ своей руки; то отъ чегожъ не извлечъ мнѣ для себя выгоды изъ того, что она называетъ хитростію? Особливо когда изъ того одни только хорошія слѣдствія произойти могутъ: какъ на примѣръ: исполненіе собственныхъ ея желаній въ пользу *Емилии*, усугубленіе власти, съ которою она можетъ одолжать другихъ и приближеніе щастія такого человѣка, которой единственно къ тому стремится чтобъ содѣлать ее щастливою.

Примѣч. Сей разговоръ продолжался гораздо долѣе и содержалъ въ себѣ возраженія *Миссъ Биронъ*, коимъ *Сиръ Карлъ* присужденъ былъ уступить. Но милость испрошенная для *Емилии* остается въ своей силѣ. *Милади Ж...* въ одномъ чрезвычайно продолжительномъ письмѣ шутить и хорошо и худо надъ состояніемъ своей пріятельницы, смѣется надъ ея сумнѣніями, наблюдаетъ ту же *Иронію* во всемъ томъ, что ни говоритъ, не выключая и своего мужа, ближнихъ родственниковъ и фамильныхъ своихъ дѣлъ: увѣдомляетъ *Миссъ Биронъ* о томъ что происходитъ въ Лондонѣ или въ сосѣднихъ онаго уѣздахъ, и все къ чести *Сира Карла*. Она сама признается, что весьма забывается въ своихъ насмѣшкахъ и за то получаетъ равно продолжительное письмо наполненное укоризнами и объясненіями. Потомъ паки начинаются разговоры *Миссъ Биронъ* съ *Сиромъ Карломъ*, которой вторительно настоитъ въ томъ, дабы она назначила вождѣленный ею день. Ее просятъ убѣдительно, дабы сіе важное дѣло предоставила рѣшенію своей бабушки и тетки, кои по надлежащихъ разсужденіяхъ положили противное ей опредѣленіе. Она еще противится: но примѣчается, что ея твердость, или лучше сказать ея недоумѣніе происходитъ отъ одинаго воспоминанія о *Клементинѣ* и ожиданія писемъ изъ *Италіи*.

По непродолжительной поѣздкѣ, предпринятой для здравія *Миссъ Биронъ*, всѣ опять сѣзжаются въ замокъ *Сельби*. *Миссъ Ормъ* спознается съ *Сиромъ Карломъ*, и ощущаетъ къ нему, равно какъ и братъ ея, уваженіе и дружество. Напротивъ того *Г. Гревиль* перемѣняетъ свои расположенія и мучимый любовію говоритъ такія слова, кои повергають *Миссъ Биронъ* въ новыя безпокойствія о *Сирѣ Карлѣ*. Ей представляются страшныя сновидѣнія, кои какъ кажется возвѣщаютъ ей величайшія нещастія. Всѣ таковыя обстоятельства становятся гораздо еще печальнѣе по полученному отъ *Сира Гарграфа Поллексфена* находящагося въ опасной болѣзни письму, въ коемъ онъ объясняетъ *Доктору Барлету* угрызения своей совѣсти, по пагубнымъ приключеніямъ и смерти *Багенгала*.

Наконецъ *Г. Иеронимъ* въ чрезвычайно подробномъ письмѣ увѣдомляетъ *Сира Карла*, какимъ образомъ *Клементина* преодолѣла себя до того, что ни чего съ такимъ усердіемъ не желаетъ какъ его брака. Она

хочетъ ѣхать въ Лондонъ, какъ скоро о томъ извѣстился. Рѣшено отложить до другаго времени предложенія *Графа Бельведере*, а дабы совершенно ее успокоить, то обѣщано ей все чего ни пожелаетъ. Она такъ спокойна, что пишетъ стихами свои желанія о благополучіи *Миссъ Биронъ* и *Сира Карла*. Письмо *Иеронима* подписано всѣми изъ ихъ фамиліи. *Сиръ Карль*, которой по разнымъ дѣламъ долженъ возвратиться въ Лондонъ, не могши испросить, чтобъ отсрочка щастливаго его дня по крайней мѣрѣ назначена была на одинъ мѣсяць, и вруча *Миссъ Биронъ* подарки достойные его и ея, принимаетъ по сему письму случай возобновить усильнѣйшія своя прозбы и посылаетъ его въ замокъ *Сельби*. Между причинами, кои приводитъ онъ *Миссъ Биронъ*, упоминаетъ слѣдующее: „если вы твердо настоите въ томъ, Сударыня, чтобъ сіе важное дѣло отложено было на цѣлой мѣсяць; то пожалуйте скажите мнѣ, въ какой части нашей супружеской жизни, какъ бы она щастлива быть ни должна, хотите вы вознаградить тѣ дни, кои вы насъ обѣихъ лишаете своими отлагательствами? Что касается до меня; то я единственно надѣюсь, когда мы будемъ сопряжены, дабы не могъ вамъ сказать провождая годъ за годъ, чтобъ изъ прошедшихъ и изъ будущихъ часовъ былъ бы хотя одинъ такой, которой бы я хотѣлъ исключить изъ моего благополучія.

Миссъ Биронъ написала къ нему слѣдующій отвѣтъ:

Сколь я тронута, государь мой, письмомъ вашего друга! оно меня болѣе и болѣе убѣждаетъ, что одна только *Клементина* васъ достойна. Сколь бы я была тщеславна, если бы иначе о томъ думала? А мысля какъ теперь, сколько бы оказала подлости еслибъ того не признала. Я не могу въ худую сторону толковать вашу чувствительность: а по своей познаю я, что должна я изъяснить вашей съ *Клементиною* я почитаю васъ за наилучшаго изъ человѣковъ: но честолюбіе *Генріетты* будетъ удовлетворено, когда она займетъ первое по ней мѣсто. Возможно ли, чтобъ она желала моего съ вами соединенія? Благородная и великая душа! *Грандиссонъ* говоритъ она, составитъ мое щастіе! Но нѣжная и добродѣтельная *Клементина*! Почтенія достойной образецъ мой! Можетъ ли *Генріетта* быть щастливою даже и съ своимъ *Грандиссономъ*, если сама ты злополучна? Вѣрь мнѣ, что твое щастіе нужна моему собственному. Боже сподоби тебя своя благодати! О семъ молишь усердно *Генріетта*. Не сумнись о моемъ рвеніи: все свое тцаніе приложу я къ тому дабы содѣлать его щастливымъ. Но, превосходная и совершенная дѣвица! Чувствуешь ли ты нѣкія сожалѣнія, сожалѣнія, кои бы не могли быть умалены инымъ чемъ, какъ радостію, которую имѣть будешь о его щастіи, щастіи устрояемомъ другого? Несравненная во благодушіи своемъ *Клементина*!

По что, по что остались тебѣ непреодолимья препятствія, когда онѣ предоставлялъ тебѣ свободу закона, а просилъ и себѣ подобнаго права?

О государь мой! Я не могу далѣе продолжать такихъ размышлений. По непреоборимому понужденію вступила я въ оныя. Но какъ могу я предъ нею показаться, естли предумышляемое ею путешествіе въ Лондонъ самымъ дѣломъ исполнится? Съ другой стороны, съ какимъ бы удовольствіемъ не оказала я всего уваженія ея великой душѣ, судя во тому прелестному изображенію, которое Г. *Барлетъ* намъ о ней представилъ? И такъ она, ея фамиліи и вы, государь мой, желаете, чтобъ я вскорѣ соединена была съ вами? Развѣ вы недовольны положеннымъ срокомъ! Судя по столь недавнему объявленію, мѣсяцъ времени, государь мой, не естли короткой срокъ? И такъ вы въ правду меня спрашиваете, въ какой части супружеской жизни хотѣла бы я замѣнить предполагаемая мною отсрочки? О государь мой! Какой вопросъ! Я отвѣчаю... Ни чѣмъ изъ оныхъ щастливыхъ дней! Честь моя естъ честь ваша. Произнесите мнѣніе свое, великодушнѣйшій человекъ, въ пользу вашей

Генриетты Биронъ.

ПИСЬМО IV.

Миссъ Биронъ къ Милади Ж....

2 Ноября.

Вы получили, любезнѣйшая моя пріятельница, въ одномъ сверткѣ письма вашего братца и Г. *Иеронима* съ моимъ отвѣтомъ къ вашему братцу. Никогда не находилась я въ толь разнообразномъ положеніи; то предаюсь радости, то смертельнѣйшему опасенію. Увѣряютъ меня что етотъ *Гревиль* очень мраченъ! Онѣ говоритъ, что меня ненавидитъ. Не случилось бы чего... О нѣтъ, нѣтъ! Богъ сохранитъ вашего братца! Но сердце мое смущенно. Я ни слова не говорю о ужасныхъ своихъ снахъ; я не суевѣрна. Но извѣстіе сообщенное мнѣ отъ *Миссъ Ормъ* приводитъ меня въ трепеть.

Сего утра она застала *Гревиля* у одной сосѣдней намъ госпожи. Онѣ говорилъ ей сими словами: я увѣдомился, Сударыня, что вашъ братецъ не давно сюда возвратился. Я его поздравляю съ пріѣздомъ. Онѣ во время пріѣхалъ смотрѣть свадьбу *Миссъ Биронъ*. *Фенвичъ* подлець. Онѣ поѣхалъ въ *Карлиль* казать свою ярость. А вашъ братецъ и я будемъ здѣсь ее обнаруживать.

Я увѣрена, отвѣчала *Миссъ Ормъ*, что мой братъ въ семъ случаѣ поступитъ съ надлежащею благопристойностію честнаго человека, и не знаю какую причину Г. *Гревиль* имѣетъ обнаруживать свою ярость. Такъ

онъ самъ выражается. Не учинился ли онъ хорошимъ другомъ *Кавалеру Грандисону*?

Онъ возразилъ съ принужденною улыбкою, что онъ и въ самомъ дѣлѣ было думалъ, что можетъ обратить все это дѣло въ шутку; но видя столь близкое окончаніе онаго обстоятельства не можетъ онъ перенести толикаго поношенія. Етотъ кусокъ крѣпокъ, примолвилъ онъ, положи руку къ шеѣ и дѣлая нѣкія кривлянія, я не думаю, чтобъ онъ могъ пройти, и отчаяваюсь чтобъ желудокъ мой его сварилъ. Но согласится ли вашъ братецъ слышитъ звукъ колокола, которой не отмѣнно чрезъ нѣсколько дней будетъ слышанъ? Я знаю, что *Сиръ Карль* удивительно преуспѣваетъ въ своемъ начинаніи. „Пусть же его знаетъ, что я хочу умереть съ пристойностію. Мы составляя цвѣтъ нашей провинціи, не попустимъ себя во власть его безъ условій. Вы иногда видите съ этою *Сиреною*, *Сударыня*? скажите ей, что я надѣюсь спокойствія единственно отъ того, что всемъ сердцемъ ее ненавижу; но не совѣтуйте ей, (наклонясь къ уху *Миссъ Ормъ*,) чтобъ она излишне была увѣрена въ своемъ спокойствіи.

Сіи послѣднія слова сдѣлали надо мною странное впечатлѣніе; ибо я не была уже и такъ спокойна. Я ихъ повторила, размыслила и заплакала: какъ я была глупа! но я тотчасъ ободрилась и просила *Миссъ Ормъ* не смотрѣть на мое дурачество.

Подъ вечеръ я получила посѣщеніе отъ ея брата. Оно принесло мнѣ удовольствіе и не думаю чтобъ могъ онъ меня обвинить, чтобъ я умножила его задумчивость. Онъ предлагалъ мнѣ разныя вопросы, на кои бы я никому другому кромѣ его не отвѣчала. Я всегда буду почитать *Г. Орма*. Съ какимъ чистосердечіемъ хвалилъ онъ *Сира Карла Грандисона*! Онъ окончилъ свою речь обѣтами о его и моемъ щастіи и весьма различнымъ образомъ, нежели *Валаамъ Гревиль*. За его благословіями полились у него слезы. Превосходной человѣкъ! Онъ привелъ меня въ такое замѣшательство, что я не могла принести ему и своей благодарности.

Люція мнѣ совѣтуетъ ѣхать къ бабушкѣ до возвращенія *Сира Карла*; но моя тетка и я не согласны съ ея мнѣніемъ. Намъ напротивъ того кажется, что, ему должно ѣхать въ замокъ *Шерлей*, и оттуда къ намъ пріѣзжать: ибо не обыкновенно ли я живу въ замкѣ *Сельби*? Моя бабушка весьма будетъ рада его сообществу и разговорамъ. Но какъ ему не лъзя ранѣе быть, какъ къ изходу будущей недѣли; то остается еще довольно времени для всѣхъ разпоряженій. Однако, молодая дѣвица, столь скоро ожидающая великаго своего дня съ такимъ человѣкомъ, коего всѣмъ предпочитаетъ, можетъ ли заниматься другими размышленіями?

Двоюродная сестра *Ревсъ* ко мнѣ пишетъ. Они столь заняты симъ пріятнымъ предметомъ съ своимъ мужемъ что сами напрашиваются сюда ѣхать. Такая торопливость очень странна но тетушка не думаетъ,

чтобъ можно было имъ въ етомъ отказать. Ваше присудствіе, *Шарлотта*, признаюсь вамъ, принесло бы мнѣ величайшее удовольствіе. Я не могу надѣяться видѣть *Милади*... *Бѣдная Емилиа!* моя тетушка желала бы чтобъ она была съ нами. Однако для ея же выгоды не должно еще о томъ думать. Коликократно не воспоминала я сего разсужденія вашего брата, что и въ щастливѣйшихъ нашихъ умозрѣніяхъ сердечныя воздыханія изъявляютъ нѣкія несовершенства оныхъ?

Примѣч: слѣдующее за симъ письмо писано *Сиромъ Карломъ*, которой весьма много благодаритъ *Миссъ Биронъ* за ея послѣдній отвѣтъ, объясняя причины изъявленнаго имъ поспѣшенія касательно вождѣленнаго его дня. Онъ не хочетъ и двумя днями промѣдлить, чтобъ не ѣхать въ замокъ *Шерлей* или *Сельби*, отъ коего, какъ надѣется, позволять ему болѣе не удаляться, имѣя лестную надежду, что вскорѣ причисленъ будетъ въ сію дражайшую фамилію. Онъ говоритъ о своихъ экипажахъ, кои уже скоро готовы будутъ, и о статьяхъ, кои онъ со всею приготовя отдалъ *Г. Дину*. Естьли не получить противнаго приказа, то представитъ, говоритъ онъ, во вторникъ по утру естьли не въ понедѣльникъ къ вечеру искреннѣйшаго и усерднѣйшаго человѣка любвидостойнѣйшей изъ женщинъ.

ПИСЬМО CV.

Миссъ Биронъ къ Милади Ж...

Въ Понедѣльникъ по утру 6 Ноября.

Я посылаю къ вамъ, моя любезная, списокъ съ послѣдняго письма *Сира Карла*, переписаннаго для васъ *Люціею*, которая хочетъ у васъ выслужиться своими небольшими стараніями, дабы пріобрѣсть вашу дружбу. Но думаетели вы, что я имѣю право укорять вашего брата за поспѣшное возвращеніе, о коемъ онъ меня предувѣдомляетъ? Я не довольна, моя дорогая, что онъ лишаетъ меня власти обязать его паче его чаянія. Однако я буду чрезвычайно рада, когда его увижу. Въ то самое время, когда его увижу тамъ гдѣ сама буду, не возмогу я ни чемъ его укорить.

Тетушка, которая обвиняетъ его въ нѣкоей торопливости, поѣхала обѣдать къ бабушкѣ, чтобъ приготовить для него покои въ замкѣ *Шерлей*: *Нанси* взяла она съ собою. Дядюшка, котораго дня за два просилъ сего дня къ обѣду *Г. Ормъ*, по сему приглашенію къ нему поѣхалъ.

Въ понедѣльникъ пополудни.

О любезнѣйшая *Милади*, что будетъ со мною! Всѣ споры кончены! Вся болтливость и дурачество миновали! Можетъ быть я ни когда его не

буду. Можетъ быть до его прїѣзда сдѣлаюсь я несчастнѣйшею изъ всѣхъ женщинъ! Вашъ братецъ, наилучшій изъ человѣковъ, можетъ статья.... Ахъ! Любезная *Шарло*...

Въ смертельномъ ужасѣ перо выпало у меня изъ рукъ. Я пришла въ безпамятство. Ни кто не поспѣшилъ ко мнѣ на помощь. Я знаю, что не долго пробыла въ обморокѣ. Страхи мои толь сильны были; что возвратили мнѣ память. Одна смерть могла въ подобномъ случаѣ лишить меня оной на должайшее время. Въ какой ужасѣ привожу я васъ! Но *Люція* наконецъ ко мнѣ идетъ.

Пусть она увѣдомитъ васъ о причинѣ моихъ мученій.

Примѣч: слѣдующее писано рукою *Люціи*.

„По прозвѣбъ моей сестрицы, между тѣмъ какъ несутъ ее на постель, я хочу объяснить вамъ, *Сударыня*, ея и мои страхи. Но чтобъ вы не надмѣру страшились! Богъ, какъ надѣмся и его молимъ, сохранить вашего братца. *Г. Гревиль* не можетъ предпріять такого варварскаго и безчестнаго поступка, въ коемъ его подозрѣваютъ. Богъ сохранить вашего братца.

„Принесли сюда безыменную записку, (я не знаю что пишу:) записку, хотѣла я сказать, писанную неизвѣстно кѣмъ, которая увѣдомляетъ насъ, что многіе люди слышали какъ *Г. Гревиль* угрожалъ жизни *Сира Карла*, а мы отъ вѣрныхъ людей уже слышали, что онъ весьма сталъ смущенъ и звѣрообразенъ. Онъ сего утра выѣхалъ изъ своего дому; объ етомъ увѣдомляютъ насъ въ запискѣ: а мы ето заподлинно знаемъ, Видѣли, что онъ поѣхалъ къ Лондону со многими служителями и другими особами: любезная *Генріетта* смертельно мучится своими страхами. Тетушки моей нѣтъ дома; дядюшки также: мы здѣсь однѣ только женщины. *Генріетта*, которую я нашла въ печальномъ состояніи, общается употребить всѣ свои усилія, дабы скрѣпитъ до возвращенія дядюшки, которой поѣхалъ обѣдать къ *Г. Орму*. Послали уже его о томъ увѣдомить. Слава Богу! Я вижу, что дядюшка ѣдетъ..”

Примѣч: писано рукою *Миссъ Биронъ*.

Ахъ! Къ чему послужитъ мнѣ его возвращеніе, любезная *Милади*? *Люція* пошла къ нему съ присланною оною запискою. О *Сиръ Карлъ*! дражайшій предметъ моей нѣжности! Простите мнѣ за всѣ мои своенравныя поступки! Возвратитесь подъ покровомъ Божескимъ! возвратитесь безъ всякаго злаго произшествія! Я какъ сердце такъ и руку мою отдамъ вамъ, ежели желаете, завтраже на разсвѣтѣ дня.

Вотъ списокъ съ той записки. Я разломила печать хотя она была надписана къ моему дядюшкѣ.

Къ господину *Сельби*.

Со всевозможною скоростію.

Почтительной уважателъ великодушнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ челоуѣковъ (я разумѣю *Кавалера Грандиссона*) спѣшитъ, государь мой, увѣдомить васъ что жизнь его въ крайней опасности. Я слышалъ, что *Г. Гревиль* яростнымъ голосомъ говорилъ: *Я не стерплю никогда, чтобъ похитили у меня единое мое благо. Я лишу его жизни.* Къ сей угрозѣ присовокупилъ и клятву. Правда онъ разгоряченъ былъ винными парами и я бы мало смотрѣлъ на его рѣчи, естлибъ не узналъ что онъ сего утра выѣхалъ изъ дому съ вооруженными людьми. Пользуйтесь какъ хотите симъ извѣстіемъ. Никогда вы не узнаете, отъ кого его получили. Но уваженіе и приверженность, кои я имѣю къ молодому *Баронету*, суть единыя причины, кои меня къ сему побудили. Я въ томъ принимаю Бога свидѣтелемъ.

Два откупщика моего дядюшки видѣли одинъ послѣ другаго, что сей злой челоуѣкъ ѣхалъ по Лондонской дорогѣ съ своею шайкою, что со мною будетъ до утра, естли вашъ братецъ къ вечеру не пріѣдетъ?

Въ одинцать часовъ ночью.

Мой дядюшка отправилъ двухъ своихъ слугъ съ такимъ приказаніемъ чтобъ разѣзжали по Лондонской дорогѣ до самаго свѣта. Онъ самъ поехалъ къ *Г. Гревилю*. Ему подтвердили что онъ выѣхалъ изъ дому по утру съ нарочитымъ числомъ провожатыхъ и хотѣлъ быть обратно къ вечеру, присовокупили ему тамошніе люди.... Въ томъ намѣреніи можетъ быть, чтобъ расположиться къ побѣгу по самомъ злодѣйственномъ поступкѣ. Тетушка моя вся въ слезахъ, дядюшка приводитъ себѣ на память всѣ обстоятельства и сравниваетъ оныя между собою. *Нанси* кусаетъ у себя руки. Ваша *Генріетта* въ безмолвной скорби томится. Она не можетъ болѣе ни плакать ни писать.

Во вторникъ отъ 7 до 8 часовъ поутру.

Какую ночь я проводила! Я не могла сомкнуть и глазъ. Никого еще не слышать. Каждой боится показываться, опасаясь другъ друга видѣть. Я чувствую, что глаза мои опухли отъ слезъ и безсонницы. Удивительно что дядюшка мой не сходитъ въ низъ. Онъ бы могъ отдать приказъ.... Но увы! О чемъ?

Сколь бы страшны были моя сны, естлибъ я столько могла забытья, чтобъ пустыя мечты могли мнѣ представиться въ видѣ дѣйствительныхъ веществъ! Не спя еще видѣла уже я довольно призраковъ: ибо глаза у меня все были раскрыты. Моя горнишная проводила сію ночь при мнѣ. Она примѣтила мои содроганія и

безпамятство. Никогда не бывала я въ такомъ состояніи. Боже! сохрани меня впредь отъ подобной ночи! Мнѣ остается только возможность писать. Но къ чему служить писаніе? На какой конецъ? Но не читайте столь бесполезныхъ речей.... Я хочу переменить свое положеніе... Теперь Я стою на колѣняхъ и молюсь съ усердіемъ Богу... Но я вижу, идетъ Люція!

Она пришла. *Нанси* вошла за нею. Онѣ обѣ только что обезпокоили меня разсказываніемъ своихъ сновъ. Моя тетушка очень не здорова. Дядюшка мой теперь лишь заснулъ, просидя всю ночь въ глубокихъ размышленіяхъ: бабушкѣ моей не должно знать причины нашихъ томленій, доколѣ можно будетъ оныя отъ нее скрывать, по крайней мѣрѣ ежели.... Жестокая неизвѣстность! Я оставляю свое перо.

ПИСЬМО СѢ.

Миссъ Биронъ къ той же.

7 Ноября.

(*) Пожалуйте, моя любезная прочтите первую мою страничку прежде нежели развернете страшное письмо, которое къ вамъ посылаю подъ пятью печатями, коими скрѣпила сей свертокъ, боясь чтобъ оно не прежде попало вамъ въ руки. *Люція* хотѣтъ чтобъ сіе разительное письмо во всей цѣлости было къ вамъ послано, и я склонилась на ея мнѣніе.

(*) Сіи шесть строкъ написаны были на особливой бумашкѣ.

Сего утра собрались мы вмѣстѣ почти безъ души и безъ силъ, неудобныя равно принимать и подавать утѣшеніе. Всѣ пересмотрѣли ту извѣстительную записку: потомъ оставили ее; тамъ опять брали, и каждой старался угадать, чья ета рука была. Наконецъ согласились послать надежнаго человѣка къ *Г. Гревиллю* для полученія надлежащихъ освѣдомленій.

Но какая радость! Прежде нежели посланный возвратилась, вашъ любезной братецъ вошелъ въ залъ въ охотничьемъ платьѣ. Онъ сошелъ съ лошади у большихъ воротъ. Онъ увидѣлъ меня первую, да и я также прежде всѣхъ его увидѣла. Я вставши хотѣла выдти, не зная точно и сама своихъ намѣреній, но по крайней мѣрѣ въ томъ намѣреніи чтобъ идти до тополовой аллеи на встрѣчу посланному, коего мы поджидали.

Сиръ Карль бросился къ моимъ ногамъ. Онъ мнѣ принесъ нѣсколько извиненій за свою поспѣшность, и благодарилъ за послѣднее мое письмо... Едва могла я его слышать и столь сладостное изумленіе лишило меня силъ ему отвѣтствовать.

Я въ самомъ дѣлѣ была внѣ себя: чтожъ вы скажете, моя любезная, естли я присовокуплю, что приходя въ себя увидѣла себя въ его

объятіяхъ, а его его руки лежали около моей шеи. Мой восторгъ неминуемо привелъ его въ изумленіе: вдругъ тогда окружили его всѣ наши друзья. Тетушка моя тотчасъ приняла его въ свои объятія и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышны были однѣ только поздравленія. Я же трепетала; ноги мои тряслись: но я хотѣла пройти въ боковую горницу. Никто за мною не примѣчалъ пока моя горничная не пришла ко мнѣ на помощь: она поддержавъ меня довела до кресель. Вашъ братецъ тотчасъ освободился отъ всѣхъ, чтобъ за мною слѣдовать, и всѣ прочіе поспѣшно пошли за нимъ. Онъ взялъ меня за руку, [я тогда сидѣла] и сжавъ ее въ своихъ поцѣловалъ, заклиная меня чтобъ успокоилась въ своихъ опасеніяхъ. Ему уже объяснили причину моихъ движеній; они столько же какъ и я имѣли причинъ стыдиться: *Нанси*, какъ я знала, *Нанси* сама схватила его руку и въ восторгѣ своемъ ее поцѣловала. Какъ онъ всѣмъ намъ дорогъ! Это ясно онъ видѣлъ въ сіе время. Скрытность въ такихъ обстоятельствахъ была бы неумѣстна. На обряды и на фамильныя разборчивости, какъ онъ ихъ называетъ въ своемъ письмѣ, мы уже незираемъ.

Между тѣмъ какъ онъ оказывалъ мнѣ всю свою нѣжность въ выраженіяхъ; то дядюшка и тетюшка просили его на минуту съ нимъ переговорить безъ сумнѣнія съ тѣмъ чтобъ дать мнѣ время совершенно оправиться. Они увѣдомили его о всѣхъ обстоятельствахъ. Посланной пріѣхавъ въ это время, донесъ что *Г. Гревиль* возвратился домой очень поздно, что онъ еще въ постелѣ, хотя почти одиннадцатой часъ тогда былъ; что не почитаютъ его здоровымъ и что ложась спать онъ въ такомъ былъ гнѣвѣ, что никто изъ людей не смелъ съ нимъ говорить. Дай Боже... Но я для самой себя хранить буду всѣ опасенія, кои основываются на однихъ догадкахъ. Для чегожъ не ласкаться мнѣ тѣмъ чтобъ ни могло случится щастливѣйшаго? Развѣ вашъ братецъ не миновалъ опасности? Не хранить ли его Провидѣніе? Такого упованія меня уже теперъ нелишать.

Онъ вошелъ къ намъ держа роковую оную записку. Кажется, сказалъ онъ, что я уже видѣлъ его письмо. Я очень обманываюсь, если не дознаюсь кто его писалъ. Но о его благорасположеніяхъ усумниться не можно. А какъ мы не преставали еще оказывать нѣкихъ опасеній; то онъ продолжалъ съ спокойнымъ видомъ: я не вижу ни какой причины къ опасенію. *Г. Гревиль* любитъ *Миссъ Биронъ*. Неудивительно что горестъ его умножается, по мѣрѣ умаленія его надежды. *Г. Гервиль* оказалъ бы худое о себѣ засвидѣльствованіе тому, что онъ мнѣ и подалъ бы не хорошее мнѣніе о своемъ чистосердечіи, ежели бы казался спокойнѣе. Но съ таковымъ мнѣніемъ, какое ему досталось, не возможно ли имѣть ему отчаянныхъ намѣреній. Я вспоминаю послѣдней его поступокъ. Онъ служить къ его похвалѣ. Я хочу его навѣстить: должно мнѣ убѣдить его принять меня въ число своихъ друзей.

Сии слова насъ ободрили. Я не дивлюсь, любезная моя, что женщины любятъ храбрость въ мужчинѣ. *Сиръ Карлъ* послѣ обязалъ намъ, что онъ бы прѣхалъ и вчерашняго дня, ежелибъ не обязанъ былъ посѣтить *Кавалера Бельшера*. Дядюшка не теряя изъ виду надежды оказанной имъ дабы узнать того, кто писалъ записку, просилъ его возвратиться къ сей мысли. замѣтите, сказалъ ему *Сиръ Карлъ*, что по извѣстію сей записки *Гревиль* разгоряченъ былъ винными парами. Я знаю что онъ часто любитъ собирать своихъ друзей въ Нортгемтонской гостинницѣ, гдѣ и я останавливался. И естли хорошо помню руку тамошняго хозяина въ подаваемыхъ мнѣ его щетахъ, то думаю что это письмо его. Очень хорошо, замѣтила тетушка; но ежели вы въ томъ не сумнѣваетесь; то мы еще болѣе должны безпокоиться о такомъ извѣщеніи. Угрозы *Г. Гревиль* конечно не пустыя: ихъ пренебрегать не должно. Вашъ братецъ просилъ чтобъ на его попеченіе оставили сіе дѣло. Пусть же *Г. Гревиль*, говорилъ онъ, будетъ мнѣ столь искреннимъ другомъ какъ я ему, или останется въ другомъ расположеніи; но обстоятельства, въ какихъ мы съ нимъ находимся подають мнѣ право его навѣстить, и я увѣренъ что по моемъ возвращеніи онъ не можетъ его почестъ за что инное, какъ не за учтивость. Напрасно дядюшка представлялъ ему что *Г. Гревиль* можетъ его оскорбить. Онъ шутилъ надъ такимъ опасеніемъ.

А какъ обѣденное время прервало наши представленія; то оныя паки начались послѣ обѣда. Но онъ представилъ намъ столь основательныя причины, дабы внушить намъ надѣяніе на тѣ поступки, кои онъ въ семъ посѣщеніи наблюдать расположенъ, что успокоилъ насъ въ такомъ дѣлѣ, которое насъ въ чрезвычайное смущеніе приводило. Тетушка предупредила его о учиненныхъ ею разпоряженіяхъ для принятія его въ замкъ *Шерлей*. Онъ отвѣчалъ, что это не много далеко отъ *Миссъ Биронъ*; на хотябъ онъ и у самыхъ ближнихъ дверей былъ, то и тогда бы жаловался на отдаленіе, и взирая на меня съ нѣжною улыбкою примолвилъ: сіе самое разстояніе послужитъ въ мою пользу; ибо я увѣренъ что любезная *Генріетта* Гжи. *Шерлей* не преминетъ оказывать обыкновеннаго своего долга наилучшей матери. А какъ онъ прѣхалъ обѣдать къ намъ, то подъ вечеръ съ нею отправился. И такъ, моя дорогая, мы лишились его сообщества за ужиномъ.

Вы не забудете, что я имѣю справедливую причину извиниться, что такъ скоро сіе письмо кончила. Сонъ меня утомляетъ: сколь пріятную ночь обѣщаетъ онъ мнѣ въ сравненіи съ минушею!

ПИСЬМО CVII.

Миссъ Биронъ къ той же.

Въ среду по утру 8 Ноября.

Мы еще по утру увѣдомились, что *Сирь Карль* поѣхалъ къ *Г. Гревилю* и пришли бы въ перьвые наши безпокойства, естълибъ *Г. Динъ* прибывъ вчера въ вечеру не ободрилъ насъ. Тетушка принесла мнѣ слѣдующую записку надписанную *Сиромъ Карломъ* къ моему дядюшкѣ и посланную изъ *Гревилева* дому.

„Сожалѣя, государь мой, о всѣхъ минутахъ, кои провождаю внѣ замковъ *Сельби* и *Шерлей*, поставлю себѣ долгомъ отдать вамъ отчетъ въ томъ, какъ препровелъ я свое время ,въ сію скучную отлучку.

„Я нашель *Г. Гревиля* въ такомъ состояніи, которое менѣе было щастливо нежели я ожидалъ. Съ неизреченнымъ супротивленіемъ борется онъ съ самимъ собою, дабы рѣшиться оставить всю свою надежду. Онъ казался въ чрезмѣрномъ колебаніи, когда меня къ нему ввели. Съ перьваго прихода онъ мнѣ предложилъ и притомъ довольно надмѣннымъ голосомъ, отложить свой бракъ на два или по крайней мѣрѣ на одинъ мѣсяць. Я выслушалъ сіе требованіе съ такимъ негодованіемъ, какого оно заслуживало. Онъ хотѣлъ оное оправдать нѣкіими причинами къ личной его пользѣ клонящимися; но я и оныя не охотнѣе выслушалъ. По нѣсколькихъ спорахъ онъ клялся, что по крайней мѣрѣ что нибудь для себя получить: а въ замѣну предложилъ мнѣ остаться у него обѣдать съ нѣкоторыми избранными его пріятелями, коихъ онъ уже приглашалъ. Я на сіе согласился, хотя не могъ сумнѣваться чтобъ оныя пріатели были не тѣ самые, коимъ повѣрялъ онъ свои угрозы. Я отъ него узналъ, что онъ вчера по утру выѣзжалъ изъ дому съ тѣмъ чтобъ повстрѣчаться со мною: ибо онъ хвалится, что очень хорошо былъ освѣдомленъ о всѣхъ поступкахъ *Миссъ Биронъ* и моихъ. Пусть тѣ, государь мой, кои почитаютъ за нужное примѣчать за нами, устремягъ на насъ съ любопытствомъ свои взоры. Честныя сердца мало имѣють тайностей. Я бы вмѣнилъ во славу принять руку *Миссъ Биронъ* при тысячѣ свидѣтелей.

„*Г. Гревиль* ѣхалъ во всю прошедшую ночь; онъ не говоритъ что меня искалъ, но былъ увѣдомленъ, что меня ожидали въ замокъ *Сельби* въ понедѣльникъ къ вечеру или вчера утру. Не встрѣтясь со мною онъ переночевалъ съ своими наперстниками въ *Нортгамтонской* гостинницѣ, откуда вчера съ ними поѣхалъ, въ твердомъ намѣреніи меня склонить, дабы я отложилъ свой бракъ: худо принятая мысль! Вы сами ето видите: отъ нее не могъ бы онъ надѣяться много успѣха, хотя бы мысли его были и спокойнѣе. Но мы, говорилъ онъ, предадимъ все забвенію и совершенно примиримся въ присутствіи ожидаемыхъ имъ пріятелей. Мы уже согласились, чтобъ сія подробность и самое его намѣрение никогда не разглашалось внѣ вашей фамиліи. Я увѣряю васъ, государь мой, что въ томъ расположеніи, въ коемъ бы онъ меня нашель ежелибъ

со мною повстрѣчался въ сію ночь или въ другую, не могло бы ничего вреднаго случиться; ибо я дѣйствительно о немъ соболѣзную.

„Мы теперь самые лучшіе съ нимъ друзья. Онъ вымышляетъ премногія намѣренія: а то къ коему онъ болѣе всѣхъ склоненъ состоитъ въ томъ чтобъ ѣхать на мѣсяць къ *Милади Фрамptonъ*, которую называетъ онъ наперстницею въ своихъ печаляхъ. Я подробно описалъ всѣ обстоятельства, дабы ничего было сего вечера пріобщать къ тѣмъ пріятнѣйшимъ объясненіямъ, кои привлекають къ себѣ все мое вниманіе.

Имѣю честь быть вашъ, государя моего и проч.

Злой *Гревильш* Хотя и достоинъ сожалѣнія, моя любезная, естьли склоненъ къ тѣмъ нѣжнымъ чувствованіямъ, кои себѣ присволяетъ. Пусть его ѣдетъ! Пусть удаляется къ *Милади Фрамptonъ*, или въ какое другое мѣсто: пусть тамъ живетъ щастливо, только бы отъ насъ былъ на пятьдесятъ миль! Я не перестану его бояться, пока онъ не выѣдетъ изъ нашего уѣзда.

Сколь славное качество есть храбрость, естьли оная сопровождается увѣренностію! естьли основана на праводушіи и на тамъ свидѣтельствѣ, которое въ сердцѣ своемъ о невинности онаго имѣютъ! Во всякомъ другомъ случаѣ не заслуживаетъ ли она лучше названа быть дикостію?

Но въ какія замѣшательства, моя любезная, въ какія смущенія не привожу я своего братца? Какимъ опасностямъ я его не подвергала? Никогда, никогда не можно будетъ мнѣ достойно его за оныя вознаградить?

Примѣчаніе. „Время награды на конецъ наступаетъ; и бракъ торжественъ въ заикѣ *Сельби*. Любящіе описанія празднествъ, нарядовъ и церемоній, поздравленія, веселости и проч: найдутъ въ подлинникѣ чемъ себя удовольствовать. Авторъ даже до того простираетъ свое вниманіе, что изчисляетъ и кареты, какъ оныя одна за другою ѣхали съ именами тѣхъ особъ, кои въ нихъ сидѣли. Сіи поѣзжане были всѣ родственники и друзья обѣихъ фамилій. По брачномъ торжествѣ щастливая чета отправилась въ замокъ *Грандиссонъ*, сопровождаемая Г. и Гжею. *Сельби*, ихъ дочерью *Люціею* и проч; потомъ слѣдуетъ описаніе сей прекрасной земли и всѣхъ пріятностей кои тамъ встрѣчаютъ. Но довольно представить себѣ и того, что *Миссъ Биронъ* тамъ уже основала свою жизнь подъ названіемъ *Милади Грандиссонъ*, кое супруги *Аглинскихъ Кавалеровъ* носятъ равно какъ и самыя первостатейныя дворянки.

ПИСЬМО СѢИ.

Милади Грандиссонъ къ госпожѣ Шерлей.

Въ замкѣ Грандиссонъ 6 Генваря.

Сирь Карль получилъ вчера письмо отъ *Г. Ловтера*, которой располагался выѣхать изъ Болоніи. Судя по надписанному въ немъ числу, должно бы ему здѣсь быть недѣли съ двѣ. И такъ мы можемъ его ожидать всякую минуту.

Онъ увѣдомляетъ, что если фамилія Болонская больше прежняго желаетъ исполнить свои намѣренія касательно *Клементины*, которая не перестаетъ еще отвергать посѣщеній *Графа Бельведере*; въ семь самомъ они ее ни мало не приневоливаютъ. *Г. Ловтеръ* кажется, опасается чтобъ чего недоставало къ ея излѣченію. Нещастная дѣвица! Онъ о семь заключаетъ по тому; что она не оставляетъ еще желанія своего ѣхать въ Англію. Она выслушала, какъ онъ говоритъ, съ великою твердостью извѣстіе о бракѣ *Сира Карла*. Она молила Бога благословить его и участницу его жребія: но потомъ она показывалась скушна и задумчива: а иногда находили ее погруженну въ слезахъ. А когда ее спросили о томъ причины; то она отвѣчала, что опасается чтобъ болѣзнь ея не возобновилась. Врачи совѣтуютъ, чтобъ ее скорѣе склонили выдать за мужъ. Ожидаютъ Генерала съ тѣмъ чтобъ уговорить ее къ скорѣйшему торжественанію брака. Но она требуетъ, чтобъ ей еще позволено было разъ переѣхать чрезъ Апенинскія горы и прожить нѣсколько дней во Флоренціи съ своею любезною госпожею *Бемонтъ*. Она боится видѣть Генерала.

Какъ я тронута ея состояніемъ! *Сирь Карль* не меньше долженъ ощущать смущенія. Для чего не ожидаютъ они отъ времени, сего великаго уврачевателя всѣхъ золь, успѣха въ такомъ произшествіи, которое столь много занимаетъ ихъ мысли? *Г. Ловтеръ* присовокупляетъ, что здравіе *Г. Иеронима* со дня на день укрѣпляется.

Что мнѣ сказать вамъ о нашей любезной *Емилиі*? Я о ней сожалею. Я жалею о ея младомъ сердцѣ, что столь рано ощутило любовь безнадежную; и за минуту предъ симъ видѣла что она устремила свои взоры на лице своего попечителя съ такимъ страстнымъ видомъ, что принудила его потупить свои глаза. При семъ случаѣ должна я вамъ описать бывшей мой съ нею разговоръ, по заключенію коего могу надѣяться видѣть ее нѣкогда щастливою.

Я неоднократно опасалась чтобъ ея глаза не измѣнили ей при ея попечителѣ, которой доселѣ приписываетъ ей почтеніе благодарности. Въ то время какъ онъ вышелъ, то я сказала ей съ нѣжностью сестры. Поди сюда, душа моя; она пришла. Любезная мая *Емилиа*, естли ты зриаешь на всякаго другаго человѣка такимъ видомъ, какой я часто примѣчаю, и которой ты теперь имѣла смотря на своего попечителя; то етогъ человѣкъ, ежелибъ не былъ женатъ, могъ бы надѣяться вскорѣ получить себѣ супругу. Она вздохнула. Развѣ мой опекунъ ето примѣтилъ. Я ласкаюсь, *Сударыня*, что онъ не такъ какъ вы былъ внимателенъ.

Такъ какъ я, моя любезная?

Такъ, Сударыня. Когда мой попечитель бываетъ съ нами, то я вижу что вы очень за мною примѣчаете. Но я надѣюсь что вы ни чего такого не примѣтили, что бы васъ оскорбить могло.

Ты и въ правду ето говоришь, *Емилиа*.

Мнѣ кажется что и *Милали Грандиссонъ* также не шутя говорить.

Такой отвѣтъ меня изумилъ и привелъ даже въ нѣкое замѣшательство. Ея любовь, подумала я, можетъ ее сдѣлать весьма отважною, такъ что она того и не примѣтитъ. И въ самомъ дѣлѣ, не примѣчая того что она меня нѣсколько смутила, она посмотрѣла на мое шитье, коимъ я занималась. Чего бы я не дала, Сударыня, естлибъ могла такъ превосходно шить? На вы вздыхаете, Сударыня?

Такъ, о сей бѣдной *Клементинъ*: сказала я, и дѣйствительно она представилась моимъ мыслямъ.

Вздыхаете ли вы, Сударыня, о всѣхъ тѣхъ, кои любятъ моего попечителя?

Есть разныя роды любви, *Емилиа*.

Объ етомъ и я думаю, Сударыня. Никто больше меня не любитъ моего попечителя: но ето не такая любовь какъ *Клементинина*: я люблю его благодушіе.

Да думаешьли ты, чтобъ и *Клементина* его не любила?

Конечно любить: но любовь бываетъ различная.

Такъ объясни же мнѣ, какая твоя любовь.

Мнѣ не возможно! [испустиа вздохъ:]

За чемъ вздыхать. Ты мнѣ предложила гадкой же вопросъ: я отвѣчала что воздыхаю изъ состраданія.

И я, Сударыня, соболѣзную о *Клементинъ*: но о ней не воздыхаю; потому что она могла но не захотѣла сочетаться съ моимъ попечителемъ.

Тѣмъ паче заслуживаетъ она нашихъ вздоховъ, *Емилиа*. Такія причины, каковы были ея...

И! Ея причины. Когда онъ оставилъ ей свободу жить въ ея законѣ.

Такъ не о *Клементинъ* ты вздыхаешь?

Я того и не должна дѣлать, Сударыня.

О комъ же?

Я не знаю. Не должно меня о томъ спрашивать. Привычка, больше ни чего...

Но я вижу что моя *Емилиа* еще вздыхаетъ.

На что вамъ ето примѣчать, Сударыня? Привычка, я вамъ вить сказала. Однако повѣрьте мнѣ любезная *Милади* (Обнявъ меня и скрывая свою голову въ моей груди;) естли вы узнали истинну...

Она остановилась, но не перемѣняя положенія, и я чувствовала что щеки ея горѣли.

И такъ любезная моя, естлибъ узнали истинну?

Я не смѣю говорить. Вы на меня осердитесь.

Нѣтъ, душа моя, я тебя увѣряю.

О! Конечно вы осердитесь.

Я думала, моя любезная, что мы между собою истинныя сестры. Я думала что нѣтъ у насъ ни какихъ тайностей. Скажите мнѣ: что это такое? естьлибъ узнали истинну?...

И такъ, Сударыня, чтобъ испытать ваше благодушіе, скажите мнѣ, не подвержены ли вы нѣсколько ревности?

Ревности, моя любезная, ты меня изумляешь? Для чего? Къ кому и за что ревнива? Ревность предполагаетъ въ себѣ нѣкое сумнѣніе. О чемъ могу я сумнѣваться?

Иногда; и безъ причины сумнѣваются, Сударыня.

Извинитесь лучше, моя любезная,

Не разсердились ля вы, Сударыня?

Нѣтъ. Но для чего почитать меня ревнивою?

Вы по правдѣ не имѣете ни какой причины быть ревнивою. Попечитель мой васъ обожаетъ. Всѣ согласны въ томъ что вы достойны обожанія. Но для чего огорчаться, что такое дитя, какъ я, взираетъ иногда очами признательности на своего попечителя! А ваши столь прелестныя очи всегда столь скоро меня приводятъ въ смущеніе! естьли я сама себя знаю; то я ни что иное какъ молодая невинная дѣвушка. Я люблю своего попечителя, въ томъ не отрицаюсь. Я всегда его любила, вы его знаете, Сударыня, и естьли позвольте мнѣ сказать, любила его гораздо прежде нежели онъ узналъ, что есть въ свѣтѣ столь прелестная особа какъ вы.

Я подвинула свою работу и прижавъ ее въ своихъ объятіяхъ говорила: не переставай его любить, дорогая *Емилиа*. Ты не можешь его любить сколько онъ заслуживаетъ. Ты всегда будешь видѣть, что я стану одобрять столь чистую любовь. Но ревнивость, моя любезная? Ты приписываешь мнѣ ревнивость. Это мечтается твоему воображенію. Я того только опасаюсь, чтобъ ты, поелику сердечныя движенія изражаются глазами, особливо въ молодыхъ особахъ исполненныхъ невинности, не подала повода тѣмъ, кои столь же хорошо знаютъ какъ я что приверженность твоя къ опекуну есть дѣтское уваженіе, приписать оное другаго рода чувствованіямъ, кои бы въ твоёмъ сердцѣ, ежели бы стали утверждаться, произвели столь чистое пламя, какого еще никогда не возжигалось въ *дѣвическомъ сердцѣ*.

О! Сударыня, какія выраженія вы употребляете! Онъ пронзаютъ мое сердце. Я не могу вамъ изъяснить что въ немъ происходитъ: но со дня на день мое уваженіе къ своему попечителю умножается. Мой попечитель.... Такъ, это есть настоящее мое выраженіе. Я благодарю васъ что вы меня тому научили. *Дѣтское уваженіе*, я лучше етаго назвать не могу. И никогда я его столько не почитала какъ теперь, когда вижу съ

какою пріятностію, съ какою любовію старается онъ составить благополучіе моей любезной *Милади*. Однако, Сударыня, чтобъ ничего отъ васъ не скрыть, естлибъ я была за мужемъ, да не за такимъ, которой бы не во всемъ ему былъ подобенъ; то опасалась бы своей слабости чтобъ вамъ не завидовать: по крайней мѣрѣ я была бы весьма несчастна.

Не сумнѣвайся, моя любезная, чтобъ ты, ежелибъ была способна питать въ себѣ зависть, отъ столь мерзостной страсти не сдѣлалась несчастною. Но ты никогда не должна принимать услугъ такого человѣка, въ коемъ не больше усматриваешь любви къ себѣ какъ и къ всякой другой женщинѣ, которой не будетъ честнымъ по своимъ правиламъ, и которой не видалъ нѣсколько свѣта.

Гдѣжь, Сударыня, найти людей такого свойства?

Положись въ етомъ на попеченіе своего опекуна, естли глаза твои не такъ скоро обратятся какъ разсудокъ; то вѣрь, душа моя, что онъ сыщеть тебѣ такого человѣка, съ коимъ можешь быть щастлива.

О! Сударыня, не опасайтесь ни чего отъ моей опрометчивости: во перьвыхъ по тому что по уваженію моему къ своему попечителю и къ его несравненнымъ качествамъ всѣ прочіе люди покажутся моимъ глазамъ весьма малы, еще же я столько полагаюсь на его разсужденіе, что естлибъ онъ протянувъ палець сказалъ мнѣ: *Емлія*, вотъ тотъ человѣкъ, которой тебѣ приличенъ; то я бы принудила себя любить того, котораго бы онъ мнѣ показалъ. Но мнѣ кажется что мнѣ ни когда не можно будетъ чувствовать склонности къ другому человѣку.

Времени еще довольно, душа моя. Однако не знаешьли ты одного такого, котораго бы могла предпочестъ всѣмъ другимъ, ежелибъ была въ такихъ лѣтахъ что могла бы выдти за мужъ?

Я не знаю что отвѣчать на етотъ вопросъ. У меня есть еще время, говорите вы. Я очень молода: но во всякомъ возрастѣ имѣютъ свой образъ мыслей.

Я признаюсь вамъ, Сударыня, что человѣкъ прожившій нѣсколько лѣтъ съ *Сиромъ Карломъ Грандиссономъ*, заслужившій его дружество извѣданнымъ свойствомъ....

Она остановилась.

Конечно, *Бельшеръ*?

Бельшеръ, Сударыня. Изъ всѣхъ мужчинъ, коихъ я знаю, онъ болѣе всѣхъ ему уподобляется. Но онъ человѣкъ пригожій, и я думаю, что видалъ нѣсколько такихъ женщинъ, коихъ любить можетъ.

Я не думаю, душа моя.

По чему не думаете, Сударыня?

По тому что говоря откровенно, такъ какъ бы желала чтобъ и ты говорила, онъ, какъ кажется мнѣ, оказываетъ тебѣ сколь ты ни молода надлежащее уваженіе и чрезвычайное вниманіе.

Ето изъ уваженія къ моему попечителю. Но какъ бы то нибыло ежели я сохраню дружество моего опекуна и ваше; то мнѣ желать болѣе нѣчего не останется.

Приходь ея попечителя я моего, друга моего, любовника, супруга и всего того, что ни имѣю драгоцѣннѣйшаго на свѣтѣ, окончилъ сей разговоръ. Я его предаю на ваше разсужденіе, любезнѣйшая моя; но вывожу изъ онаго весьма основательную надежду.

ПИСЬМО СІХ.

Милади Грандиссонъ къ той же.

3 Февраля.

Я вчера имѣла другой разговоръ съ *Емилиєю*. Онъ былъ гораздо основательнѣе и важнѣе, чемъ обыкновенные съ послѣдняго моего съ нею разговора, которой я вамъ сообщила. Анна, ея горнишная, которую вы знаете, примѣтила перемѣну въ своей молодой госпожѣ. Не зная уже, говоритъ она, какъ ей угодить и видя что самой лучшій ея нравъ сдѣлался не удобопреклоннѣйшимъ, она осмѣлилась ей сказать, что еслии ето еще продолжится, то она принуждена будетъ оставишь свою службу.

Подиже, отвѣчала она. Я не хочу чтобъ служанка мнѣ грозила. Ты начинаешь уже надыматься. Поди, Анна, еслии хочешь. Я не желаю твоихъ угрозъ. У меня и безъ тебя довольно печали.

Сія честная дѣвушка, которая ее нѣжно любить и служить ей съ семи лѣтъ ея возраста, коей вѣрность и хорошіе поступки отецъ ей выхвалялъ, пролила источники слезъ и хотѣла ей съ покорностію представить свои прискорбія. Она даже просила у нее позволенія. Но получила лишь новые знаки гнѣва, съ твердымъ отказомъ что не хочетъ ее слушать. Я ничего не хочу слушать; ты не такъ начала. Прежде надобно бы было тебѣ приносить свои жалобы а не угрозы. Потомъ ушла въ свой кабинетъ и заперла за собою двери.

Моя горнишная, которая мнѣ ето сказала, представила бѣдной *Анни* что она меня увѣдомить о всемъ что ни произошло. Но ета дѣвушка ни какъ на сіе не соглашалась и отвѣчала, что ея барышня, какъ и всѣ молодыя госпожи, столь ревнуетъ о своей власти, что никогда бы ей не простила за то когдабъ она отнеслась съ жалобою къ моей тетускѣ или ко мнѣ: и что еслиибъ она жаловалась не надѣясь въ етомъ успѣха; то бы тѣмъ остыдила свою госпожу, когда настоящее зло можетъ быть уврачевано временемъ и терпѣніемъ.

Емилија приводитъ меня въ жалость. Я очень легко могла угадать отъ чего происходитъ перемѣна ея нрава. Чрезмѣрное благодушіе, оказываемое ей отъ ея попечителя, паче еще умножаетъ ея любовь. Не

знаю ли сама, что нѣтъ ничего столь естественнаго? Однако, подумала я, онъ уморить ее въ печали, естли начнетъ инаково съ нею обходишься, и ради ея самой ее желалабы я, чтобъ онъ почель за необходимость перемѣнить свои поступки.

Такое изъясненіе было нужно для того что вы теперь читать будете.

Когда мой мужъ, дядюшка и Г. *Динъ* сего утра послѣ завтрака вышли, а тетушка ушла писать; то я въ семъ же намѣреніи удалилась въ свой кабинетъ. *Емилиа* постучалась у моихъ дверей. Я тотчасъ ей отперла.

Не худо ли я выбрала время, Сударыня.

Нѣтъ, мой любезная. [Я примѣтила вчера за ужиномъ и нынѣ по утру при завтракѣ признаки слезъ въ ея глазахъ, хотя ни кто равнаго замѣчанія не сдѣлалъ; на извѣстія, полученные мною отъ моей горнишной, внушали мнѣ больше о ней вниманія.]

Я взяла ее за руку и хотѣла ее посадить подлѣ себя. Нѣтъ, Сударыня, сказала она, позвольте мнѣ стоять. Я недостойна при васъ сидѣть.

[На краяхъ ея глазъ показывались слезы, но какъ я увидѣла что она пережимала вѣками въ той надеждѣ чтобъ ихъ осушить; то и не хотѣла ей показать, что ето примѣтила. Впрочемъ я думаю что была въ равномъ же состояніи по сострастію моему къ ней.]

При мнѣ, Емилиа! Пріятельница моя, сестра моя! Отъ чегобъ могли произойти такія слова? Я также стояла.] Твоя старшая сестра, душа моя, не сядетъ по тѣхъ поръ пока младшая будетъ стоять.

Она бросилась ко мнѣ на шею и слезы полились съ обиліемъ изъ очей ея. Сіе благодушіе, сіе самое благодушіе меня губить. Я пренещастная дѣвушка! Нещастная, по тому что получила все чего ни желала. Ахъ! За чемъ вы со мною не поступаете съ строгостію? Я не могу, не могу себя самой терпѣть, видя непрестанно доказательства вашего ко мнѣ благодушія.

Какаябъ была причина сего смущенія, любезная моя *Емилиа*? Я тебя люблю съ нѣжностію. Ябъ была неблагодарна, нечувствительна къ достоинствамъ моей *Емилии*, естлибъ неспоспѣшествовала всѣми моими силами ея благополучію. Что же могу я еще для нее сдѣлать, чего бы она не имѣла права требовать?

Руки ея опустились она высвободилась изъ моихъ, коими я крѣпко ее обнимала. Дайте мнѣ выдти, Сударыня. Она бросилась въ боковую горницу. Я пошла за нею и взявши ее за руку говорила; не оставляй меня, любезная *Емилиа*, въ такомъ безпокойствѣ: ты меня не покинешь. Естли ты имѣешь ко мнѣ всю ту нѣжность, какую я чувствую къ *Емилии*, то подашь мнѣ способъ облегчить отъ бремени невиннѣйшее и любви достойнѣйшее твое сердце. Откройся, любезная моя, откройся мнѣ.

О *Милади Грандиссонъ!* Достойная супруга наилучшаго изъ человѣковъ, вы должны меня ненавидѣть.

Ненавидѣть, любезная моя *Емилиа*?

Такъ, вы должны меня ненавидѣть.

Сядемъ въ этой горницѣ, ежели не хочешь возвратиться въ мой кабинетъ.

Я села на софу, а она подлѣ меня наклонясь горящими своими щеками къ моему плечу я одною рукою ее обняла, а другою взяла ея руку. Теперь, любезная моя, заклинаю тебя дружествомъ, симъ дружествомъ какое между нами какъ сестрами заключено, открыть мнѣ совершенно свое сердце. Отрекись отъ меня, ежели я, получа способъ излѣчить твои раны, не излѣю на нихъ цѣлительнаго бальзама ненарушимой моей нѣжности.

Что могу я сказать вамъ? Вчера, любезнѣйшая моя *Милади*, я получила отвѣтъ отъ *Доктора Барлета* на предложенной ему мною вопросъ отъ одной молодой дѣвицы, которая...

Она не могла окончить: она заплакала, подняла голову и утерла свои глаза. Потомъ опять наклонилась лицомъ къ моему плечу, и я ее обняла. Твой вопросъ, душа моя?

Ахъ, Сударыня, мой вопросъ, говорите вы, мой вопросъ!

Я говорю *твой* съ тѣмъ, душа моя, что сама ты предложила ея *Доктору*?

Такъ онъ вамъ ни слова не сказывалъ, Сударыня?

Конечно ни слова не говорилъ.

И въ самомъ дѣлѣ я лучше хочу чтобъ вы объ етомъ отъ меня узнали. Я только боюсь чтобъ онъ не угадалъ о какой молодой дѣвицѣ была ея речь. Плохая хитрость! Какая я дура! Онъ точно это угадаетъ.

Можноли мнѣ узнать вопросъ, душа моя, можноль узнать и отвѣтъ?

Я сожгла и то и другое будучи въ превеликомъ на саму себя гнѣвѣ за то что такъ постыдно себя обнаружила; по тому что онъ точно угадалъ ту молодую дѣвицу; я ихъ бросила въ огонь.

Но ты можешь мнѣ объяснить етотъ случай, ты можешь мнѣ пересказать отвѣтъ.

Какъ мнѣ можно, Сударыня? Вамъ, коихъ я люблю больше всѣхъ другихъ женщинъ вкупѣ, вамъ... Но вы должны меня ненавидѣть, презирать!

Ввѣрь мнѣ свою тайну, моя любезная. Когда она такая, какую какъ думаю я проницаю; то вѣрь что она никогда не выдетъ изъ моего сердца.

Она встrepетала. Что вы проницаете, Сударыня?

Не пугайся, душа моя.

О! Нѣтъ, нѣтъ! ето не возможное дѣло. Ежелибъ вы проникли...

Такъ чтожъ бы изъ того вышло?

То, что вы бы на всегда изгнали отъ лица своего завистливую *Емилию*, то склонилибъ моего попечителя отъ меня отречься.

Сказать ли тебѣ, душа моя, что я по своему мнѣнію проницаю?

Скажитежъ это мнѣ на ухо, (обнявъ меня тою рукою, которой я не держала.) скажите мнѣ такъ тихо, чтобъ я не могла разслушать.

Ты любишь своего попечителя, *Емилиа*. Онъ любить тебя.

О Сударыня?

Онъ всегда будетъ тебя любить и я такія же чувствованія хранить къ тебѣ стану. Твоя любовь основывается на признательности. Такова была и моя. Не знаю ли я, *Емилиа*, всего того, что можно сказать въ вашу пользу?

Наконецъ, Сударыня, чрезмѣрное ваше благодушіе разгоняетъ всѣ мои страхи. Я вижу что могу вамъ признаться во всѣхъ моихъ слабостяхъ, и въ моемъ дурачествѣ; тѣмъ паче что такое признаніе подастъ мнѣ нѣкое право просить у васъ совѣтовъ. Таково было мое намѣреніе; но я страшилась вашей ненависти. Въ равныхъ обстоятельствахъ находясь сумнѣвалась чтобъ была столь великодушна какъ вы. Ахъ! какъ я жалѣю что предложила свой вопросъ *Доктору*!

Докторъ, любезная моя, самой благодушной человѣкъ. Онъ вѣрно будетъ хранить твою тайну.

И увѣрители вы меня, Сударыня, чтобъ онъ ихъ не открылъ моему попечителю? Я скорѣе соглашусь умереть, нежели усмотрѣть въ немъ нѣкую ко мнѣ недовѣрчивость. Онъ бы меня ненавидѣлъ, Сударыня, хотябъ вы того и не хотѣли,

Никогда онъ сего не узнаетъ, душа моя. Вы уже требовали отъ *Доктора*, чтобъ хранилъ эту тайну, я объ етомъ не сумнѣваюсь.

Такъ, Сударыня.

Онъ ее будетъ хранить, не бойся ничего, особливо когда любезное твое чистосердечіе привело меня въ состояніе, любезная моя, сыскать средства для безопасности твоей чести и для сохраненія къ тебѣ почтенія отъ твоего попечителя.

Такъ, Сударыня. Етаго точно я и желаю.

И такъ открой мнѣ сіе невинное сердце. Взираи на меня какъ на свою пріятельницу и на сестру, какъ будтобы я не была щастливою женою твоего любезнаго попечителя.

Я это вамъ обѣщаю, Сударыня... Увы: Я не имѣла къ себѣ недовѣрчивости даже да самага дня вашего брака. Тогда лишь начала я чувствовать смущеніе въ моемъ сердцѣ, тѣмъ паче что я усиливалась скрывать его отъ собственныхъ своихъ глазъ; ибо я дѣйствительно страшилась обращать ихъ на себя. Отъ чего происходитъ во мнѣ сей страхъ? Вопросала я себя каждую минуту. Не должна ли я чемъ себя укорять? Какія мои желанія? Какая можетъ быть моя надежда? Не истинноли то что я люблю *Милади Грандиссонъ*? Такъ, конечно. Однако, во временамъ... Не ненавидѣте меня, Сударыня. Я открою вамъ всю внутренность моего сердца и всѣ свои слабости.

Продолжай, любезная *Емилиа*: ты не можешь подашь мнѣ лучшаго доказательства своей нѣжности и довѣренности.

Однако по временамъ, какъ думаю, чувствовала я что въ сердцѣ моемъ возраждалось нѣчто такое, которое походило на ненависть. Ахъ! Вы страждете, я вижу, слыша отъ меня такое названіе?

Естьли я страдаю, то конечно изъ соболѣзнованія о твоихъ печаляхъ, любезная моя *Емилиа*. Ты не знаешь, сколь отверсто мое сердце твоей довѣренности. Продолжай же душа моя.

Нѣкогда вознамѣрясь изслѣдовать свои чувствованія, попрошу я у него, подумала я въ себѣ, позволенія жить съ ними послѣ ихъ брака: ахъ! Чего ожидала я отъ сего требованія? Ничего опрочъ невиннаго, вѣрьте мнѣ. То чего желала, было сдѣлано, это такая милость, которую я почитала нужною къ моему благополучію. Однако, стократно на день себя я спрашивала, щастливали я? Нѣтъ; станули меньше любишь своего попечителя? Нѣтъ. Любезнѣ ли мнѣ стала *Милади*, за то что для меня испросила такую милость? Мнѣ кажется что я ей болѣе и болѣе удивляюсь, и чувствую всѣ ея милости; но незнаю что то еще ощущаю. Мнѣ кажется что любя ее много желалабы иногда любить ее менѣе. Неблагодарная *Емилиа*! И тогда я весьма себя укоряла. Конечно, Сударыня, сожалѣніе много походить на любовь: ибо въ то время какъ неизвѣстность ваша продолжалась, то думаю что больше самой себя я васъ любила: но когда увидѣла васъ щастливою, и когда не осталось мнѣ причины сожалѣть о васъ; то, о какая ненавистная я дѣвка, казалось мнѣ что я иногда бы за удовольствіе почла, естьлибъ могла васъ чемъ нибудь унизить. Не ужели теперъ вы меня не ненавидите?

Нѣтъ, нѣтъ, *Емилиа*. Мое сожалѣніе, какъ ты говоришь, усугубляетъ мою къ тебѣ нѣжность. Продолжай любезная дѣвица. Душа твоя есть отверстая книга природы. Дай мнѣ прочесть въ ней и другую страницу; и положишь на нѣжнѣйшее мое къ тебѣ благорасположеніе. Я прежде самой тебя знала, что ты любила своего попечителя.

Прежде самой себя, какъ етому статься, Сударыня... И такъ я недопускала до того, чтобъ мнѣ предлагали о томъ вопросы. Какъ, *Емилиа*? Нѣжность къ попечителю своему въ тебѣ усугубляется, а къ *Милади Грандиссонъ* нѣтъ, хотя она имѣетъ къ тебѣ_всю должную дружбу! Не ужели зависть въ сердце твоемъ смѣшивается съ удивленіемъ? Ахъ! безразсудная, безчувственная дѣвица! когда кончатся твои дурачества? Боже мой! Естьли я какъ теперъ буду игралицемъ моихъ страстей, то не сдѣлаюсь ли самою неблагодарною изъ покровительствуемыхъ? не привлеку ли на себя ненависти моего попечителя, вмѣсто его благорасположенія? Не почтутъ ли меня всѣ люди презрительною? И какой же будетъ конецъ всѣхъ такихъ несчастныхъ для меня предположеній? Однако я не упустила такимъ образомъ себя извинять ибо была увѣрена что ничего худаго не заключалось въ моихъ предначинаніяхъ: я знала что единое мое желаніе стремилось къ тому, чтобъ видѣть себя любиму отъ моего попечителя и чтобъ его могла

любишь. Но что же? помыслила я напоследокъ; могу ли я себѣ позволить любить челоуѣка женатаго, и женатаго при томъ на моей пріятельницѣ? Иногда такая мысль приводила меня въ трепеть, ибо обращала я свои глаза на минувшее время и говорила себѣ: было ли за годъ предъ симъ тебѣ позволено, *Емилія*, простирать столь далеко свои желанія, какъ теперъ? Нѣтъ, отвѣчала я на собственной свой вопросъ. Не ясно ли сімъ показывается тебѣ путь, которой бы, тебѣ надлежитъ избрать на другой годъ? При семъ рѣшилась я предложить нѣкое обстоятельство *Доктору Барлету* отъ имени трехъ особъ, кои какъ думала, были знакомы моей горнишной; есть двѣ молодыя дѣвушки и одинъ молодой мущина, которой живетъ въ одномъ съ ними домѣ; етотъ молодой мужчина склоненъ къ одной изъ тѣхъ молодыхъ дѣвицъ; другая зная ето самое, хотя и не способна ни къ какой преступнической мысли, но чувствуетъ что уваженіе ея къ тому молодому челоуѣку возрастаетъ, и начинаетъ страшиться не должна ли чемъ осудить свое сердце. Какое бы мнѣніе могъ объявить *Докторъ* въ такомъ случаѣ, спросила я его ихъ именемъ? И подлинно какое было его мнѣніе, моя любезная? Я со всею глупа что предложила ему такой вопросъ. Онъ точно ето угадалъ, я еще сіе повторяю. Если вы, *Сударыня*, могли угадать, хотя вамъ такого вопроса не предлагали; то ему безъ труда должно было ето угадать. Мы молодыя дѣвушки думаемъ что никто насъ не видитъ, когда прикрываемъ рукою свои глаза. Словомъ *Докторъ* объяснился, что усугубленіе такого почтенія есть начало любви. Изъ чего слѣдовало, что рано или поздно та молодая дѣвица стараться будетъ вредить своей пріятельницѣ, хотя теперъ и одна таковая мысль приводитъ ее въ трепеть. Онъ желалъ, чтобъ *Анна* увѣдомила его, что будетъ предостерегаться отъ возраждающейся страсти, которая, говорилъ онъ, можетъ чрезвычайно вредить ея сердцу, и не доводя ее до желаемой цѣли, составитъ несчастіе благополучной четъ, которая, по моему показанію, достойна жребія, коимъ наслаждается. Наконецъ сказалъ, чтобъ ей совѣтовали оставить свой домъ и для своей же чести и покоя удалиться отъ онаго какъ можно на большее разстояніе. Повѣрьте мнѣ, *Сударыня*, такое рѣшеніе чрезвычайно меня устало. Я бросила свои бумаги въ огонь и съ тѣхъ поръ какъ ихъ у меня нѣтъ, не имѣю я ни мало покоя. Любезная *Милады Грандиссонъ*, думала я непрестанно, ежели вы по благодушію своему нѣсколько меня ободрите; то я открою вамъ мое сердце. Должно же когда ни будь вамъ слышать о моемъ дурачествѣ и слабости. Теперъ, *Сударыня*, простите меня, храните мою тайну, и скажите что мнѣ должно дѣлать.

Чтожъ мнѣ сказать тебѣ, душинька моя? Я тебя люблю и всегда любить стану. Я столько же буду пещись о твоей чести какъ и о моей. Я стану стараться, дабы твой попечитель не переставалъ ни мало оказывать тебѣ свою нѣжность.

Я ласкаюсь, Сударыня, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ дурачествѣ.

Онъ всегда мнѣ о тебѣ говорилъ съ нѣжностію.

Слава Богу! Но, скажите мнѣ, дайте мнѣ какойнибудь совѣтъ: я предаю сердце свое въ вашу волю. Вы будете имъ руководствовать какъ вамъ угодно.

Какъ ты сама о томъ думаешь, моя любезная?

Я должна болѣе мыслить, Сударыня, чтобъ не жить съ вами.

За чѣмъ? Ты всегда будешь во мнѣ имѣть истинную пріятельницу.

Но я увѣрена, что мнѣніе Доктора справедливо. Я должна вамъ признаться, Сударыня, что въ каждый день и на всякой часъ, когда вижу, его къ вамъ нѣжность, удовольствіе какое онъ чувствуетъ отъ своихъ благотвореній и удивленіе, кое ему всѣ оказываютъ, болѣе и болѣе еще удивляюсь. Я вижу что менѣе имѣю надъ собою власти, чѣмъ прежде думала; и ежели его достоинства стануть непрестанно оказываться съ новымъ блескомъ; то мнѣ по своей слабости не возможно будетъ снести сіянія его славы. О! Сударыня, мнѣ должно бѣжать. Чего бы мнѣ ни стоило, но я намѣрена бежать.

Сколько удивленія, жалости и нѣжности ощутила я къ сей любезной дѣвицѣ! Я приняла ее въ свой объятія; и прижимая ее къ сердцу говорила: что мнѣ тебѣ сказать, моя *Емилиа*? Скажи мнѣ сама чего ты отъ меня ожидаешь?

Вы благоразумны, Сударыня. Сердце ваше нѣжно и великодушно. Ахъ! почто я не такъ добра. Предпишите мнѣ чтонибудь. Я вижу, что дурачествобъ было, естълибъ я желала остаться жить съ вами и съ моимъ попечителемъ.

Не ужели нужно, моя любезная, для успокоенія твоихъ чувствованій, чтобъ ты не стала съ нами жить?

Не обходимо нужно, я въ етомъ убѣждена.

Не поѣдешьли въ Лондонъ, моя любезная, искать покровительства у его тетки?

Какъ! Сударыня. Еще въ домъ моего попечіяіеля. Я надѣюсь что недолгое отсудствіе при помощи такого расположенія, когда подаеть мнѣ толь основательныя доказательства, произведеть желаемое нами дѣйствіе; ибо, любезная моя, ты никогда не можешь о иномъ и думать, какъ только чтобъ удивляться въ удаленіи своемъ превосходнымъ качествамъ моего попечителя.

Правда что я теперъ только себя познаю. Я никогда не думала что могла имѣть инную надежду, кромѣ той что тебя почитать будутъ какъ его дочь: и думаю, что такое открытіе не очень поздно произошло. Но я не должна жить въ одномъ домѣ, не должна жить съ нимъ въ непрерывномъ сообществѣ.

Удивительная скромность! Прелестная и невинная дѣвица! Ну, душа моя, естли ты обратишься къ *Милади Л...* Или *Милади Ж...*

Ахъ! Нѣтъ, нѣтъ. Я никакой изъ того выгоды не получу. Попечитель мой былъ бы тогда непрестанно предметомъ нашихъ разговоровъ, а онъ бы часто и очень еще часто по братней нѣжности навѣщалъ своихъ сестрицъ.

Какая бодрость! Я тебѣ удивляюсь, *Емилиа*. Я вижу что ты о всемъ етомъ много разсуждала. Какія же твои мысли?

Не ужели вы ихъ не угадываете?

Я знаю чего бы могла желать... Но тебѣ должно говорить прежде:

Не помните ли вы что мнѣ любезная госпожа *Шерлей* въ день вашего брака сказала... что меня бы стали почитать въ фамиліи какъ другую *Генріетту*.

Помню, дражайшая моя *Емилиа*. И неужели ты склонна....

Ахъ! Сударыня, естлибъ я получила сію милость, то все бы мое честолюбіе стремилось къ тому чтобъ слѣдовать по вашимъ стопамъ въ замокъ *Сельби*, принести туда о васъ извѣстія, писать къ вамъ, образовать себя по тѣмъ примѣрамъ, кои служили къ усовершенію васъ самихъ и получить отъ Гжи. *Шерлей* и отъ Гжи. *Сельби* имя ихъ *Емилии*. Но вы, Сударыня, доставите мнѣ согласіе моего попечителя?

Я всѣми силами о томъ стараться буду.

Ваши силы? По етому въ успѣхъ уже можно быть увѣрену. Онъ вамъ ни въ чемъ не откажетъ.

Любезная госпожа *Сельби* будетъ ли согласна...

Въ етомъ я не сумнѣваюсь, естли твой попечитель на сіе согласится.

Г. и Гжа. *Сельби* захотятъ ли меня принять какъ свою племянницу.

Мы можемъ съ ними посовѣтовать, они по щастію здѣсь.

Но остается одна трудность, Сударыня, самая большая.

Какая же, душа моя?

Вашъ двоюродной братецъ, молодой Г. *Сельби*. Я бы его почитала какъ вашего двоюроднаго брата, и какъ единокровнаго брата двухъ дѣвицъ *Сельби*, но въ етомъ бы все и заключалось.

Никогда, моя любезная, не имѣла я такой мысли, да и фамилія моя о томъ не помышляетъ.

И такъ, Сударыня, ежели вы совершите съ успѣхомъ мое начинаніе; то я поѣду съ Г. и Гжею. *Сельби* при ихъ отъѣздѣ и не сумнѣваюсь чтобъ вскорѣ не учинилась щастливою дѣвицею. Но помните всегда, что я должна любить своего попечителя. Сія любовь, Сударыня, будетъ такая, которую я большею, и естли можно самую большею частію ощущать стану къ *Милади Грандиссонъ*. Теперь [бросаясь ко мнѣ на шею] позвольте мнѣ просишь у васъ прощенія за столь многія и странныя мои желанія, сердце мое съ такою повѣренною, какъ вы, будетъ спокойнѣе. Сей примѣръ благодушія поставляетъ васъ превыше самой *Клементины*.

Сколько должна я васъ благодарить за ваше терпѣніе въ слушаніи такого содержанія моихъ речей! Однако увѣрьте меня, любезная *Милади*, что не ненавидите той молодой дѣвушки, которая по тщеславію своему желаетъ подражать вамъ и *Клементинѣ*.

Я заплакала отъ радости, сожалѣнія и нѣжности. Не болѣе ли ощущаете вы, любезная бабушка, нѣжности къ сей милой дѣвицѣ, чемъ прежде? Не назовете ли ее своею *Емилиєю*? И не станете ли о ней такъ думать, какъ ваша *Генріетта*?

Въ понедѣльникъ 5.

Я уже получила отъ моего дядюшки и тетушки одобреніе и согласіе на желанія *Емилии*. По ея прозьбѣ они просили у *Сира Карла* согласія, какъ нѣкоей милости. Онъ хотѣлъ ее для сего видѣть. Она пришла съ боязливымъ видомъ и потупленными очами. Я узналъ, *Емилиа*, говорилъ онъ ей взявъ ее за руку, что вы желаете возвратить госпожѣ *Шерлей* и Г. и Гже. *Сельби* внуку и племянницу, которую я у нихъ похитилъ: они о томъ радуются. Вы будете щастливы подъ ихъ покровительствомъ. *Милади* не безъ сожалѣнія васъ отпуститъ. Но она для ихъ согласуется; намъ еще прибавится удовольствія при нашихъ посѣщеніяхъ въ Нортгэмптонширѣ. Твердо ли принято сіе намѣреніе, моя любезная? Такъ Сударь, и я надѣюсь что вы мнѣ позволите ѣхать съ Гжею. *Сельби*.

Вы ето между собою расположите, Сударыни. Я только одно слова прибавлю: у васъ есть матушка, *Емилиа*. Мы не должны принимать ни какого намѣренія безъ ея соучастія. Должно также оказать почтеніе моимъ сестрицамъ, ихъ мужьямъ и моей тетушкѣ. Они васъ любятъ: моя питомица должна себѣ сохранить почтеніе и дружество всѣхъ честныхъ людей.

Любезная дѣвица низко ему поклонилась и плача говорила, что ея попечитель самой милостивой человѣкъ. Естъли мысли ваши перемѣнятся, предпріялъ онъ, то не опасайтесь дать мнѣ ето знать. Мы взаимно будемъ, стараться споспѣшествовать щастію одни другимъ. Между тѣмъ подумайте, нѣтъ ли еще чего, чемъ бы могъ я васъ обязать.

О! Государь мой, ваши милости... [она подбѣжала ко мнѣ и укрывъ голову у моей груди, окончила тамъ начатою речь.]... не должны излишне много простираться къ несчастной дѣвицѣ! Я поцѣловала ее въ лобъ. Какая героическая бодрость! Сказала я ей весьма тихо, чтобъ подкрѣпишь ее въ сей твердости. И такъ любезная моя бабушка, сіе важное дѣло уже распоряжено. Тетушка моя отвѣчаетъ за ваше одобреніе и вы получите о семъ письмо отъ *Стра Карла*. Дядюшка и тетушка начинаютъ нами скучать: по крайней мѣрѣ мы съ *Сиромъ Карломъ* ето имъ говорили. Они думаютъ что мы не разумны и отъ того спѣшатъ своимъ отъѣздомъ.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.